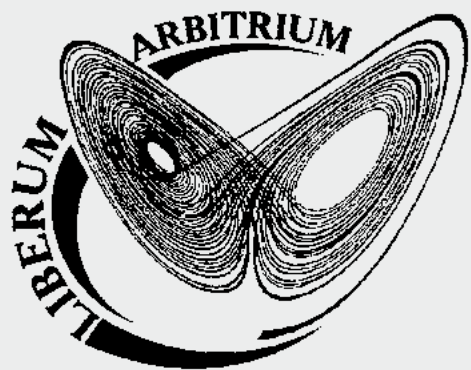

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

НА ЭМБЛЕМЕ ФОРУМА ИЗОБРАЖЕН АТТРАКТОР ЛОРЕНЦА – ФИГУРА, ВОПЛОЩАЮЩАЯ
ВАРИАНТНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ПОТОКОВ ЧАСТИЦ В НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМАХ

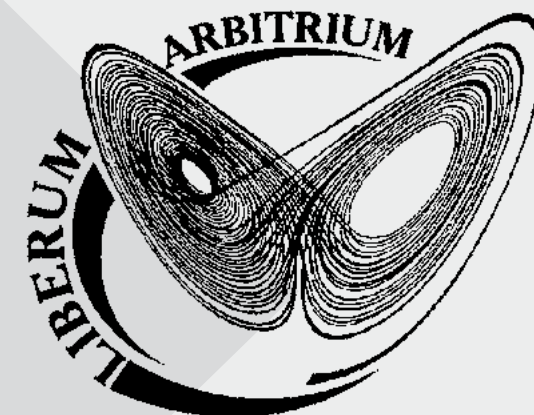
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ АПРЕЛЬ-ИЮНЬ / 2023

INTERNATIONAL TRENDS
Journal of International Relations Theory and World Politics

ISSN 1728-2756 (PRINT)
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Том 21. Номер 2 (73). АПРЕЛЬ-ИЮНЬ / 2023
Volume 21. No. 2 (73). APRIL-JUNE / 2023

**ЭКЛЕКТИКА ТЕОРИИ VS.
ДИАЛЕТИКИ ЖИЗНИ**

МЕГАТРЕНДЫ

Иван Тимофеев ► Конгресс и санкции

Игорь Окунев ► Коррупция и география:
Евгения Захарова «эффект соседства»

Кирилл Бабаев ► Южная Корея
Константин Асмолов между США и КНР

Научно-образовательный **ФОРУМ** по международным отношениям

неправительственная некоммерческая организация
для содействия научно-образовательным
и просветительским программам, нацеленным
на формирование в России современного
профессионального сообщества международников
и политологов

Под нынешним названием Форум работает с 2000 г.

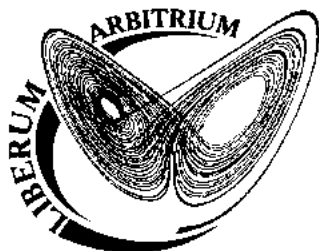
Президент Форума
Алексей Богатуров

Исполнительный директор
Андрей Байков

Сайт Форума:
<http://www.obraforum.ru>

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 21. Номер 2 (73)
АПРЕЛЬ–ИЮНЬ **2023**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Igor Istomin
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Sergey Afontsev, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Tatiana Alekseyeva, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Vladimir Baranovsky, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Andrey Baykov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Irina Bolgova, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexander Bulatov, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Timothy J. Colton, *Harvard University, USA*

Christine Inglis, *University of Sydney, Australia*

Igor Istomin, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexey Fenenko, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Maksim Kharkevich, *Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation*

Nikolai Kosolapov, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

S. Neil MacFarlane, *Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland*

Tatiana Shakleina, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Valery Tishkov, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Pavel Tsygankov, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Alexei Voskressensky, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

William C. Wohlforth, *Dartmouth College, USA*

ISSN 1728-2756 (PRINT)

ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

«International Trends» (*Mezhdunarodnye protsessy*) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский,
Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский,
Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США),
Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишков,
Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко, Максим Харкевич,
Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Шеф-редактор – первый заместитель главного редактора

Игорь Истомин

Ответственный секретарь – заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Редакционно-корректорская группа

Даниил Менчиков, Ирина Николаева, Иван Хлудов

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещанию и средствам массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)

ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2022

© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2022

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

CONTENTS

RESEARCH ARTICLES

REALITY AND THEORY

Ivan Timofeev	US Congress and Policy of Sanctions	6
Ivan Loshkariov	Anthropomorphizing the State in IR Theory	22
Anne Crowley–Vigneau	Realist constructivism: a new perspective	
Andrey Baykov	on norm theory	44
William C. Wohlforth		

CATCHING A TREND

Liudmila Samarskaia	Political Crisis and Right–Wing Populism	63
Alexander Chekov	Hypersonic Weapons: Evolution or Revolution?	82
Sofia Babkina		
Igor Okunev	The Neighborhood Effect on Perceptions of Corruption	
Evgenia Zakharova	Comparative Spatial Autocorrelation Analysis	103

DEBATING AN ISSUE

Kirill Babaev	The Republic of Korea between China and the United States	
Konstantin Asmolov	in the Face of Confrontation over Taiwan	120

SCHOLARLY REVIEWS

SCRIPTA MANENT

Book Reviews

Evgeniya Stolyarova	Politicizing Ecology: a critical view	136
---------------------	---	-----

<i>Our authors</i>	142
--------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Иван Тимофеев	Политика санкций в законопроектах Конгресса США	6
Иван Лошкарёв	Проблема «очеловечивания» в теории международных отношений	22
Anne Crowley-Vigneau Andrey Baykov William C. Wohlforth	Realist constructivism: a new perspective on norm theory	44

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

Людмила Самарская	Политический кризис и правый популизм в Израиле	63
Александр Чеков Софья Бабкина	Гиперзвуковые вооружения: эволюция или революция?	82
Igor Okunev Evgenia Zakharova	The Neighborhood Effect on Perceptions of Corruption: Comparative Spatial Autocorrelation Analysis	103

ХОЛОДНО – О ГОРЯЧЕМ

Кирилл Бабаев Константин Асмолов	Республика Корея между КНР и США в контексте тайваньского вопроса	120
-------------------------------------	---	-----

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

SCRIPTA MANENT

Рукописи не горят. Рецензии

Евгения Столярова	Политизация экологии: критический взгляд	136
-------------------	--	-----

Наши авторы

Our authors

ПОЛИТИКА САНКЦИЙ В ЗАКОНОПРОЕКТАХ КОНГРЕССА США

ИВАН ТИМОФЕЕВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Конгресс США играет всё более заметную роль в американской политике санкций. Хотя президент и его администрация сохраняют за собой высокую автономию в вопросах внешней политики, Конгресс активно участвует в формировании повестки дня, разработке санкционных режимов, а также их последующей модификации. Утверждение санкций Конгрессом в законодательстве США консервирует их на длительный период. Подобная институциональная роль Конгресса ставит ряд исследовательских вопросов: какие содержательные приоритеты можно выделить сегодня в законотворческой деятельности Конгресса? совпадают ли данные приоритеты с деятельностью администрации? является ли тема санкций предметом консенсуса республиканцев и демократов, или выделяются специфические темы отдельных партий? что именно предлагается Конгрессом по таким приоритетным направлениям, как политика в отношении России, Китая, Ирана? какие именно санкции предлагает Конгресс? какова «выживаемость» законопроектов и какие приоритеты чаще получают поддержку законодателей? Проведён анализ 539 законодательных инициатив, предполагающих применение конкретных санкций. Охвачен период с января 2019 по апрель 2023 года. Информация закодирована в виде переменных, фиксирующих страны-мишени, политические поводы для санкций, предлагаемые санкционные меры, партийную принадлежность авторов законопроекта и другую информацию. Обработка данных показывает совпадение тематических приоритетов Конгресса и администрации, хотя по некоторым проблемам, таким как «иранская ядерная сделка», законодатели предпринимают попытки ограничить полномочия администрации. Данные демонстрируют наличие партийных расхождений по ряду вопросов, а также присутствие тем, продвигаемых отдельными партиями. Республиканцы заявили о себе как о локомотиве антикитайских санкций, непримиримых противниках восстановления «иранской ядерной сделки», сторонниках санкций в отношении Афганистана и т.п. Демократы продвигают политику санкций в новые области, такие как климат, экология, права меньшинств и т.п. Однако большая часть законопроектов всё же выдвигается представителями обеих партий. Именно они в большинстве своём становятся законами. Инструментарий предлагаемых санкций во многом универсален: блокировка активов, визовые санкции, торговые ограничения. В ряде законопроектов предлагаются особые ограничительные меры для отдельных стран, такие как участие в совместных оборонных программах. Китай и Россия — ключевые приоритеты Конгресса в вопросе санкций.

Ключевые слова:

санкции; политика санкций; Конгресс США; президент США

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.05.2023

Дата принятия к публикации: 26.07.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: itimofeev@russiancouncil.ru

Роль Конгресса в политике санкций США растёт как минимум с 1970-х годов [Hufbauer et al. 2009: 135]. Президент и его администрация обладают высокой автономией, широкими возможностями и развитым механизмом применения ограничительных мер [Тимофеев 2022b]. Тем не менее подавляющее большинство направлений политики санкций находит отражение в законодательной деятельности Конгресса. Более того, Конгресс может опережать исполнительную власть в формировании повестки по вопросам санкций, заявляя о некоторых проблемах в своих резолюциях или законодательных инициативах. Отмена или пересмотр законодательных актов — значительно более сложный процесс в сравнении с пересмотром решений исполнительной власти. Утверждение санкций Конгрессом в законодательстве США консервирует их на длительный период. Хотя президент зачастую обладает возможностью вводить исключения по исполнению законодательства или применять законы весьма гибко, сам факт укоренения санкций в законодательстве существенно затрудняет их отмену. Иными словами, с Конгрессом приходится считаться как исполнительной власти самих США, так и странам и лицам, в отношении которых действуют санкции. Такие страны и лица могут теоретически убедить исполнительную власть США отменить или смягчить санкции. Тем не менее их успех может быть разбит позицией Конгресса.

Институциональная роль Конгресса в политике санкций США порождает ряд исследовательских вопросов. Какие содержательные приоритеты выделяются в законодательской деятельности Конгресса? Совпадают ли данные приоритеты с деятельностью администрации? Является ли тема санкций предметом консенсуса республиканцев и демократов, или выделяются специфические темы отдельных партий? Что именно предлагается Конгрессом по таким приоритетным направлениям, как политика в отношении России, Китая, Ирана? Какие именно санкции предлагает Конгресс? Какова «выживаемость» законо-

проектов и какие приоритеты чаще получают поддержку законодателей?

Ответы на поставленные вопросы раскрываются через тестирование следующих гипотез.

Первая гипотеза состоит в том, что Конгресс и администрация по вопросу политики санкций являются скорее союзниками, нежели соперниками. Совпадают их тематические приоритеты и подходы к проблемам, хотя Конгресс и предлагает ряд новых тем.

Вторая гипотеза предполагает наличие ядра вопросов, являющихся предметом консенсуса демократов и республиканцев, но не исключает особых партийных приоритетов. С одной стороны, российская тематика, например, находится в фокусе внимания обеих партий, тогда как санкции в отношении Китая в большей степени продвигаются республиканцами. С другой стороны, демократы в своих законодательных инициативах могут делать больший акцент на увязке санкций с правами человека и такими новыми темами, как гендер, климат или права меньшинств. Тем не менее «выживаемость» законопроектов связана именно с принадлежностью к ядру консенсуса двух партий.

Третья гипотеза подразумевает независимость содержательных приоритетов политики санкций от предлагаемых ограничительных мер. Сформировался общий набор инструментов санкций, который является универсальным для всех тем. Например, таргетированные санкции могут предлагаться как в отношении Ирана, так и применительно к России или Китаю.

Тестирование гипотез будет осуществляться с помощью анализа 539 законопроектов по санкциям, которые рассматривались Конгрессом в период с января 2019 по апрель 2023 года.

Сильный или слабый Конгресс?

В 1937 г. американский юрист Стефан Райзенфельд отмечал, что распределение полномочий между Конгрессом и президентом остаётся одним из «тёмных пятен на карте полномочий федеральной власти» [Reisenfeld 1937: 643]. Вернувшись к своей статье 50 лет спустя, Райзенфельд конста-

тировал, что Конституция США сама по себе является источником «динамического напряжения» между законодательной и исполнительной властью [Reisenfeld 1987: 406].

В первой половине XX века выдвигались вполне убедительные аргументы в пользу слабого Конгресса. Уже тогда констатировалось, что в двусмысленной правовой среде баланс полномочий склоняется в пользу исполнительной власти. Гарри Джонс в статье 1941 г. указывал на ряд очевидных преимуществ президента и его администрации. Во-первых, в их руках сосредоточены экспертиза и источники информации по внешнеполитическим вопросам. Конгресс может иметь свою точку зрения, но не обладает сопоставимыми экспертными возможностями. Данное преимущество, по его мнению, усиливается тем, что с зарубежными контрагентами взаимодействует именно администрация. В её руках и дипломатическая переписка, которая вполне может сохраняться в секрете даже от Конгресса в том случае, если раскрытие информации несёт угрозу национальной безопасности.

Сенат может заблокировать заключение международного договора, но сама работа над договором — в руках президента. Впрочем, игнорировать Сенат тоже нельзя, что показало блокирование Версальского договора. Тем не менее институциональные преимущества исполнительной власти делают вполне оправданным делегирование ей высокой автономии. Это касается и санкций. Например, Закон об эмбарго 1794 г. давал президенту полномочия вводить эмбарго по своему усмотрению. Даже в отношении идеологически чуждой Советской России Конгресс оставил президенту пространство для манёвра в принятии решений об экономической помощи и сотрудничестве. Президенту желательно избегать решений, которые натолкнутся на противодействие Конгрес-

са, но во внешней политике у него должна быть свобода манёвра, недопустимая в политике внутренней [Jones 1941: 568, 570, 572, 573–575].

В 1966 г. Арон Вильдавский предложил концепцию «двух президентств», имея в виду, что отношения с Конгрессом по международным вопросам и безопасности существенно отличаются от внутренней политики. Как и Джонс, Вильдавский разделял идею о важности экспертного и информационного превосходства исполнительной власти. В 1945–1965 годах практически все инициативы президента в области внешней политики были поддержаны Конгрессом [Wildawski 1966]. О преимуществе исполнительной власти писали и советские исследователи [Громыко 1957, Маринин 1967]. При этом к концу 1970-х реалии стали меняться. Критики Вильдавского отмечали, что президент сохраняет лидерство во внешней политике, но оно перестало быть монолитным [Leloup, Shull 1979]. Усилилась взаимосвязь внешней и внутренней политики, война во Вьетнаме оказалась в центре внимания общественности и Конгресса, появилось новое законодательство, частично ограничивающее полномочия президента, такие как Резолюция о военных полномочиях (War Powers Resolution), а применительно к политике санкций — Закон о чрезвычайных полномочиях 1976 года (NEA)¹ и Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях 1977 года (IEEPA)². Конгресс активнее заявил себя в вопросах секретности, иммиграционных квот, военных расходов, помощи зарубежным странам и др. Он стал играть более заметную роль в советско-американских отношениях [Юнгблуд, Ильин 2020]. Экспертиза в области внешней политики стала более разносторонней и диверсифицированной. Тем не менее речь скорее шла об использовании Конгрессом сдержек, а не противовесов [Leloup,

¹ National Emergencies Act (NEA) of 1976. URL: <https://www.congress.gov/bill/94th-congress/house-bill/3884/text> (accessed: 02.08.2023).

² International Emergency Economic Powers Act (IEEPA) of 1977. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/ieepa.pdf> (accessed: 02.08.2023).

Shull 1979: 718]. Серьёзные трения президента и Конгресса полагались возможными только по таким значимым вопросам, как война во Вьетнаме [Olson 1976: 575], хотя советские авторы показывали более широкую палитру подобных трений [Белоголов 1974, Кокошин 1981, Иванов 1982].

Опыт 1960–1980-х годов дал практические аргументы сторонникам теории сильного Конгресса. Например, в 1994 г. Джеймс Линдси провёл анализ возможностей законодательного органа с позиций нового институционализма. Исследователь указывал, что Конгресс может влиять не только на содержание законодательства, но и на процедуры принятия решений и отчётности по ним. Иными словами, важна не только политика как таковая, но и политический процесс. Среди процедурных решений — создание новых институтов в структуре исполнительной власти, законодательное требование отчётов исполнительной власти по вопросам внешней политики, вовлечение отдельных групп в процесс принятия решений (например, частного сектора или самого Конгресса) и др. При этом Линдси признавал, что процедурные инновации не гарантируют успех. Бюрократия может заматывать требования Конгресса или исполнять их формально. Мониторинг исполнительной власти труден и затратен. К тому же по внешнеполитическим вопросам не всегда очевидна отдача для конгрессменов в плане поддержки избирателей, тогда как именно электоральный успех является для них важнейшей мотивацией. И всё же процедурные решения дают Конгрессу дополнительные рычаги влияния [Lindsay 1994].

Джош Чафетс привёл дополнительные аргументы в пользу теории сильного Конгресса [Chafetz 2012]. По аналогии с известной работой Джозефа Ная он разделил возможности Конгресса на условно «жёсткие» и «мягкие». К «жёсткой» власти Конгресса относится возможность влиять на бюджетные ассигнования [см. также: Травкина 2002]. В их числе и возможность проводить расследования и привлекать к ответственности сотрудников админи-

страции за неуважение к Конгрессу в случае отказа от сотрудничества. Такие случаи редки, но сама их возможность существует. К «мягкой» власти относится способность формировать повестку, публично обсуждать даже самые чувствительные аспекты внешней политики, ставить их как в политической, так и в этической плоскости. Проблема в том, что данные полномочия эффективны в комплексе, и Конгресс использует свои возможности в полной мере далеко не всегда [Chafetz 2012].

Джеймс Скотт и Ральф Картер предлагают иную типологию возможностей Конгресса. Наряду с законодательными возможностями, могут использоваться и незаконотательные, такие как запросы или расследования. Действия могут быть как прямыми (непосредственные действия Конгресса или его структур), так и косвенными (действия, предполагаемые созданными законодательством процедурами отчётности). Выделяется также четыре типа поведения Конгресса в отношении администрации: конкуренция (неприятие Конгрессом курса президента по вопросу), отстранённость (при молчаливом следовании в фарватере действий президента — Disengaged Congress), активная поддержка (Supportive Congress), осторожное противодействие (противодействие президенту по узкому кругу конкретных вопросов — Strategic Congress). Соответственно, Конгресс может проявлять свою силу или слабость в каждом из этих режимов по-своему. Было установлено, что в период острого кризиса, подобного атакам 11 сентября, Конгресс поддерживает президента. Вместе с тем по мере затягивания конфликтов или неудач администрации Конгресс может противодействовать ей. Так произошло в отношении войн в Афганистане и Ираке [Scott, Carter 2014]. Схожие тенденции ранее отмечали и российские исследователи [Согрин 2004]. Впрочем, залогом эффективности федеральной власти является именно сотрудничество, а не соперничество двух ветвей власти [Журавлева 2011].

Ярким примером различных типов действий Конгресса стали санкции в отноше-

нии Ирана. Конгресс создал целую паутину взаимосвязанных законов [Напауер 2020]. Само отношение к Ирану администрации и Конгресса совпадало: он считался стратегическим противником, чью ядерную программу необходимо заблокировать. Тем не менее на ряде этапов выделялись яркие разногласия по способам достижения этой цели. Например, администрация Б. Обамы делала ставку на многостороннюю дипломатию и ядерную сделку (Совместный всеобъемлющий план действий – СВПД), тогда как в Конгрессе наметилась серьёзная оппозиция этому подходу, особенно среди республиканцев. В итоге Б. Обама фактически изолировал Конгресс от переговоров, но оказался стеснённым в средствах достижения сделки. Он не мог закрепить американское участие в ней в виде международного договора, так как Сенат не одобрил бы её. В итоге с американской стороны сделка имела форму неформального соглашения. Санкции были отменены через механизм исключений, но не исчезли из законов. Более того, Конгресс ввёл процедурные ограничения для президента, обязав его каждые три месяца отчитываться об исполнении Ираном параметров СВПД. Когда к власти в США пришёл президент-республиканец, он с лёгкостью вывел США из СВПД. Д. Трамп нарушил букву и дух резолюции СБ ООН 2231, которая закрепляла СВПД на международном уровне, но действовал в строгом соответствии с американским законодательством [Jaffer 2019]. Более того, с 2021 г. демократическая администрация вновь столкнулась с «паутиной законов», существенно ограничивавших возможности возобновления СВПД. Президент-демократ попросту не сможет отчитаться перед Конгрессом о выполнении Ираном ядерной сделки, если со стороны Тегерана не будет сделано существенных

уступок в её реализации. Между тем в Иране учли предыдущий опыт и сомневаются в устойчивости гарантий администрации с учётом позиции Конгресса [Маргоев 2021].

Ещё один пример – санкции в отношении России на фоне скандала с предполагаемым вмешательством в выборы США. Закон о противодействии врагам Америки посредством санкций (CAATSA)³ кодифицировал исполнительные указы Б. Обамы. Президент Д. Трамп терял возможность их отмены без одобрения Конгресса. Более того, закон ограничил президента даже в таких частных вопросах, как исключение отдельных российских лиц из санкционных списков. О каждом исключении он должен отчитываться перед Конгрессом. На практике это не помешало администрации, например, реализовать «план Баркера» по выводу из-под санкций ряда российских компаний⁴. Тем не менее само наличие процедуры усложняет манёвр президента. Недавнее исследование Патрика Викери об отношениях администрации и Конгресса по санкциям в отношении России показывает, что спор сторонников «теории» слабого или сильного Конгресса далеко не закрыт [Vickery 2019].

В сухом остатке президент обладает широкими полномочиями по использованию санкций во внешней политике. Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA) 1977 г. ограничивал полномочия президента⁵. Конгресс получал возможность отменить чрезвычайное положение, а значит, и введённые президентом санкции. При этом на практике таких случаев в истории не было. Кроме того, длительность чрезвычайного положения ограничивалась одним годом, хотя у президента оставалась возможность его продления. Существует ряд чрезвычайных положений, например по Ирану, кото-

³ Countering America's Adversaries through Sanctions Act (CAATSA) of 2017. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/hr3364_pl115-44.pdf (accessed: 27.01.2022).

⁴ Special Designated Nationals List Update of January 27, 2019. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20190127> (accessed: 27.01.2022).

⁵ International Emergency Economic Powers Act (IEEPA) of 1977. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/ieepa.pdf> (accessed: 27.01.2022).

рые существуют десятилетиями. Иначе говоря, ограничения сроков задают рамки, но не мешают президенту.

В свою очередь, Конгресс может вводить санкции законодательным путём, обязывая администрацию выполнять их. «Паутина законов» и оппозиция Конгресса иногда создают сложности президенту, как показал опыт иранской «ядерной сделки». Вместе с тем практический опыт говорит и о том, что администрация может весьма гибко трактовать законодательство даже в тех случаях, когда оно обязывает к тем или иным действиям. Существуют случаи как чисто формального исполнения или даже игнорирования законов, так и избыточного усердия в их имплементации.

Например, администрация Д. Трампа перевыполнила требования законодательства по трубопроводному проекту «Северный поток – 2», введя более строгие ограничения в отношении его возможных участников⁶. Напротив, по вопросу санкций в отношении российского суверенного долга проявляла осторожность и исполняла Закон об уничтожении химического и бактериологического оружия 1991 г. весьма формально⁷. В 2017 г. Д. Трамп подписал упомянутый закон CAATSA, а в 2018 г. выпустил исполнительный указ по его имплементации⁸. При этом администрация выступила против более жёсткого законопроекта DASKA и убедила Конгресс в его избыточности⁹. Тем не менее сам факт обсуждения DASKA показал силу Конгресса в формировании повестки дня. Даже

непринятые законопроекты могут посылать важные политические сигналы как администрации, так и потенциальным целям санкций.

Дизайн исследования

Под санкциями будем понимать односторонние ограничительные меры, применяемые страной-инициатором (США) в отношении других стран, групп таких государств, а также отдельных физических и юридических лиц. В числе таких мер – ограничения финансовых транзакций, запреты на экспорт и импорт отдельных товаров, визовые запреты и др. [Тимофеев 2018; 2020].

Единицей эмпирического анализа выступает законопроект (билль), вносимый Палатой представителей или Сенатом Конгресса США¹⁰. Отбираются только те билли, которые предполагают использование конкретных ограничительных мер в отношении зарубежных государств, организаций или лиц. В анализ не включаются законопроекты, которые предполагают только отчётность исполнительной власти по политике санкций, но не использование санкций как таковых. Отчётные действия администрации по санкциям – тема отдельного исследования. В анализ также не включаются резолюции, так как они не имеют законодательной силы. Резолюции и материалы слушаний могут быть интересны для анализа дискурса в Конгрессе, но это также тема отдельного исследования [например: Kadkhodaei, Tari 2019]. Исключением являются совместные резолюции

⁶ Notice of Department of State of May 11, 2020. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/11/05/2020-24579/notice-of-department-of-state-public-guidance-for-the-protecting-europes-energy-security-act-peesa> (accessed: 27.01.2022).

⁷ Executive Order 13883 of August 1, 2019. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/13883.pdf> (accessed: 27.01.2022).

⁸ Executive Order 13849 of September 20, 2018. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/caatsa_eo.pdf (accessed: 27.01.2022).

⁹ *Timofeev I.* Sanctions Against Russia: DASKA Takes Heat from State Department Lawyers. Valdaiclub Discussion Club Comments. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/sanctions-against-russia-daska-takes-heat/> (accessed: 27.01.2022).

¹⁰ База данных законопроектов по санкционной тематике, на основе которой проводится анализ, направлена автором в редакцию журнала. Она может быть представлена исследователям для репликации результатов по личному запросу. При использовании базы данных ссылка на настоящую статью обязательна.

(Joint Resolutions), так как они обладают силой закона.

Некоторые билли разделены на несколько единиц. Это относится главным образом к законопроектам об оборонных бюджетах. Подобные билли зачастую являются многосоставными. Они содержат отдельные сегменты по самым разным направлениям политики санкций. Их представление в одной единице искажает информацию. Впрочем, такие единицы являются скорее исключением, чем правилом. Зачастую санкционные билли сфокусированы на одной теме.

Каждая единица анализа раскрывается в виде следующих переменных: дата внесения законопроекта; палата, в которой вносится законопроект; тип документа (билль, поправка, совместная резолюция); номер документа; статус документа (внесён, принят одной из палат, стал законом); цель санкций (страна или проблема); иная цель (при наличии); проблема, связанная с целью (например, строительство трубопровода, нарушение прав человека и др.); предлагаемые санкции (заморозка активов, иные финансовые санкции, визовые запреты, торговые санкции и др.); характер предлагаемых мер (положительный в случае предложений об отмене или смягчении санкций или отрицательный в случае введения или наращивания санкций); партийная принадлежность спонсора или спонсоров (только демократы, только республиканцы, и демократы, и республиканцы).

Используется анализ частотных распределений по отдельным переменным, а также распределений в отдельных кластерах. Среди таких кластеров — билли по отдельным целям (Россия, Китай, Иран и др.); по проблемам (права человека и др.), партийные билли (демократические, республиканские, общие). Рассматриваются данные за период с января 2019 по апрель 2023 года. Выбор данного отрезка связан с тем, что он включает в себя законопроекты, внесённые как в период президентства Дж. Байдена, так и президентства Д. Трампа. Кроме того, в данный период произошёл ряд шоковых событий, таких

как пандемия COVID-19 и обострение отношений России и США на фоне российско-украинского конфликта. Технически возможен сбор данных на большую историческую глубину. Тем не менее выборка из 539 законопроектов представляется достаточной для первичных индуктивных обобщений.

Анализ

Частотный анализ законопроектов Конгресса позволяет выделить 73 тематических приоритета санкций США. При этом значительная часть биллей связана лишь с тремя такими приоритетами — Китаем, Россией и Ираном. На первый приходится 103 билля (19,11%), на вторую — 99 биллей (18,37%), на третью — 55 биллей (10,2%). Иными словами, с первой тройкой связана почти половина всех законопроектов (47,68%). Примечательно, что Китай обгоняет Россию, даже несмотря на тяжелейший кризис в отношениях США и России после 24 февраля 2022 г.

Достаточно высокое внимание уделяется правам человека. С ними связано 29 законопроектов (5,38%), хотя внутри выделяются свои темы: свобода слова, права журналистов, права сексуальных меньшинств и права человека как таковые. Более того, на деле внимание к правам человека выше. В 54 биллях из 539 (10,01%) подразумевается использование механизма санкций по Глобальному закону Магнитского, который изначально направлен именно на проблематику прав человека, а также проблему коррупции. Иными словами, предлагается задействовать данный закон против граждан или организаций отдельной страны. Среди таких стран в законопроектах фигурируют Китай, Россия, Сирия, Турция, Иран, Бруней, Гватемала, Вьетнам, Мексика, Ирак, то есть проблема прав человека выделяется как отдельно, так и в качестве компонента санкций в отношении тех или иных стран.

Следующая группа приоритетов менее акцентирована с точки зрения числа законопроектов, однако всё равно выделяется на фоне других тем. Можно отметить

16 биллей по Турции (2,96%), 16 по КНДР (2,96%), 14 по Кубе (2,59%), 13 по проблеме коррупции (2,41%), 13 по терроризму (2,41%), 11 по Саудовской Аравии (2,04%).

Большинство упомянутых в биллях стран и проблем отражено в повестке дня исполнительной власти. Отдельные санкционные программы существуют и по Китаю, и по России, и по Ирану. Здесь же — права человека и всё, что связано с имплементацией Закона Магнитского и Глобального закона Магнитского. Куба, КНДР, проблема терроризма и коррупции, борьба с наркобизнесом также выделены в отдельные программы¹¹. В отношении Турции и Саудовской Аравии таких программ нет, но санкции применялись в отношении лиц из этих стран в связи с правами человека (Глобальный закон Магнитского)¹² или имплементацией СААТСА¹³. Лишь два билля непосредственно адресуются к проблеме нераспространения ОМУ, но она присутствовала в других проектах, связанных с Россией и делом о предполагаемом отравлении российского политика А. Навального¹⁴. На уровне исполнительной власти нераспространение — одна из действующих программ, а санкции применялись в том числе и в отношении России в рамках упомянутого выше исполнительного указа Д. Трампа и особенно активно —

указа Дж. Байдена № 14024¹⁵. Афганская тематика закономерно попала в поле зрения и Конгресса (девять биллей), и исполнительной власти (гуманитарные исключения по режиму санкций)¹⁶. Некоторое совпадение наблюдается и по тематике COVID-19. В повестке Конгресса наблюдается семь биллей по данной теме. Администрация вводила меры по применению визовых санкций в отношении зарубежных лиц¹⁷, а также делала гуманитарные исключения, но в отдельную программу тему пандемии не выводила¹⁸.

Есть и ряд расхождений. Некоторые из них связаны с тем, что популярность той или иной темы в Конгрессе угасла или, наоборот, не получила развития, тогда как на уровне исполнительной власти идёт её имплементация в виде отдельной программы. Например, заметно снизился интерес к теме вмешательства в выборы. Самостоятельно эта проблема выделяется лишь в одном законопроекте, а в связи с Россией — в шести. На уровне исполнительной власти существует отдельная программа, а президент применял санкции в отношении России, среди прочего, упомянутым указом № 14024. В отношении Венесуэлы было лишь шесть законопроектов, тогда как исполнительная власть ведёт самостоятельную программу в отношении страны¹⁹.

¹¹ См., например, список санкционных программ Минфина США. U.S. Department of Treasury. Sanctions Programs and Country Information. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/sanctions-programs-and-country-information> (accessed: 27.01.2022).

¹² U.S. Treasury Press Release of February 26, 2021. Available at: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0038> (accessed: 27.01.2022).

¹³ CAATSA-Russia Related Designations of December 14, 2020. URL: https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20201214_33 (accessed: 27.01.2022).

¹⁴ Включён в перечень террористов и экстремистов Федеральной службы по финансовому мониторингу (<https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act?ysclid=lkqovjmhbr865138867>).

¹⁵ Executive Order 14024 of April 15, 2021. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/14024.pdf> (accessed: 27.01.2022).

¹⁶ U.S. Department of Treasury General License №19 of December 22, 2021. URL: https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20211222_19 (accessed: 27.01.2022).

¹⁷ U.S. President. Memorandum on Visa Sanctions of April 10, 2020. URL: <https://www.archives.gov/visas/sanctions> (accessed: 27.01.2022).

¹⁸ U.S. Department of the Treasury Fact Sheet: Provision of Humanitarian Assistance and Trade to Combat COVID-19 of April 16, 2020. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20200416> (accessed: 27.01.2022).

¹⁹ U.S. Treasury Venezuela-Related Sanctions. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/sanctions-programs-and-country-information/venezuela-related-sanctions> (accessed: 27.01.2022).

Такие расхождения можно объяснить тем, что по ряду тем (Венесуэла, вмешательство в выборы) уже существует нормативно-правовая база, имплементация которой идёт в рутинном порядке.

Можно говорить и о ряде экзотических тем, которые пока не вошли в повестку исполнительной власти, но уже дебатировались в Конгрессе. Например, в рассматриваемый период обсуждалось четыре законопроекта о санкциях в связи с ущербом климату и окружающей среде. Причём в отношении лиц, причастных к такой деятельности, предлагается применять механизм по Глобальному закону Магнитского. Это весьма интересная интерпретация закона, которая администрацией пока не применялась, равно как и санкции в связи с климатической повесткой. Среди других тем – торговля людьми, торговля наградами США, незаконная торговля табаком, шпионаж, сексуальное и гендерное насилие. У администрации есть рычаги работы по ним, в том числе уголовное преследование. Экономические санкции в данном случае могут быть попросту избыточными. Экзотика темы не гарантирует успех законопроекта. Ни один из них законом в рассматриваемый период не стал.

В целом можно говорить о том, что обсуждаемая Конгрессом тематика во многом отражается в работе исполнительной власти. Вместе с тем существует ряд нюансов, заметных в том числе на тройке тематических приоритетов – Китае, России и Иране.

Законопроекты по Китаю можно разделить на несколько сегментов. Большинство отражено в политике исполнительной вла-

сти, но некоторые в неё не входят. К общим темам для Конгресса и администрации относится проблема «китайских военных компаний» – крупных гражданских предприятий, конечным потребителем которых могут выступать военные. По ним предложено восемь законопроектов. Вместе с тем ещё администрация Трампа ввела в их отношении ряд запретов, исполнив существующее законодательство 1999 года²⁰. Байден внёс поправки в указ Трампа, но сами санкции не отменил²¹. Минфин и Минторг США ведут списки таких компаний.

Другая общая тема – автономия и права человека в Гонконге. Здесь семь законопроектов. Причём два из них в итоге стали законами. Минфин США применял блокирующие санкции в отношении китайских официальных лиц за предполагаемое участие в ущемлении автономии Гонконга²². Ещё одна тема – права этнических меньшинств в Китае. В рассматриваемый период в Конгрессе обсуждалось 14 законопроектов по данной теме, два из которых стали законами. На уровне исполнительной власти нет отдельных программ по этническим меньшинствам КНР, но законодательство активно применяется Минфином США по тематике прав человека²³, а Министерство торговли вводит экспортные ограничения для китайских фирм, которые подозреваются в использовании принудительного труда²⁴.

Совпадающей темой можно считать и технологическое соперничество КНР и США. Здесь выделяется 14 законопроектов. Ни один из них законом не стал, хотя подобное законодательство принималось ранее, в том числе по компаниям *Huawei* и *ZTE*²⁵. Адми-

²⁰ Executive Order 13959 of November 12, 2020. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/13959.pdf> (accessed: 27.01.2022).

²¹ Executive Order 14032 of June 2, 2021. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/14032.pdf> (accessed: 27.01.2022).

²² U.S. Treasury Press Release of August 7, 2020. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm1088> (accessed: 27.01.2022).

²³ U.S. Treasury Press Release of July 9, 2020. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm1055> (accessed: 27.01.2022).

²⁴ U.S. Federal Register. A Rule by the Industry and Security Bureau on July 22, 2020. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/07/22/2020-15827/addition-of-certain-entities-to-the-entity-list-revision-of-existing-entries-on-the-entity-list> (accessed: 27.01.2022).

²⁵ Например: National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ232/PLAW-115publ232.pdf>

нистрация в данной области проявила большое рвение при Д. Трампе, который издал целый ряд исполнительных указов по санкциям в отношении китайских технологических компаний; часть из них была отменена или модифицирована Джо Байденом, хотя с повестки дня не ушла²⁶. Шесть законопроектов касаются проблемы Южно-Китайского моря и «Индопасифики». Ни один из них законом не стал. Администрация пока не вводит по данным темам санкции, хотя в экспертной среде такие обсуждения велись [Cooper and Lorber 2016].

Ещё семь законопроектов посвящено отношениям с Китаем как таковым. Они также не дошли до стадии законов. Администрация совпадает с Конгрессом в восприятии КНР как важного соперника²⁷, но санкционные программы ведёт по конкретным темам, а не по Китаю в целом. 19 законопроектов посвящены проблеме COVID-19 в связи с Китаем, дезинформации и пропаганде Китая, а также отдельно Коммунистической партии КНР. Они согласуются с антикитайской риторикой Д. Трампа, но законами, равно как и отдельными программами по санкциям, не стали. Тайваньский вопрос отражён в шести законопроектах, ни один из которых законом не стал. Администрация работала с Тайваньским вопросом на дипломатическом треке, но в политике санкций он явно не выделяется. В связи с Китаем выделяется и несколько тем, отражённых в законопроектах, но маргинальных для администрации. Речь о трёх законопроектах о санкциях за принудительные аборты и сбор человеческих органов в КНР.

Что касается России, то заметная часть законопроектов приходится на украинский конфликт и российско-украинские отношения. После начала Специальной военной операции (СВО) 24 февраля 2022 года в Сенате и в Палате представителей было

предложено, как минимум, 35 законопроектов, которые были сконцентрированы на поддержке Украины и противодействии России. Два из них стали законами. Речь о разрыве нормальных торговых отношений с Москвой и о приостановке импорта энергоносителей из России. Непосредственно с СВО и новыми пакетами санкций связано ещё несколько биллей. Три законопроекта предполагают внесение ЧВК «Вагнер» в список зарубежных террористических организаций, три — противодействие поддержке Донецкой и Луганской Народных Республик, два законопроекта касаются санкций в отношении покупателей российского золота (один из них стал законом), один — в отношении покупателей российской нефти, три — в отношении участников сделок с Россией в криптовалюте. Впрочем, ещё до СВО украинская тематика была широко представлена в законопроектах. Девять законопроектов так или иначе касались ситуации на Донбассе. Косвенно связанными с украинским кризисом можно считать инициативы в отношении российских газопроводных проектов. Ещё до СВО было внесено 22 законопроекта по газопроводному проекту «Северный поток — 2», причём два из них стали законами. Среди остальных тем — права человека, вмешательство в выборы, борьба с коррупцией в России. Тем не менее после начала СВО они отошли на второй план.

В целом действия администрации в отношении России идут значительно дальше принятых законов и соответствуют многим положениям вносимых законопроектов. Администрация активно применяет против России меры экспортного контроля, блокирующие финансовые санкции, секторальные санкции и иные ограничительные меры [Тимофеев 2022a]. Впрочем, некоторые законопроекты Конгресса не

²⁶ Executive Order 14034 of June 9, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/06/09/executive-order-on-protecting-americans-sensitive-data-from-foreign-adversaries/> (accessed: 27.01.2022).

²⁷ U.S. Strategic Approach to the People's Republic of China. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf> (accessed: 27.01.2022).

находят отражения в действиях исполнительной власти. Например, последняя пока уклоняется от внесения России в список стран–спонсоров терроризма.

Интерес конгрессменов к Ирану значительно ниже в сравнении с Китаем и Россией. Законопроекты имеют свою специфику. Из 55 биллей 12 предполагают ограничение полномочий президента по возвращению к «иранской ядерной сделке». Практически все они внесены республиканцами, которые последовательно выступали против соглашения. Республиканцы выдвигали законопроекты об ужесточении санкций по таким темам, как поставки вооружений в Иран, выборы и права человека в этой стране, иранское присутствие в Афганистане. Республиканцев беспокоила и попытка ЕС создать независимый платёжный механизм для осуществления гуманитарных транзакций с Ираном (INSTEX). В пяти законопроектах они настаивали на отмене остающихся исключений по иранским санкциям.

Ни один из биллей законом не стал. Три законопроекта, наоборот, предполагают смягчение санкций в отношении Ирана: один из них посвящён гуманитарным исключениям в связи с COVID-19, а два других — возвращению к ядерной сделке. Они внесены демократами и тоже не стали законами. Впрочем, у демократов и республиканцев по Ирану есть и совпадающие темы. В их числе — производство Ираном беспилотных аппаратов, дестабилизация Ирака, действия Корпуса стражей Иранской революции. Из 55 биллей законом стал лишь Консолидированный закон о бюджете 2019 года, в котором среди прочих пунктов выделялись средства на усиление принудительных мер во исполнение режима санкций в отношении Ирана. Радикально этот закон политику санкций не менял.

В целом по Ирану наблюдается двойственная картина. С одной стороны, сдерживание Ирана — в числе приоритетов и

администрации²⁸ и Конгресса. С другой — расхождения по конкретным вопросам сильнее в сравнении с Китаем и Россией, особенно по «иранской ядерной сделке». Иранский случай также показывает значимость партийных расхождений. Из 55 законопроектов 39 было внесено республиканцами. Демократы внесли лишь шесть. Совместных законопроектов, спонсорами которых выступали и демократы, и республиканцы, было 10.

Доминирование республиканцев видно и в китайском случае. Из 103 биллей их авторству принадлежит 71. Демократы предложили лишь пять, тогда как законопроектов, в числе спонсоров которых были представители обеих партий, насчитывается 27. Подобное распределение закономерно с учётом того, что сдерживание КНР было ключевым приоритетом республиканской команды Д. Трампа и находило поддержку в рядах партии. В российском случае картина более сбалансированна. Из 99 биллей республиканцы предложили 41, а демократы 17. 41 билль выдвинут представителями обеих партий, то есть по России виден сдвиг в сторону межпартийного консенсуса.

Партийная разбалансировка наблюдается в ряде других случаев. Например, все 9 законопроектов по Афганистану составлены только республиканцами. Климат и экология — проблематика исключительно демократов. По правам сексуальных меньшинств нет ни одного республиканского билля — они либо демократические, либо совместные. Семь из 10 принадлежат демократам или демократам совместно с независимыми, тогда как три предложены демократами, но в числе спонсоров есть и республиканцы. Санкции в отношении Саудовской Аравии также предлагаются в основном демократами. Из 11 проектов ни одного не предложено только республиканцем. Пять выдвинуто демократами. Ещё пять — демократами с участием республиканцев и лишь один — республиканцем

²⁸ U.S. Treasury Iran Sanctions. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/sanctions-programs-and-country-information/iran-sanctions> (accessed: 27.01.2022).

с участием демократов. В тематике борьбы с терроризмом наблюдается большая доля республиканских биллей — шесть из 13. Семь остальных — совместные и ни одного демократического.

Между тем по другим темам таких расхождений не прослеживается. Из 13 биллей по теме коррупции 12 являются совместными и лишь один принадлежит спонсору-демократу. Из 16 биллей по Турции межпартийными являются 14 и лишь один республиканским и один демократическим. По Венесуэле четыре проекта совместные и два принадлежат республиканцам.

Что касается Кубы, то здесь из 14 биллей три демократических и четыре республиканских. В подготовке остальных участвовали и республиканцы, и демократы. Интересно и то, что девять из 11 проектов подразумевают ослабление, а не введение санкций. При том, что подобные предложения вообще являются редкостью. Из 539 законопроектов отмену или смягчение санкций предполагают лишь 18. Нет ни одного билля, предлагающего отменить или смягчить санкции в отношении КНР и России.

В целом республиканцы более активны в отношении новых законопроектов по санкциям. Из 539 законопроектов 229 принадлежат республиканцам (включая два билля совместно с независимыми) и 87 демократам (включая восемь совместно с независимыми). Остальные 223 законопроекта являются совместными инициативами республиканцев и демократов, а также независимых.

Данные показывают относительно низкую «выживаемость» законопроектов. Из 539 биллей законами стали лишь 20 (3,71%). Ещё 47 (8,71%) прошли хотя бы одну палату Конгресса. Таким образом, частичную или полную поддержку получает лишь 12,42% законопроектов. Однако к этим цифрам следует относиться с осторожностью. В частности, 22 билля по «Северному потоку — 2» предлагали приблизительно одинаковые меры и отличались лишь небольшими деталями.

Тот факт, что они в итоге превратились в два закона, говорит об успехе прохождения темы как таковой. То же можно сказать, например, и о правах этнических меньшинств в КНР. 14 законопроектов в итоге свернулись в два закона. При этом есть ряд тем, по которым множество законопроектов не дало никаких законодательных результатов. Не был принят ни один из девяти законопроектов по Афганистану, ни один из семи по COVID-19, ни один из 10 по правам сексуальных меньшинств.

Почти все принятые законопроекты составлены и республиканцами, и демократами. Из 20 таких законопроектов только один предложен исключительно республиканцем и только два исключительно демократом. Как показывает опыт обсуждения санкций по «Северному потоку — 2», попаданию таких тем в проходной (успешный) законопроект может предшествовать множество сходных законопроектов, подготовленных демократами и республиканцами по отдельности или совместно.

Похожая картина наблюдается с законопроектами, прошедшими одну из палат. 37 из 47 выдвинуты демократами и республиканцами совместно. В остальных речь также о многосоставных законах, подобных Закону об оборонном бюджете или законам об ассигновании различных бюджетных сфер. Впрочем, исключения всё же есть. Так, например, демократы пытались заблокировать решение Д. Трампа о выводе российских компаний из-под санкций по «плану Баркера». Проект прошёл Палату представителей, но был заблокирован в Сенате. Такая же участь постигла и демократический билль о защите диссидентов в Саудовской Аравии. Республиканцы со своей стороны провели через Сенат проект Закона об укреплении безопасности на Ближнем Востоке 2019 года, но он не прошёл Палату представителей. Проект поправок о вознаграждении лиц, предоставляющих информацию об обходе санкций, получил поддержку в Палате представителей, но не прошёл Сенат.

Распределение инструментов санкций, отражённых в законопроектах Конгресса, говорит в пользу их универсальности. В 225 случаях в качестве одной из мер прописывается блокировка активов. Другой популярный инструмент — визовые ограничения. В качестве самостоятельной меры они прописаны в 25 законопроектах, но в связке с другими мерами используются ещё в 212 законопроектах. На деле число блокирующих и визовых санкций можно считать более высоким. В 51 случае предлагается использование санкций по Глобальному закону Магнитского. Последний подразумевает заморозку активов и визовые ограничения. То же касается и законопроектов, которые обязывают или дают полномочия президенту использовать санкции по ИЕРА (41 случай).

Остаются в повестке и различные торговые санкции, то есть запреты на поставки или закупки определённых товаров. Среди различных мер они упоминаются в 59 биллях. Существуют и специфические меры, применимые к отдельным случаям. Среди них, например, предложения об ограничениях оборонного экспорта в Саудовскую Аравию, конфискации имущества заблокированных российских лиц или запрет на участие Турции в программе производства и эксплуатации истребителя F-35.

* * *

Проведённый анализ показывает, что в области политики санкций тематические приоритеты Конгресса и исполнительной власти во многом совпадают. Законодатели вносят в повестку новые, подчас экзотические темы. Тем не менее ядро приоритетов является общим для обеих ветвей власти. В то же время в подобном ядре выделяются свои особенности. Если по вопросу санкций против Китая или России приоритеты законодательной и исполнительной власти можно полагать совпадающими, то на иранском направлении заметна более серьёзная оппозиция Конгресса и попытки ограничить полномочия президента по ряду вопросов. В рассматриваемый период

такие попытки успехом не увенчались, хотя в прошлом Конгресс сумел создать «паутину законов», которая ограничивала манёвр президента в отношениях с Ираном, в том числе по вопросу смягчения или отмены санкций. Сторонники теории сильного Конгресса базируют свои аргументы на случаях ярких расхождений подходов двух ветвей власти или открытого противодействия законодателей президенту. Проведённый анализ показывает, что такие случаи являются скорее исключением. Это также вряд ли означает слабость Конгресса. Скорее речь идёт о сотрудничестве с администрацией по вопросам санкций как о нормальном и рутинном процессе и о соперничестве как об исключительных случаях-флуктуациях.

Данные демонстрируют наличие партийных расхождений по ряду вопросов, а также присутствие тем, продвигаемых отдельными партиями. Республиканцы заявили о себе как о локомотиве антикитайских санкций, непримиримых противниках восстановления «иранской ядерной сделки», сторонниках санкций в отношении Афганистана и др. Демократы продвигают политику санкций в новые области, такие как климат, экология, права меньшинств. При этом значительная доля законопроектов всё же готовится с участием представителей обеих партий. Именно они в большинстве своём становятся законами. В отличие от Китая, Россия является предметом большего консенсуса республиканцев и демократов. По крайней мере, совместных законопроектов по антироссийским санкциям больше.

Инструментарий санкций во многом универсален. Блокировка активов, визовые санкции, торговые ограничения — типичные средства, предлагаемые Конгрессом. В ряде законопроектов предлагаются особые ограничительные меры для отдельных стран, такие как участие в совместных оборонных программах. Вместе с тем универсальные инструменты явно преобладают. Блокировка активов и визовые ограничения выделяются среди остальных мер. В целом это соответствует гло-

бальной тенденции распространения «точечных» или «умных» санкций. В то же время торговые ограничения, широко применявшиеся в XX веке, остаются частью санкционного арсенала.

Исследование показывает, что Конгрессу свойственна широкая палитра мнений как с точки зрения числа тем и приорите-

тов, так и с точки зрения отдельных деталей внутри этих тем. Нет сомнений в том, что Россия останется в числе ключевых целей политики санкций. Дальнейший сбор данных о политике Конгресса в области санкций сохраняет свою актуальность как с чисто научной, так и прикладной точки зрения.

Список литературы

- Белоголов А.М. Белый дом и Капитолий — партнёры и соперники. Принятие США международных обязательств. М.: Международные отношения, 1974. 197 с.
- Громыко А.А. Конгресс США. Выборы, организация, полномочия. М.: Издательство ИМО, 1957. 190 с.
- Журавлёва В.Ю. Перетягивание каната власти: взаимодействие Президента и Конгресса США. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 164 с.
- Иванов Ю.А. Конгресс США и внешняя политика: возможности и методы влияния. М.: Наука, 1982. 214 с.
- Кокошин А.А. США: за фасадом глобальной политики. М.: Политиздат, 1981. 368 с.
- Маргоев А.Р., Хейри Д.С. Возможна ли верификация снятия санкций как гарантия иранской ядерной сделки? // Пути к миру и безопасности. 2021. №2 (61). С. 110–128.
- Маринин С.Б. США: политика и управление. Федеральное правительство. М.: Международные отношения, 1964. 239 с.
- Согрин В.В. Политическая власть в США: характер и исторические этапы // Новая и новейшая история. 2004. №2. С. 3–27.
- Тимофеев И.Н. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // Россия в глобальной политике. 2022а. Т. 20. № 4. С. 136–152.
- Тимофеев И.Н. «Санкции за нарушение санкций»: принудительные меры Министерства финансов США против компаний финансового сектора // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 73–90.
- Тимофеев И.Н. Политика санкций США на уровне исполнительной власти // Мировая экономика и международные отношения. 2022б. Т. 66. № 3. С. 23–32.
- Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2 (59). С. 26–42.
- Травкина Н.М. Федеральный бюджет США: закон и политика. М.: Наука, 2002. 224 с.
- Юнгблуд В.Т., Ильин Д.В. Поправка Джексона-Вэника и развитие советско-американских отношений в 1972–1975 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 2. С. 7–39.
- Chafetz J. Congress's Constitution // University of Pennsylvania Law Review. 2012. Vol. 160. P. 715–778.
- Cooper Z., Lorber E. Sanctioning the Dragon // The National Interest. 2016. No. 2. P. 36–42.
- Hanauer L. The Days after a Deal with Iran. Congress's Role in Implementing a Nuclear Agreement. Santa Monica: Rand Corporation, 2015. 38 p.
- Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. Washington DC: Peterson Institute for International Economics, 2009. 248 p.
- Jaffer J. Elements of Its Own Demise: Key Flaws in the Obama Administration's Domestic Approach to the Iran Nuclear Agreement // Case Western Reserve Journal of International Law. 2019. Vol. 51. P. 77–101.
- Jones H. The President, Congress, and Foreign Relations // California Law Review. 1941. Vol. 29. No. 5. P. 565–585.
- Kadkhodae E., Zeinab G. Otherising Iran in American Political Discourse: Case Study of a Post-JCPOA Senate Hearing on Iran Sanctions // Third World Quarterly. 2019. Vol. 40. No. 1. P. 109–128.
- Leloup L., Sull S. Congress Versus the Executive: the "Two Presidencies" Reconsidered // Social Science Quarterly. 1979. Vol. 59. No. 4. P. 704–719.
- Lindsay J. Congress, Foreign Policy, and the New Institutionalism // International Studies Quarterly. 1994. Vol. 38. P. 281–304.
- Olson W. President, Congress and American Foreign Policy: Confrontation or Collaboration? // International Affairs. 1976. Vol. 54. No. 4. P. 565–581.
- Reisenfeld S. The Power of Congress and the President in International Relations: Three Recent Supreme Court Decisions // California Law Review. 1937. Vol. 25. No. 6. P. 643–675.

- Reisenfeld S.* The Power of Congress and the President in International Relations: Revisited // *California Law Review*. 1987. Vol. 75. No. 1. P. 405–414.
- Scott J., Carter R.* The Not-So-Silent Partner: Patterns of Legislative-Executive Interaction in the War on Terror, 2001–2009 // *International Studies Perspectives*. 2014. Vol. 15. P. 168–208.
- Vickery P.* Trumping Congress // *Texas Law Review*. 2019. Vol. 97. P. 1309–1333.
- Wildavsky A.* The Two Presidencies // *Transaction*. 1966. No. 4. P. 7–14.

US CONGRESS AND POLICY OF SANCTIONS:

AN EMPIRICAL ANALYSIS OF CONGRESSIONAL BILLS

IVAN TIMOFEEV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

U.S. Congress plays an increasing role in the American policy of economic sanctions. Although the President and the Administration retain a significant power in national foreign policy, including the use of sanctions, Congress affects political agenda, promotes its own design of sanctions and keeps an eye on their implementation and further upgrade. Emergence of sanctions in the public laws, initiated and passed by Congress, usually makes their revocation hardly possible and keeps them for a long term. Such an institutional role of Congress raises a number of research questions. What are the key target priorities for Congress in terms of sanctions policy? Do these priorities overlap with the ones of the Administration? Are there any partisan splits on sanctions or sanctions policy is rather a matter of bipartisan consensus? What instruments of sanctions does Congress prefer? What share of bills finally turns into public laws and what is a connection of bills success to partisan affiliation or priorities concerned? To deal with these questions, the article reflects an analysis of 539 Congressional bills on sanctions, introduced in the House of Representatives and the Senate in 2019–2023. The database of bills includes such variables as targets of sanctions, political triggers of proposed restrictions, list of measures proposed, partisan affiliation of sponsors and cosponsors, etc. Results demonstrate the overlapping of priorities of Congress and Administration, though Congress attempts to constrain Administration on a number of issues, such as Iranian Nuclear Deal. There are specific partisan priorities. Republicans are proactive on sanctioning China, Iran and Afghanistan. Democrats are exploring new areas of sanctions use, such as climate, ecology, minorities' rights, etc. Still, most of the bills have a bipartisan composition of sponsors and cosponsors. Most of successful bills, which turned into laws, are of bipartisan nature. Congressional bills imply the use of universal instruments of targeted sanctions such as asset blocking, visa bans or trade restrictions. However, country-specific measures, like suspension of particular military cooperation programs, are also on the radars of Congress. China and Russia a key priorities for Congress in terms of sanctions.

Keywords:

sanctions; policy of sanctions; US Congress; US President

References

- Belonogov A. (1974). *Belyj dom i Kapitolij – partner i soperniki. Prinyatie SSHA mezhdunarodnykh obyazatelstv* [White House and Capitol Hill – Partners and Competitors. International Obligations' Adoption Process in the US]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 197 p.

- Chafetz J. (2012). Congress's Constitution. *University of Pennsylvania Law Review*. Vol. 160. P. 715–778.
- Cooper Z., Lorber E. (2016). Sanctioning the Dragon. *The National Interest*. No. 2. P. 36–42.
- Gromyko A. (1957). *Kongress SSHA. Vybory, organizatsiya, polnomochiya* [US Congress. Elections, Structure, Powers]. Moscow: IMO. 190 p.
- Hanauer L. (2015). *The Days after a Deal with Iran. Congress's Role in Implementing a Nuclear Agreement*. Rand Corporation. 38 p.
- Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. (2009). *Economic Sanctions Reconsidered*. Third Edition. Washington DC: Peterson Institute for International Economics. 248 p.
- Ivanov Yu. (1982). *Kongress SSHA i vneshnyaya politika: vozmozhnosti i metody vliyaniya* [US Congress and Foreign Policy: Ways and Means of Influence]. Moscow: Nauka. 214 p.
- Jaffer J. (2019). Elements of Its Own Demise: Key Flaws in the Obama Administration's Domestic Approach to the Iran Nuclear Agreement. *Case Western Reserve Journal of International Law*. Vol. 51. P. 77–101.
- Jones H. (1941). The President, Congress, and Foreign Relations. *California Law Review*. Vol. 29. No. 5. P. 565–585.
- Kadkahodae E., Zeinab G. (2019). Otherising Iran in American Political Discourse: Case Study of a Post-JCPOA Senate Hearing on Iran Sanctions. *Third World Quarterly*. Vol. 40. No. 1. P. 109–128.
- Kokoshin A. 1981. *SSHA: za fasadom global'noy politiki* [The United States: Uncovering the Façade of the Global Politics]. Moscow: Politizdat. 368 p.
- Leloup L., Sull S. (1979). Congress Versus the Executive: the "Two Presidencies" Reconsidered. *Social Science Quarterly*. Vol. 59. No. 4. P. 704–719.
- Lindsay J. (1994). Congress, Foreign Policy, and the New Institutionalism. *International Studies Quarterly*. Vol. 38. P. 281–304.
- Margoef A., Heirie D. (2021). Vozmozhna li verifikatsiya snyatiya sanktsij kak garantiya iranskoj yadernoj sdelki [Can Sanctions Removal Verification Secure the Iran Nuclear Deal?]. *Puti k miru i bezopasnosti*. No. 2 (61). P. 110–128.
- Marinin S. (1964). *SSHA: politika i upravlenie. Federal'nyj pravitel'stvennyj apparat* [The United States: Policy and Governance]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 239 p.
- Olson W. (1976). President, Congress and American Foreign Policy: Confrontation or Collaboration? *International Affairs*. Vol. 54. No. 4. P. 565–581.
- Reisenfeld S. (1937). The Power of Congress and the President in International Relations: Three Recent Supreme Court Decisions. *California Law Review*. Vol. 25. No. 6. P. 643–675.
- Reisenfeld S. (1987). The Power of Congress and the President in International Relations: Revisited. *California Law Review*. Vol. 75. No. 1. P. 405–414.
- Scott J., Carter R. (2014). The Not-So-Silent Partner: Patterns of Legislative-Executive Interaction in the War on Terror, 2001–2009. *International Studies Perspectives*. Vol. 15. P. 168–208.
- Sogrin V. (2004). Politicheskaya vlast' v SSHA: kharakter i istoricheskoe etapy [The Substance and Evolution of the U.S. Political Power]. *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 2. P. 3–27.
- Timofeev I. (2018). Ekonomicheskie sanktsii kak politicheskoe ponyatie [Economic Sanctions as a Concept of Power Politics]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 2 (59). P. 26–42.
- Timofeev I. (2020). "Sanktsii za narushenie sanktsij": prinuditel'nye mery Ministerstva finansov SSHA protiv kompanij finansovogo sektora ["Sanctions for Sanctions Violation": U.S. Department of Treasury Enforcement Actions against the Financial Sector]. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 73–90.
- Timofeev I. (2022). Politika sanktsij SSHA na urovne ispolnitel'noj vlasti [An Executive Dimension of the U.S. Policy of Sanctions]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 66. No. 3. P. 23–32.
- Travkina N. (2002). *Federal'nyj byudget SSHA: zakon i politika* [US Federal Budget: Law and Politics]. Moscow: Nauka. 224 p.
- Vickery P. (2019). Trumping Congress. *Texas Law Review*. Vol. 97. P. 1309–1333.
- Wildavsky A. (1966). The Two Presidencies. *Transaction*. No. 4. P. 7–14.
- Yungblyud V., Ilyin D. (2020). Popravka Jaksona-Vanika i razvitie sovetско-amerikanskikh otnoshenij v 1972–1975 gg. [Jackson-Vanik Amendment and Development of Soviet-U.S. Relations in 1972–1975]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. Vol. 13. No. 2. P. 7–39.
- Zhuravleva V. (2011). *Peretyagivanie Kanata vlasti: vzaimodejstvie Prezidenta i Kongressa SSHA* [Competing for Power: the Interaction of the U.S. President and U.S. Congress]. Moscow: IMEMO RAS. 164 p.

ПРОБЛЕМА «ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ» В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ *ЧТО НА КОНУ?*

ИВАН ЛОШКАРЁВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В современной теории международных отношений существует ряд трудноразрешимых проблем, отношение исследователей к которым само по себе демаркирует и маркирует получаемые научные результаты. К числу таких проблем принадлежит и проблема «очеловечивания» — приписывания (или выявления) определённых человеческих характеристик сложным социальным субъектам, в первую очередь государствам. Эта исследовательская техника (и/или онтологическое допущение) зачастую не сводится только к использованию фигур речи, но служит для фиксации эпистемологических оснований дальнейшего теоретизирования. Цель данной статьи состоит в систематизировании существующих подходов к «очеловечиванию» для дальнейшего осмысления этой теоретической проблемы. Автор реконструирует три основные традиции «очеловечивания», восходящие к работам Г. Гроция, Т. Гоббса и Г. Гегеля. Каждой из традиций присущи как определённое понимание значения данной исследовательской техники, так и гносеологические последствия, которые в неявной форме влияют на получаемый результат и его последующую интерпретацию. Традицию Г. Гроция отличает метафорическое понимание «очеловечивания», связанное со своеобразным пониманием прав и свобод индивида. В традиции Т. Гоббса, напротив, внутренние характеристики государства рассматриваются по аналогии с человеком, тогда как выявленные сходства используются для постановки новых исследовательских вопросов. Наконец, традиция, возникшая под влиянием Г. Гегеля, связывает проблематику «очеловечивания» с процессами внешней коммуникации государств. В статье даётся упорядоченная трактовка таких последствий, при этом традиции увязываются с существующими теоретическими школами (насколько это возможно). Впоследствии проводится анализ синтеза нескольких традиций «очеловечивания», представленный А. Вендтом. Новая формирующаяся традиция «очеловечивания» нацелена на чёткое обозначение собственных эпистемологических и онтологических оснований, а также на повышение теоретического статуса самого этого явления. В статье делается вывод о возможности, ограничениях и перспективах пересмотра и более активного привлечения «очеловечивания» в рефлексивистской и неопозитивистской методологиях, а также о вероятности появления гибридных версий трёх основных исследовательских традиций.

Ключевые слова:

очеловечивание; коммуникация; индивид; теория международных отношений; социальная онтология

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2022

Дата принятия к публикации: 18.10.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: ivan1loshkariov@gmail.com

В публичном дискурсе государства нередко характеризуют при помощи различных эпитетов и метафор. Например, Северную Корею называют изгоем, США — мировым жандармом и дядей Сэмом. Молодая женщина по имени Марианна символизирует Францию, лесоруб Джонни Канук — Канаду. В американской прессе Россию нередко называют задирой (*англ. bully*), а Иран — безумным или безумцем (*англ. madman*). В свою очередь, СМИ Ирана приписывают Соединённым Штатам сатанинскую одержимость, а их российские коллеги — недалёковидность и интеллектуальную невзыскательность¹. После мирового экономического кризиса 2008–2009 годов за Грецией, Португалией, Финляндией и Францией закрепился образ «больного человека Европы»², хотя в XIX веке он прочно ассоциировался с Османской империей. Список подобных характеристик можно продолжать: очевидно, что в рассуждениях о глобальных процессах значительное место занимает персонафикация государств.

Как продемонстрировал Э.Я. Баталов, в академических публикациях государствам приписываются такие свойства, как интересы, потребности, идентичности, культура и даже убеждения. До середины XX века использовались ещё и категории с более размытым содержанием — национальный характер, социальный или народный дух, расчётливость или рассудок (*англ. reason*) [Баталов 2018: 197–205]. Вне зависимости от дефиниций каждой из характеристик, основная причина их использования заключается в попытке объяснить дей-

ствия государств с помощью их внутренних и/или интерсубъективно (социально) формируемых особенностей. Последние подразумевают подспудно или явно выраженные намерения и цели, то есть коллективную субъектность. Подобный приём используется для демонстрации единства населения, которое при помощи действий правительств приобретает и физическое выражение (например, количество голосов за введение какой-либо меры и против этого шага) [Marks 2011: 48].

Специалисты в области международных отношений допускают, что государства состоят из индивидов, поэтому изучение поведения первых не отменяет и не подменяет рассмотрения последних. Не вызывает возражений и тезис, согласно которому интересы, убеждения и другие характеристики присущи в первую очередь и, точнее говоря, отдельным людям, индивидуальному (а не коллективному!) сознанию. В международно-политической науке есть в этой связи понимание, что у «очеловечивания» должны быть разумные границы, не позволяющие довести до откровенно абсурдных утверждений: например, не стоит переоценивать внутреннее единство государств, приписывать им высокую степень непредсказуемости, отрицать их уникальные способности [Wendt 1999: 218–224]. Вопрос в том, насколько человеческие черты³ присущи агрегатным или корпоративным субъектам — социальным единицам, состоящим из множеств индивидов — даже в некотором приближении и на известном уровне абстракции и упрощения. В этом отношении наука о междуна-

¹ См., например: Наглость и тупость США привели к операции России на Украине [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3544755.html> (accessed: 25.04.22); *Caryl C. Russia the Bully* [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/08/31/russia-the-bully/> (accessed: 25.04.22);

² См., например: Finland no longer 'sick man of Europe' as economy grows [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/3f246de6-46be-11e7-8519-9f94ee97d996> (accessed: 25.04.22); France: the new sick man of Europe [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jan/14/france-sick-man-europe-economy> (accessed: 25.04.22); Euro crisis: Why Greece is the sick man of Europe [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-16256235> (accessed: 25.04.22)

³ Здесь и далее автор намеренно уклоняется от обсуждения содержательных характеристик самого индивида, в том числе гендерных. Статья не касается вопроса о том, какого человека видят перед собой исследователи в ходе «очеловечивания».

родных отношениях далеко не продвинулась. По меткому наблюдению Эрика Рингмара, исследователи зачастую прибегают к использованию антропоморфного словаря в своих трудах после вступительных «стандартных извинений» [Ringmar 1996: 443].

С учётом неоднозначности проблемы «очеловечивания» нередко случаются попытки отказаться от самой дискуссии. Роберт Гилпин провозгласил «очеловечивание» логической ошибкой, появление которой было вызвано соображениями экономии времени при изложении фактов [Gilpin 1984: 301]. В формулировке Чарльза Бейтца это явление не имеет фундаментального значения и не может способствовать решению этических проблем [Beitz 1999: 61]. А. М. Кузнецов полагал, что сама постановка вопроса об антропоморфизации есть отступление от незыблемых идеалов научного исследования [Кузнецов 2013].

В пользу позиции полного отрицания приводятся два аргумента. *Во-первых*, концентрация исследовательского внимания на свойствах человека имеет негативные нормативные последствия — фактическое превращение *антропоморфизма* в *антропоцентризм*. Зацикленность на чём-то одном отрицательно сказывается на исследовательском процессе и практической пользы не имеет [Schiff 2008: 372–375]. *Во-вторых*, отсюда вытекает, что сторонники «очеловечивания», вероятно, путают *реального* индивида во всей его сложности с *аналитическими* (дискурсивными) конструктами наподобие «моральной личности», «правового индивида» и «экономического человека». Хотя сходство государств с такими конструктами может оказаться поразительным, в человеке выделенные черты существуют неразрывно, тогда как для сравнения с государством их намеренно вычлениют нередко произвольным образом и с логическими допущениями [Lomas 2005: 354–355].

Вместе с тем приведённые аргументы оспаривают не само наличие или приписывание человеческих характеристик, а лишь

обоснованность *их использования* в исследовательской практике. Справедливость подобной критики отрицать сложно, но она не отменяет правила логики. Если существуют сходства государств с «правовым индивидом» или «моральным индивидом», вполне допустимо выдвигать индуктивные предположения, что сходство с частью (аналитическим конструктом) может оказаться сходством с целым. В итоге аргументы в пользу той или иной позиции будут выдвигаться как для подтверждения, так и для опровержения этих предположений [Wight 2006: 193–198].

Важнейший элемент дискуссии — осмысление последствий «очеловечивания» для международно-политической науки. На наш взгляд, проблема не ограничивается обсуждением, стоит «очеловечивать» или нет. Её существо состоит в необходимости определить, на что именно соглашаются исследователи, когда признают метафорическое, реальное или какое-то другое наличие человеческих характеристик у государств. Таким образом, появляется возможность уточнить как конкретный набор характеристик, присущих или приписываемых государству, так и эпистемологические и методологические установки: что и как можно узнать о действиях государств, как исследовать их одиночные, отраслевые и комплексные взаимодействия. Косвенно эта проблема очерчивает и возможные границы знания о международных отношениях. Если о некоторых сторонах человеческого бытия не получается узнать больше, то эти характеристики, спроецированные на государства, могут остаться *terra incognita* для соответствующей области науки. Поскольку многое в теории международных отношений зависит от степени признания или допущения характеристик государств, проблема «очеловечивания» связана с рядом онтологических принципов — отрицанием или признанием связей классов явлений или отдельных переменных [Куайн 2003: 99–106].

Важность изучения этого феномена также обусловливается постепенным разворотом международно-политической науки

к человеку и человеческому измерению международных отношений. В силу включённости отдельных людей и групп в глобальные и региональные взаимодействия, постепенной аккумуляции процессов взаимовлияния и социального конструирования многие ранее обезличенные процессы и явления приобретают свою *индивидуальность* — долю или проекцию психических, эмоциональных и бессознательных характеристик («человек толпы») [Катаев, Фельдман 2010; Фельдман 2014; Баталов 2018]. Эти черты многократно увеличивают запрос на исследование «очеловечивания», хотя и не проясняют содержательные параметры этой научной проблемы.

В статье реконструируются три политико-философские традиции, которые служат источниками вдохновения для нынешних дебатов по проблеме «очеловечивания». Стоит подчеркнуть, что эти традиции проявились в международно-политической науке не во всей полноте, а в урезанном и часто неупорядоченном виде. Оставляя другим исследователям возможность рассуждать о свободе или оптимальном внутреннем устройстве государств, специалисты по международным отношениям чаще всего опираются на отдельные фрагменты текстов, на частные тезисы и суждения, имеющие важность для сферы их исследований. В итоге из философского наследия Георга Гегеля в ничтожной степени заимствованы его этические, юридические и исторические работы, из идей Гоббса — эпистемологические, естественно-научные и правовые произведения, а из нескольких десятков сочинений Гуго Гроция — фактически только два. Тем не менее в этих традициях просматриваются вполне конкретные способы «очеловечивания», а также искомые неявные онтологические и эпистемологические предпочтения и допущения.

В статье сделана попытка установить примерное соответствие между существующими школами в теории международных отношений и выделенными традициями «очеловечивания». Этот шаг позволит продемонстрировать, наблюдается ли в какой-

либо из школ относительное единодушие по проблеме «очеловечивания». Примерное соответствие обусловлено невозможностью приписывания каждой из теоретических работ принадлежности к той или иной школе без потери существенной доли смысловых нюансов.

Гоббсовская традиция «очеловечивания»

Работы Томаса Гоббса о государстве и смежных социальных явлениях — отправная точка для большинства современных политических теоретиков. В последнее столетие предпринято немало попыток переосмыслить фигуру Гоббса и смысл его политико-философских взглядов, но некоторые вещи можно констатировать с высокой степенью уверенности. *Во-первых*, в его трактовке понятие «естественное состояние» связано с конфликтом индивидов и отсутствием упорядоченной социальной жизни. Не до конца придерживаясь законов логики, Гоббс противопоставляет естественное и гражданское (искусственно упорядоченное) состояния. Главным различием между ними выступает отсутствие или наличие государства [Филиппов 2009: 109–111]. *Во-вторых*, философ, будучи роялистом, полемизировал с современными ему сторонниками идей расширения суверенности (от монархов к условному и нередко сословно ограниченному «народу»). В этой связи Гоббс приравнивает естественное состояние к идеалу своих оппонентов и противопоставляет ему идеал государства как «единого лица», которое использует потенциал всех жителей и делегирует *этому лицу* суверенность [Гоббс 1991: 133]. В «Левиафане» (1651) и затем в «Бегемоте» (1668/1681) мыслитель прямо обвиняет оппозиционное духовенство и дворян-джентльменов в чрезмерном увлечении античным наследием [Skinner 2008: 139–143], что не мешает ему оставаться последователем Аристотеля в большинстве метатеоретических вопросов.

Лео Штраус предполагал, что стержнем политической философии Гоббса было своеобразное «расчеловечивание» государства — замена страстей наподобие гордости

и желания славы на прозаичные и «серые» способы описания государства [Штраус 2000: 43–45]. Вместе с тем более близка к истине позиция Карла Шмитта. Он отмечал, что отсылки к библейским чудовищам у Гоббса неслучайны: они смертны, полагаются в своих действиях на человека (суверена) и в отдельных частях текста приравнены к человеку («большому человеку») [Шмитт 2006: 122–134].

Представляется, что, отходя от средневекового представления о государстве как *политическом теле*, Т. Гоббс ещё больше его «очеловечивает». В рассуждениях о свободе человека философ явно демонстрирует, что человеческое государству не чуждо. Оно может ошибаться, несёт ответственность перед Богом, ограничено, по крайней мере отчасти, в своих действиях. Эту позицию Гоббс озвучивает ещё более открыто в главе «Левиафана» о церковной власти: государство — это не просто «естественное тело», это тело *с душой* в виде суверена [Гоббс 1991: 165–167, 250–261, 293, 443].

Означает ли это утверждение полное отождествление человека и государства? Для Гоббса оно представляет собой сходство *внутренней организации*. Если продолжать аргументацию Шмитта, оно всё-таки неполное, поскольку государство имеет также нечеловеческие и надчеловеческие черты (чудовище и «смертный» Бог). Более того, *внешние обстоятельства* для государств и людей различаются. *Во-первых*, первые пользуются большей свободой и потому находятся в большей опасности, чем индивиды. *Во-вторых*, последние стремятся избежать естественного состояния в интересах выживания или для сохранения собственности, тогда как государства, видимо, не способны этого сделать, поскольку у Царства Божия нет и не может быть материального (телесного) воплощения⁴.

Как итог, столь любимая теоретиками международная анархия до такой степени разграничивает человека и государство,

что делает их полное отождествление маловероятным или даже невозможным [Bull 1981: 720–727]. В целом гоббсовский анализ построен на сопоставлении человека и государства при временном игнорировании нечеловеческих и надчеловеческих черт. Тем не менее такое *допущение* — это всегда *один из вариантов* рассуждений, поскольку в исследовательских целях закрывать глаза можно и на другие характеристики государства.

К политической философии Гоббса применялись разного рода классификационные ярлыки, но в вопросе развития людей и государств приходится применять сразу два. Речь идёт скорее об *организмизме*, чем о *механизме* (некое сочетание органицизма и механицизма, если быть точным). Безусловно, природное естественное начало у философа связано прежде всего с движением и изменением. Между тем эти процессы сами по себе носят функциональный характер и способствуют раскрытию потенциала живых существ.

Аналогичным образом обстоят дела и с государствами: «человеческая» составляющая подталкивает их преодолевать состояние неупорядоченности, а стремление к самосохранению ведёт к выстраиванию иерархии приоритетов и последовательности действий [Spragens 1973: 58, 70, 195–196]. Следовательно, для последователей Гоббса «очеловечивание» представляет собой нечто большее, чем *метафору*, поскольку речь идёт о взаимосвязанном сходстве. То допущение, которое специалисты в области международных отношений обозначают словосочетанием *as if* (*если бы* государство было человеком), намного ближе к *аналогии*. Перед нами не столько фигура речи, сколько несколько аморфная исследовательская техника для объяснения происходящего.

Гоббсовские противопоставления живого и неживого (искусственного), тела и души тяготеют к онтологическому *дуализму*,

⁴ Соответствующий тезис Гоббс напрямую берёт из Послания апостола Павла к римлянам (13:1): «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены».

пусть он и является анахронизмом в отношении «Левиафана». Для самого философа такой проблемы не стояло в силу его религиозных убеждений: люди и государства по определению ограничены и не могут знать высшего замысла. Тем не менее последователи Гоббса зацепились за его критику догматизма и фактически вынесли Бога за рамки анализа, оставив для себя рационального индивида и его производное — государство. Такой поворот сказывается на непрекращающихся попытках переосмыслить работы философа и открыть в них что-то новое. Как отметил Майкл Уильямс, Гоббс — очень каверзный и сложный союзник для современных международныхников [Williams 1996: 231–234].

Вместе с тем принципиальная открытость гоббсовской модели позволила либералам и реалистам практически в одинаковой степени воспользоваться её достижениями. Взяв из всей модели идеи о самосохранении, страхе и войне всех против всех, реалисты провозгласили Т. Гоббса своим основоположником и источником интеллектуального вдохновения.

Либералы также нашли в его работах много для себя полезного. *Во-первых*, Гоббс вкладывал в понятие человеческого выживания любопытный элемент «обеспечения всех благ жизни», то есть выступал в пользу *зажиточного* выживания. *Во-вторых*, учреждение государства у философа не происходит автоматически, а обусловлено вызревaniem интереса со стороны индивидов. *В-третьих*, их цель при создании Левиафана заключается по большому счету в установлении мира. Три этих тезиса дают либералам основание полагать, что и в рамках гоббсовской модели государства могут осознать свой интерес, отказаться от войн и создать некое подобие международного Левиафана [Yurdusev 2006: 306–314].

Несколько наивный дуализм открывает большие возможности для осмысления проблемы «очеловечивания». Сторонники гоббсовской традиции видят проблемы через бинарную оппозицию «допустимое—реальное» (*англ.* as if — real). Колин Уайт

отметил, что в этом разделении есть пропущенное логическое звено: допустимые человеческие черты в государстве могут быть как реальными, так и мнимыми. Это заключение всё ещё не даёт основания говорить о реальности или нереальности самого государства. В итоге возможных выводов больше, чем два: что-то одно может быть реальным, оба сравниваемых объекта могут быть мнимыми или реальными. Если убрать подспудное отождествление реального с человеческим, то вариантов появляется ещё больше [Wight 2006: 199]. Более того, эта дилемма возникла и у самого Гоббса, поскольку в «Левиафане» индивидуальность чётко отделена от способности действовать (быть агентом). Значит, реальность может иметь отношение к агенту, но не к его человеческим чертам [Fleming 2021: 19–23].

В этой связи онтологический дуализм в умеренно органицистской версии подразумевает ряд неожиданных допущений. *Во-первых*, возникает бинарная оппозиция «нормальное—ненормальное» с выраженным нормативным компонентом. Например, если государство выполняет функции (в том числе внешние), в таком случае это состояние можно считать желательным, в противном случае — нежелательным. *Во-вторых*, схема Гоббса предполагает постепенный переход от одного состояния к другому, то есть версию социальной эволюции. Бинарная оппозиция «развитый—неразвитый» аналогичным образом имеет нормативный окрас и подталкивает к оценочным суждениям о внутреннем устройстве «очеловеченных» государств [Neumann 2004: 261–264]. В этом моменте ведущие представители современной теории международных отношений расходятся с Гоббсом. Для него крайне централизованные формы управления казались предпочтительными, а нынешние теоретики полагают иначе.

Не секрет, что Т. Гоббс использовал в своих работах индуктивные рассуждения. Было бы преувеличением напрямую связывать эмпиризм философа с позитивизмом хотя бы потому, что из британцев позити-

висты вдохновлялись Дэвидом Юмом и Дж. С. Миллем-мл.⁵ Более того, позитивисты вряд ли всерьёз воспримут рассуждения в логике «допустимое—реальное» и связанную с ней персонификацию государств. Тем не менее с учётом того, что международно-политическая наука относительно молодая, вполне уместно обозначить позитивистскую *направленность* традиции «очеловечивания» Т. Гоббса. В международных исследованиях многие тезисы философа воспринимаются как аксиомы [Gallarotti 2013; Kashyap 2022].

Если принимать их как таковые, то дальнейшая работа в русле позитивизма не лишена смысла. Более того, позитивизм в социальных науках не предполагает отказа от моральных императивов и даже, по видимому, систематического применения определённых методов, поскольку для позитивизма, как для других методологических подходов, характерна вариативность и нацеленность на совершенствование инструментов исследования [Neufeld 1995: 22–24]. К тому же существуют очевидные точки сопряжения между философией Т. Гоббса и более поздним по времени возникновению позитивизмом. В обоих случаях прослеживается одинаковая убежденность, что мы ещё многого не знаем о мире и что анализ его характеристик может изменить сложившуюся ситуацию. Кроме того, Гоббса и позитивизм также объединяет чёткое разграничение наблюдателя и наблюдаемого, оспариваемое современной философией науки [Алексеева 2017].

Хедли Булл отметил, что «пред-позитивистскую» логику рассуждений Гоббса о международных отношениях подрывает аксиоматическое противоречие. С одной стороны, дано естественное состояние между людьми до появления государств и естественное состояние в отношениях между государствами. С другой стороны, «война всех против всех» напрямую связана с тем, что есть у Другого: с тем, *в чём* можно соперничать, что может дать богат-

ство или славу. Среди государств предостаточно бедных, географически изолированных и малонаселённых суверенных единиц. Следовательно, существование «войны некоторых против некоторых» более вероятно. Выходит, что предпосылки для индивидов и государств на первый взгляд одинаковые, а результат получается разный [Bull 1981: 733–734]. Таким образом, одна из основных аксиом «Левиафана» не выдерживает простейшую логическую проверку.

В современной теории международных отношений гоббсовскую логику во многом продолжает неореалистская школа, которая приписывает всем или лишь некоторым государствам такую характеристику, как рациональность поведения. В неореалистской логике главным элементом рациональности оказывается стремление к самосохранению — к выживанию в конкурентной среде себе подобных, к защите территориальной целостности и независимости. При всех различиях неореалистских авторов, такая трактовка рациональности выдержала испытание временем. Для Джона Миршаймера рациональность субъектов оказывается «базовым допущением» (*англ. bedrock assumption*), а Кеннет Уолтц утверждал, что оно не нуждается в доказательстве и проверяется лишь исследовательской практикой [Mearsheimer 2001: 31; Waltz 2001: 91–92].

В то же время рациональность в неореалистской трактовке не имеет чёткого определения и уязвима для критики со стороны смежных дисциплин (в частности, психологии) [Abulof 2015: 363–368]. Более того, неореалисты вполне допускают, что лидеры стран могут ошибаться и не следовать рациональной линии поведения. Иными словами, реакция на структурные стимулы может различаться, что подразумевает скорее методологический индивидуализм и внешнюю (не внутреннюю) обусловленность поведения государств [Kahler 921–925]. В результате налицо расхождение не-

⁵ См., например, знаменитый сборник «Международная политика. Эссе по внешней политике Англии» (1866) с участием Э. Бизли, Ф. Харрисона и других [International Policy 1866].

ореалистов и гоббсовской традиции на уровне онтологии и методологии.

Таким образом, несмотря на популярность, традиция «очеловечивания» по Гоббсу, оказывается слишком открытой для интерпретаций. Это по-прежнему эпистемологически и методологически незавершённый проект, рассматривающий «очеловечивание» как исследовательский приём, но сталкивающийся с нормативными и логическими последствиями, которые принять до конца не может. Тем временем открытость и интеллектуальная пластичность наследия Гоббса удерживают значительное число международников от дальнейших поисков.

Гроциева традиция «очеловечивания»

Голландский юрист Гуго Гроций представил, пожалуй, самый простой вариант «очеловечивания» государств. Как и большинство теоретиков своего времени, он связывал их появление с действиями индивидов. Тем не менее в силу политических обстоятельств⁶ философ не абсолютизировал государство, считая его производным от воли и согласия граждан. В утерянном на несколько веков трактате «Об Индиях» (*лат. De Indis*, 1605) он приводил аргументы, что государства не могут владеть такими правами, которых нет у людей. В сущности, Гроций выдвинул предположение, что у людей и государств имеется одинаковый объём прав, в том числе право вести боевые действия. Этот тезис имел практические последствия и обосновывал правосубъектность Голландской Ост-Индской компании — организации, которой руководили частные лица [Tuck 2002: 82–85].

В основном политико-правовые идеи Г. Гроция усвоены международно-политической наукой благодаря его работе «О праве войны и мира» (1625). Если не-

много оосовременить тезисы этого сочинения, то философ излагает такую трактовку права, которая в минимальной степени ограничена религиозными догмами⁷. Естественное право, по Гроцию, является порождением не только аристотелевской общительности человека, но и способности последнего руководствоваться здравым суждением. Божественное право в раннее Новое время отрицать было не принято, но оно в труде философа описывается как находящее отражение в естественном праве. Как пишет Гроций, нормы естественного права, проистекающие от человеческих характеристик, могут быть «приписаны самому Богу»: если бы люди не были созданы с определёнными чертами, они не были бы способны на правотворчество [Гроций 1994: 46–47]. По сути, в трактате доказывалось, что люди сами по себе способны формулировать законы и созданное ими автономно по отношению к другим возможным источникам права [Jeffery 2006: 30, 36–37].

Для описания государства философ прибегает к популярной в Средневековье «политической телесности», но встраивает её в свою схему. В работах Гуго Гроция политическое или моральное тело есть условное (общее) сосредоточение власти, тогда как должностное лицо или лидер — её конкретный (собственный) носитель. Таким образом, по мнению автора «О праве войны и мира», государство — это всегда люди: «тот, кто правит государством, отчасти правит самолично, отчасти через посредство других» [Гроций 1994: 126–127].

Индивидуализм мыслителя последователен: внутригосударственное право обусловлено общей пользой и возникает из согласия или, по крайней мере, «молчаливого обязательства» людей. Вместе с тем право народов (международное право) связано с пользой «обширной совокупности

⁶ Как известно, Гроций родился и начал карьеру в Республике Соединённых Провинций — на тот момент непризнанном конфедеративном государстве, официальным сувереном которого был коллективный орган (Генеральные штаты).

⁷ Во втором издании трактата (1631) автор попытался усилить роль божественного права, не ломая свою логическую схему.

сообществ» и оформлено соглашениями большинства или всех государств [Гроций 1994: 47–48]. Поскольку люди каждый раз прямо или опосредованно оказываются участниками соглашения (о создании государств или отношениях между ними), Гуго Гроций, по сути, не видел проблемы в международной правосубъектности индивида.

Это наблюдение заметно в его рассуждениях о справедливых основаниях для ведения войны, когда индивиды могут выступать в качестве жертвы и восстанавливать справедливость. «Нужно также учитывать, что цари и *обладатели равных с ними прав* (курсив мой. — И.Л.) имеют право требовать наложения наказания не только за преступные действия против них самих и их подданных, но и за такие, которые не касаются их в частности, но нарушают — *в чьём угодно лице* (курсив мой. — И.Л.) — право естественное и право народов» [Гроций 1994: 480]. Ричард Так отмечает, что этот тезис напрямую связан с расширением деятельности Голландской Ост-Индской компании в Азии и Новом Свете. Гроций надеялся вернуться на родину из изгнания и старался быть полезным [Tuck 2002: 103–104].

В то же время философ в своём индивидуализме избегает крайностей и признаёт существование отдельных социальных институтов, причём и в международных отношениях. В естественном праве существует блок норм, которые не устанавливаются с нуля ориентиры поведения, а опираются на *уже имеющиеся* формы регулирования («в расчёте на известный порядок вещей»). Коль скоро внутри государств люди согласились на определённые правила, руководствуясь естественным правом и специфическими *неконститутивными* нормами [Гроций 1994: 72], в отношениях между государствами аналогичным образом наблюдается нечто подобное.

В международном праве («праве народов») к нормам, вытекающим из естественного права, Гроций причислял, например, свободу перемещения товаров и предпринимателей. По его мнению, такие установ-

ления не возникали после заключения межгосударственных соглашений, а диктовались «важностью для человеческого общества» [Гроций 1994: 72, 208–209]. Из этого следует, что в Гроциевой традиции существует группа досоциальных норм естественного права: ещё до какой-либо детализации принципов и правил взаимоотношений государствам необходимо соблюдать некоторые поведенческие установки [Wight 1992: 234].

Хотя среди исследователей международного права фигура Г. Гроция сохраняла значение все последующие века после выхода «О праве войны и мира», в международно-политической науке понадобились целенаправленные усилия Мартина Уайта (1913–1972) и его единомышленников, чтобы обеспечить философу положение в ряду классических авторов. Как считает Уайт, в Гроциевой традиции подчёркивается, что государства и индивиды несвободны в своих действиях и даже в условном естественном состоянии подвержены влиянию моральных норм. Именно этот «известный порядок вещей» подталкивает государства к формальным соглашениям по проблемным вопросам [Wight 1992: 38–39].

Вместе с тем М. Уайту импонировало отсутствие морального прескриптивизма. Потенциальные соглашения государств, как и договоры между частными лицами, могут и должны содержать специфические нормы, которые отклоняются от этических предписаний и учитывают неизбежные практические ограничения [Bull 1976: 104–107].

Итак, для Г. Гроция и его интеллектуальных последователей чёткой юридической разницы между индивидом и «очеловеченным» государством просто не существует. У них имеются схожие правовые обязательства и моральные ограничения. Тем не менее в этой позиции нет антропоморфизма и антропоцентризма, а только признание, что внешние ограничения одинаковы по своему характеру. В практическом (онтологическом) плане Г. Гроций признаёт, что государства состоят из индивидов, руководятся индивидами, регули-

руют жизнь индивидов, однако сами индивидами не являются [Cutler 1991: 46–47]. В этой связи «очеловечивание» в такой логике рассуждений не более чем метафора – речевой приём, перенос сходств внешней среды на разные явления.

С онтологической точки зрения индивидуализм Г. Гроция с определёнными оговорками – это монизм, то есть восприятие мира как неразделимого единства исследователя и исследуемого. Человек и создаваемые им нормы растворены в мироздании и не могут никак отделиться от него. В то же время очевидно, что эта версия монизма допускает существование ненаблюдаемых явлений. Явление, которое международники склонны называть структурой, в терминологии Гроция именуется с некоторой долей натяжки «известным порядком вещей». Следовательно, с той же долей уверенности, с какой можно причислить гоббсовскую традицию «очеловечивания» к пред-позитивизму, Гроциева традиция принадлежит к (пред-)рефлексивистской методологии.

Пространство договорённостей можно исследовать только с помощью прояснения договорной природы отношений, путём нового соглашения по поводу устоявшихся понятий и посредством обращения к скрытым (ненаблюдаемым) феноменам, последствия существования которых дают о себе знать в доступной нам части мира. В принципе эти установки разделяются в разной степени большим числом теоретических школ – от английской школы и либерализма до феминизма и неограмшианства. Одновременно в этой традиции практически не представлен реализм и его версии, которые долгое время считались ведущим интеллектуальным направлением в изучении международных отношений. Рефлексивистский поворот и, как следствие, «Гроциева традиция очеловечивания» развивается преимущественно «на задворках» теории международных отношений [Neufeld 1995: 40–47].

Относительная маргинальность не единственная проблема традиции «очеловечивания» в работах Гроция. Метафора с ис-

пользованием человека необходима не ради стилистической красоты текста. Она позволяет показать автономность субъектности государств, последовательность и направленность их действий, а также возможность коллективной самоорганизации ради тех или иных целей [Marks 2011: 47–51]. Далеко не все согласятся с этими неочевидными последствиями «очеловечивания». Конструктивисты оспорят автономность, реалисты – длительность и добровольность самоорганизации, либералы – последовательность действий в условиях плюрализма обществ.

Если же обратиться к самому Г. Гроцию, то окажется, что эти свойства в какой-то мере присущи не только человеку и что индивид представляет собой живое существо «высшего порядка» [Гроций 1994: 46–47]. Получается, что к государствам по неведомой причине совершенно не применяется весь комплекс метафор животного и растительного мира, хотя рефлексивизм по определению наименее склонен терпеть умолчание в качестве исследовательской практики.

Гегелевская традиция «очеловечивания»

В работах Г. Гегеля сформулировано два важных представления о сущности государства и соотношении государств и людей. Эти воззрения обусловили последующее «очеловечивание» государств. Первое представление восходит к Аристотелю и идеалам античного полиса, где решения принимались в процессе обсуждения и именно участие в таком обсуждении делало индивида гражданином. Скорее всего, преждевременно утверждать, что Гегель хотел в каком-то виде воспроизвести античный опыт [Linklater 1996: 197]. Тем не менее этот опыт совершенно точно играл роль ориентира для философа.

В раннем произведении «Позитивность христианской религии» (1796) представитель немецкого идеализма обратил внимание на различие в коммуникационном поведении двух народов – еврейского и античного греческого. Первый стремился замкнуться и изолироваться от отношений

с другими, тогда как сограждане Сократа не боялись внешнего мира и при необходимости были способны себя защитить. Попытки изоляции Гегель называл безумством и видел в них едва ли не причину утраты евреями государственности и даже своей территории [Гегель 1970: 100–102, 112–113].

Развёрнутая аргументация о том, что коммуникация внутри государств неизбежно ведёт к международному взаимодействию, представлена уже в «Философии права» (1821). Гегель неохотно рассуждает о глобальной политике. Он много внимания уделяет внутреннему устройству государств и формированию общности среди граждан — национальной идентичности или «духа народа» [Burns 2014: 328–239]. Лишь в рассуждениях о «духе народа» философ доходит до международного аспекта. Важнейшей чертой «духа народа» остаётся необходимость в признании — *праве быть суверенным для другого* [Гегель 1990: 365].

Эта поправка представляется важной, поскольку добавляет в гегелевское определение государства тезис, что *другие* государства могут существовать. В противном случае говорить о государствах как о множестве явлений в принципе не имеет смысла. Тем не менее в этой формулировке Гегель фактически идёт ещё дальше. Если суверенность государств зависит («дополняется») от признания других государств и если это признание не может быть автоматическим, то суверенное государство есть не что иное, как зависимый от других и внешне сдерживаемый феномен [Vincent 1983: 192–195].

Фактически любой гражданин, обладающий свободной волей и живущий в каком-либо государстве, подпадает под такое определение. Этот нюанс не остаётся незамеченным у Гегеля: «так же как единичное, человек не есть действительное лицо вне его отношений к другим лицам, так и государство не есть действительный индивид вне его отношения к другим государствам» [Гегель 1990: 365]. Таким образом, в гегелевской трактовке возможность анализа государств так же, как и индивидов, связа-

на, прежде всего, с общностью внешних *коммуникационных* обстоятельств.

Второе представление мыслителя, напротив, оспаривает позицию Аристотеля. Рассуждая о проявлениях храбрости в «Феноменологии духа» (1807), Гегель отмечает, что она может быть трусливой и эгоистичной и не должна совершаться в угоду другим. Иначе говоря, эта характеристика представляет собой не что иное, как рабское самосознание. Для утверждения самостоятельности индивида храбрость нуждается в абстрактном идеале — государстве или даже чем-то более значимом [Гегель 1959: 345–346].

Если несколько осовременить гегелевскую критику Аристотеля и его взглядов на общественное признание храбрости, то речь идёт о *деперсонализации/деиндивидуализации* социально значимого поведения. В античное время важным элементом этой черты было индивидуальное самосознание, например желание получить достойное место в памяти людей, соображения чести. В современных же политических условиях таковое утрачивается [Smith 1983: 629]. В этом тезисе нет ничего удивительного, если вспомнить, что философ был современником конфликтов с участием крупных армий. В таких войнах дисциплина и прогресс в использовании артиллерии отодвигали на второй план индивидуальный героизм и доблесть в бою.

Довольно частный тезис о деперсонализации вновь возникает в «Философии права» уже применительно к международным отношениям. Гегель, иронизируя над кантовским проектом вечного мира, отмечает, что государству *как индивиду свойственно отрицание* [Гегель 1990: 361]. Даже такая абстрактная и тяготеющая к универсальному началу сущность, как государство, всё ещё не деперсонализуется до конца, сохраняя некоторые базовые человеческие свойства.

Исчерпывающего перечня таких свойств Гегель, разумеется, не даёт, хотя и неоднократно подчёркивает, что к основным мотивам поведения государств относятся стремление сохранять и воспроизводить

себя, процессы самопознания и реализации собственного потенциала [MacKay, Levin 2018: 82–87]. Так или иначе, государство как этическое объединение людей или агрегированная политическая единица *в какой-то степени* содержит действительные человеческие черты, поскольку деперсонализация государств современного типа (национальных государств) имеет незавершённый характер. Проще говоря, в государствах не много человеческого, а, возможно, мало *нечеловеческого*.

Эта идея служит обоснованием коллективистской идеи, за которую обычно ухватываются международники-либералы. В «Философии права», несмотря на склонность к отрицанию, государства при некоторых условиях способны образовывать «семью». Поддавшись европоцентристским представлениям, Гегель считает, что такой семьёй может быть только семья европейских наций, связанных, прежде всего, международно-правовыми узами ввиду особенностей нравов и исторической специфики формирования государств [Гегель 1990: 369]. Тем не менее проведённые ранее параллели между поведением индивида и государств прямо подводят к тому, что какая-то форма коллективизма может быть не чужда *любым* государствам или же может стать результатом их суверенного согласия.

В рамках теории международных отношений гегелевская диалектика индивидуальности и взаимного признания по отношению к проблеме «очеловечивания» подразумевает следующее. С точки зрения онтологии гегелевский вариант «очеловечивания» тяготеет к холизму, коль скоро коммуникация и другие общественные процессы конституируют и удерживают на плаву различные социальные общности (в том числе государства), но сами при этом ими же и регулируются.

Неточность в количестве человеческих характеристик в государствах также неслучайна, поскольку очевидным образом привязана к конкретной ситуации. Сам Гегель обращается для демонстрации отличий современных государств к античному и

средневековому опыту (в частности, к «Конституции Германии»). Получается, что «очеловечивание» можно рассматривать, скорее, как не нуждающуюся в существенной проверке констатацию и упорядочивание фактов (кантовское аналитическое суждение) [Jackson 2004: 284–287]. Подобная констатация отражает интерпретативистскую логику и в этом плане похожа на Гроциеву традицию.

Между тем цель такой констатации глубже, чем простое объяснение существующих конвенциональностей. Для гегелевской традиции характерен некоторый пре-скриптивизм и стремление найти некое практическое применение формулируемым тезисам. В основе этого стремления лежит понимание сложности государственного управления и необходимости ориентироваться в международно-политических реалиях. Следовательно, перед нами эпистемологический инструментализм, восходящий к идее «практической разумности» Аристотеля [Friedrichs, Kratochwil 2009: 705].

В данной аналитической рамке знание об «очеловеченных» государствах сталкивается, как минимум, с двумя проблемами. Фактически гегелевский взгляд на вещи не слишком отличается от жёсткого структурализма и детерминизма — по крайней мере, с точки зрения результатов действия государств. В процессе коммуникации люди могут иметь своё мнение и не соглашаться с какой-то инициативой, но их несогласие или изменение убеждений перестают иметь значение, как только коллективная единица — государство — совершает действие. Возникает поразительный (относительно не диалектический) парадокс, в котором «очеловечиваемое» государство «обесчеловечивает» индивида.

Более того, последствия отказа от чётких рамок анализа могут вести к непривычным результатам. Государство как гегелевский индивид формально может не только действовать, но и в какой-то форме обладать самой запутанной составляющей человеческого бытия — *сознанием*. В гегелевской логике рассуждений нет прямого

или косвенного запрета государствам размышлять, приходить к умозаключениям и рефлексировать. На уровне инструментально выстраиваемых дефиниций можно ограничить степень «очеловечивания» государств и не подвергать неокрепшую теорию международных отношений суровым испытаниям, связанным с одной из сложнейших отраслей современного знания. Правда, это будут ситуативные и оттого недостаточные меры. В результате, по выражению К. Уайта, «мы выигрываем немного, но теряем существенно» [Wight 2006: 183–184].

Из-за перечисленных проблем многие международники стараются не ассоциировать себя напрямую с наследием Гегеля. Многие вменяют ему избыточное восхищение войнами и гипертрофированное внимание к государству. Тем не менее гегелевская логика рассуждений и отдельные компоненты его работ усвоены не только марксистами и постмарксистами, но неолибералами и коммунитаристами. Более того, Эндрю Линклейтер отмечает, что иногда Гегеля можно принять за источник вдохновения английской школы теории международных отношений – особенно фрагменты текстов о европейской общности наций [Linklater 1996: 198, 202–205]. В свою очередь, один из основателей конструктивизма, Николас Онуф, подчёркивал, что обращение к Гегелю и германской политической мысли неизбежно для поиска альтернатив англосаксонскому пониманию силы и исходного состояния в международных отношениях [Onuf 1989: 197–203].

В целом традицию «очеловечивания», по Гегелю, также можно назвать открытой, как и гоббсовскую традицию. Тем не менее в данном случае открытость не ведёт ни к эпистемологической и методологической аморфности, ни к логическим неувязкам. Проблемы гегелевского «очеловечивания» являются одновременно и его силой, поскольку заставляют уточнить, в чём именно выражается применение человеческих характеристик и какие процессы это обусловили. Привязанность «очеловечивания»

к конкретным ситуациям оставляет больше простора для теоретизирования, но схема такого теоретизирования у Гегеля практически универсальна в отличие от осторожных обобщений Т. Гоббса.

Александр Вендт переписывает Гоббса и Гегеля

Три вышеперечисленные традиции «очеловечивания» можно условно назвать классическими, поскольку они опираются на тексты крупных мыслителей Нового времени. Вместе с тем исследовательские установки и ориентации, восходящие к XVII–XIX векам, нуждаются в уточнении и адаптации к современным реалиям и концептуальной сетке международно-политической науки. Можно спорить, насколько удачен или неудачен неопозитивизм как исследовательская методология, но одно его существование в наши дни ставит под вопрос научность традиций «очеловечивания».

Легче всего последователям традиции Гроция, коль скоро они не видят в государстве реальных человеческих черт при всей сложности определений реальности. В данном случае под огонь неопозитивистской критики попадает лишь неудачный выбор слов и стиля описания процессов и явлений. Напротив, более нюансированные и сложные гоббсовская и гегелевская традиции оказываются на грани науки и ненауки, равно как и научные школы, в которые вплетены эти традиции. Последние слишком открыты для интерпретаций, чтобы обеспечивать приемлемый уровень обобщения и реорганизации фактов для последующего исследования.

Вместо того чтобы отказываться от «очеловечивания» в целом, авторитетный представитель конструктивизма А. Вендт предложил оттолкнуться от логической предпосылки. «Очеловечивание» имеет практическую пользу в исследованиях, потому важна не критика самого «очеловечивания», а внимательный разбор этой критики и корректировка этого концепта под конкретные замечания. Если принять самое широкое определение индивида

(процессы, чьё существование зависит от поддержания границ с внешним миром⁸), то «очеловечивание» не влечёт за собой ограниченный органицизм Т. Гоббса или допущение о сознательности государств в гегелевской традиции. Потребности и убеждения у государств быть могут, но они обусловлены необходимостью постоянного прочерчивания границ с Другим и само-сохранением, а не сознанием как таковым или необходимостью в биологическом смысле [Wendt 2004: 290–296].

За широким определением индивида стоит нечто большее, чем просто любовь учёных к выработке дефиниций. Вендт отмечает, что коллективные намерения не сводятся к индивидуальным и не могут быть представлены в виде какой-то усреднённой позиции. Значит, они представляют собой нечто отдельное и сложное. Этот тезис непосредственно подразумевает «очеловечивание» государства. Поскольку существуют коллективные намерения, *должны быть* и их носители. Отсюда Вендт делает вывод, что есть онтологические предпосылки исследовать государства как индивиды. Остаётся лишь сделать это посредством научных методов [Wendt 2005: 358–359].

Второй блок аргументов сводится к неудовлетворительности альтернативных исследовательских стратегий. А. Вендт выдвинул тезис, что любое утверждение, частично или полностью не доходящее до признания реальности «очеловечивания» индивида, будет иметь больше недостатков, чем предлагаемый им вариант. Метафорические отсылки к индивиду, аналогии с индивидом и частичное признание человеческих характеристик у государств слишком слабо отражают онтологические и эпистемологические основания исследования. Они не фиксируют последующую логику поиска знания и ведут к дисбалансам во внимании к тем или иным вопросам.

Все эти предположения дают основание Вендту одинаково обвинять разные варианты «очеловечивания» в редукционизме,

в субъективном игнорировании важных проблем и явлений. Фактически он отождествляет онтологические барьеры для «очеловечивания» с барьерами для познания. Более того, их устранение оказывается единственно возможным правильным решением [Wendt 2004: 298–305].

Помимо предпосылок и неудовлетворительности альтернатив, необходимы и возможности реализации научного проекта. В этой связи альтернативу неопозитивизму Вендт находит в «децентрализованном материализме» (*англ.* *gump materialism*), который не отрицает и не порицает, но ограничивает наиболее смелые допущения теоретиков. Такой подход позволяет ему признавать как значимость идей в поведении государств, так и тот факт, что идеи должны основываться на некотором материальном фундаменте [Wendt 1999: 96]. Иными словами, материализм предлагается использовать не как онтологическую позицию, а как эпистемологическую (условно — при необходимости «ограничить» идеальный мир материальными состояниями).

Подобный подход позволяет Вендту совместить две традиции «очеловечивания» — гоббсовскую и гегелевскую. Из наследия первого он берёт бинарную оппозицию «допустимое—реальное» и переопределяет реальное, чтобы расширить сферу применения «очеловечивания». У Гегеля исследователь заимствует идею о постоянной динамике персонализации—деперсонализации, обусловленной внешней коммуникацией. Эта динамика становится инструментом ограничения — что-то должно оставаться в сфере допустимого и нереального. В итоге в узком смысле можно «очеловечить» государство. Оно *есть индивид*, провозглашает Вендт, поскольку существуют онтологические предпосылки и методологическая возможность так утверждать. В противном случае исследовательская логика может пострадать [Wendt 2004: 315].

В отличие от многих теоретиков, Вендт прямо указывает, что его методологиче-

⁸ Вендт различает два типа конституирования индивида — извне и изнутри.

ская позиция — это научный реализм. Подобная методология подразумевает чёткое признание онтологического дуализма, например, между разумом и телом, между социальным и естественным, а также готовность на уровне эпистемологии мириться с ненаблюдаемыми явлениями. Им приписываются последствия в реальном наблюдаемом мире.

«Очеловечивание» в таком ракурсе сталкивается с рядом проблем, о которых Вендт предупреждает сам. *Во-первых*, переориентация материализма и эпизодичность его применения открывают возможности для появления крайне смелых теорий, например, о наличии сознания у государств⁹. *Во-вторых*, «очеловеченность» государств напрямую зависит от того, в какой степени индивиды ассоциируют себя с коллективной идентичностью и соучаствуют в формировании коллективных намерений. Иными словами, любой исследователь внутри государства оказывается не-нейтральным наблюдателем объекта исследования, что может подорвать заявленный онтологический дуализм [Wendt 2004: 315–316].

Критика позиции Вендта сводится к тому, что предложенный им вариант «очеловечивания» размывает границу между материальным миром (где могут существовать живые организмы) и социальным миром, в котором многое задаётся дискурсивными практиками. По мнению Ивера Ноймана, практика максималистского «очеловечивания» ведёт к искажениям в исследовательском фокусе — акценту на взаимоотношениях гипотетических индивидов и на их конечных целях. Вместо этого можно было бы сосредоточить внимание на индивидуальности (особенностях международных субъектов) и на трансформационном потенциале их многообразия, поскольку она несводима к принадлежности к определённом классу индивидов [Neumann 2004: 265–266].

Вслед за Нойманом многие авторы из условной группы критических конструктивистов подчёркивали дискурсивную природу «очеловечивания» и конституитивность подобной исследовательской практики. Другими словами, вместо исследования получается конструирование нового «очеловеченного» мира государств, что выходит за рамки научной необходимости [Epstein 2011; Schiff 2008]. Подобная критика базируется на шатких аргументах о том, что существуют более продуктивные альтернативы «очеловечиванию» (это положение не доказано) и что приписывание человеческих черт в науке развивается в строгом соответствии с идеями некоторых постмодернистских авторов — прежде всего, Мишеля Фуко и Жака Лакана.

В целом предложенная А. Вендтом логика рассуждений нашла отклик среди сторонников постепенной психологизации анализа межгосударственных отношений. В частности, концепция «онтологической безопасности», прямо вытекающая из тезисов исследователя, отражает интерес международных к иррациональным и нетрадиционным аспектам безопасности. В качестве примера стоит упомянуть игнорирование информации лицами, принимающими решения, как способ сохранить целостность их картины мира [Mitzen 2006; Худайкулова, Неклюдов 2019].

Ряд исследователей отмечают, что подход Вендта позволяет начать дискуссию об эмоциях, демонстративном поведении и даже ненормативных отклонениях в поведении государств. Таким образом, можно перенести многие наработки политической психологии, которые игнорируются международниками или в редких случаях используются в анализе международных конфликтов и кризисов [Beyer 2017; Naude 2021]. Вместе с тем процесс обработки информации государством вполне может сочетаться с весьма умеренным использованием понятия «сознание» и его производных, что крайне

⁹ В работе «Квантовый разум и социальные науки» 2015 года Вендт осторожно согласился с этой точкой зрения, оговариваясь, что это сознание у государств немного другого типа (квантовое сознание с волновой природой).

важно для сохранения фокуса исследования и целостности дуалистской онтологии научного реализма [Lerner 2021].

* * *

Несколько столетий развития политико-философской и международно-политической мысли обусловили появление спектра мнений относительно «очеловечивания» государств. В данной статье предложена реконструкция трёх вариантов (традиций) осмысления этого вопроса. Одни исследователи вслед за Гуго Гроцием не видят в «очеловечивании» ничего, кроме удобного приёма речи (точно так же, как многие средневековые схоласты различали обозначение вещи и саму вещь). Другие — полагают, что вполне допустимо проводить аналогию между человеком и государством для выяснения и уточнения доступного нам знания о государствах и отношениях

между ними. Эта традиция, восходящая к Томасу Гоббсу, не видит границ для применения подобных аналогий, поскольку часть черт у государств и людей действительно похожа или идентична. Тем не менее подобная позиция не даёт оснований говорить о полном сходстве и об окончательном «очеловечивании» государства. Наконец, третья традиция восходит к Георгу Гегелю и признаёт частичное сходство государств и индивида, но рассматривает этот тезис не как аналогию, а как отражение более глубоких процессов коммуникационного характера.

Помимо трёх заявленных традиций, постепенно формируется совокупность исследований, связывающих онтологическое и эпистемологическое основания исследования с позицией Александра Вендта (табл.). Хотя пока преждевременно говорить о полноценной традиции, очеви-

Таблица
Основные традиции «очеловечивания» в современных международных исследованиях

	Гроциева традиция	Гоббсовская традиция	Гегелевская традиция	Вендт и его последователи
Индивидуальность задается или регулируется	Правилами	Внутренней структурой	Внешней коммуникацией	Поддержанием внешних границ для внутреннего существования
Соотношение государства и индивида	Государство метафорически «очеловечивают»	Государство имеет отдельные общие черты с индивидом (<i>as if</i>)	Государство есть частичный индивид в своих социальных характеристиках	Государство есть индивид
Онтологическая позиция	Онтологический холизм	Онтологический дуализм	Онтологический холизм	Онтологический дуализм
Эпистемологическая позиция	Плюрализм	Эмпиризм	Интерпретативизм	«Децентрализованный» материализм
Методологическая позиция	«Пред-рефлексивизм»	«Пред-позитивизм»	Инструментализм	Научный реализм
Ценность «очеловечивания»	Один из способов интерпретации правил	Один из методов уточнения причин и следствий	Один из методов выявления нового о государствах по мере анализа черт человека и их комбинаций	Способ построения теории
Примерное соответствие парадигме (школе) ТМО	Английская школа Критические теории Постмодернизм	Либерализм и классический реализм	Конструктивизм (в основном)	Конструктивизм второго поколения

Источник: составлено автором.

ден потенциал этих работ с точки зрения дальнейшего междисциплинарного синтеза в международных исследованиях и уточнения отдельных аргументов Вендта.

Может возникнуть впечатление, что представитель современного конструктивизма в международных исследованиях ставится на одну доску с такими величинами политической науки, как Т. Гоббс, Г. Гроций и Ф. Гегель. Оно верно лишь отчасти, поскольку само рассуждение жёстко привязано к проблеме «очеловечивания» и не касается других тем. Поскольку международники традиционно опираются на отдельные фрагменты классических произведений, подобная избирательность вполне допустима в отдельных случаях. Вместе с тем повсеместное уравнивание современных авторов и классиков, скорее всего, окажется контрпродуктивным.

Какие могут быть дальнейшие перспективы «очеловечивания» в международно-политической науке? *Во-первых*, представленные выше описания традиций наглядно демонстрируют, что пока не получилось сформулировать чёткие и понятные границы для «очеловечивания» в рамках рефлексивизма и (нео)позитивизма. В случае Гроциевой традиции «очеловечивания» перспективы представляются более отчётливыми, так как исследовательский процесс не потребует сбора максимально доступной информации и заведомо громоздких методов исследования. С другой стороны, неопозитивистское сопоставление поведения социальных групп и индивидов при временном ограничении дискуссий на онтологические и эпистемологические темы также может оказаться полезным. Оно внесёт ясность в механизмы и типы причинности, связанные с проблемой «очеловечивания».

Во-вторых, Вендт показал интересный путь усовершенствования «очеловечивания» — правда, в статусе аналитического приёма, а не позиции по вопросам социальной онтологии. Смещение двух традиций, например гоббсовской и гроциевой, может обеспечить новые формы и способы анализа персональных особенностей госу-

дарств и их поведения. Число позиций по соотношению понятий «индивид» и «государство» не может быть бесконечным, но его можно увеличить, например, за счёт детализации типов государств [Харкевич 2016]. Дальнейшее смешивание разных традиций и их отдельных элементов — а не ссылки на авторитеты раннего Нового времени — может привести к формированию новых вариантов «очеловечивания» и уточнению распространённых теоретических допущений о детерминизме и случайности в международных отношениях.

В этом плане нераскрытый потенциал отчётливо просматривается у критических теорий международных отношений, которые нами причислены к Гроциевой традиции (с большой долей условности). Рассуждения в метафорическом ключе о «живых» элементах и характеристиках в современных государствах можно вести и в плюралистическом ключе, выделяя различные типы государств-индивидов. В частности, с позиций постколониализма можно говорить о незападном типе индивидуальности государств, который не только не укладывается в построения Гроция, но и добавляет в метафору «очеловечивания» факторы конкуренции, взаимовлияния или маргинализации различных типов индивидуальности государств [Bilgin 2008: 12–14].

Если прибегнуть к их типологизации, то можно выйти далеко за рамки бинарных противопоставлений, поскольку даже преобладающие типы могут иметь менее заметные внутренние разновидности — например, «подчинённые маскулинные» варианты (расовые, связанные с физическими и иными нарушениями). В таком случае «очеловечивание» оказывается частью «войны интерпретаций», с помощью которой воспроизводятся и оспариваются доминирующие в международно-политической науке представления о государствах как таковых [Ноорег 2001: 72–76].

Наконец, *в-третьих*, приведённая выше дискуссия демонстрирует, что становится всё сложнее просто отказаться от «очеловечивания» и сводить его роль к риторическим уловкам и ошибкам. Вместе с образами нам

достаются и факты: «очеловечивание» порой выступает неясным концептом, иногда прямолинейно делает наше описание международной действительности не просто более ярким и живописным, но и более точным. Иными словами, у «очеловечивания» есть теоретическая значимость [Wendt 1999: 68].

В настоящей статье показаны онтологические и эпистемологические последствия тех или иных вариантов рассуждений по данной проблематике, но при появлении

новых комбинаций или по-настоящему оригинальных подходов потребуются повторная инвентаризация последствий. Поскольку далеко не все варианты социальной онтологии затронуты процессами «очеловечивания» и нам ещё многое неизвестно о мотивах поведения государств, сложности и многоуровневости их представлений о себе и окружающем мире, представленная выше реконструкция со временем обростёт дополнениями и корректировками.

Список литературы

- Алексеева Т.А. Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. №. 4. С. 30–41.
- Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2018. 352 с.
- Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т. 1. М.: Институт философии АН СССР; Мысль, 1970. 668 с.
- Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. 630 с.
- Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Институт философии АН СССР; Мысль, 1991. 713 с.
- Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
- Катаев Д.С., Фельдман Д.М. Человек в науке о мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. №. 6. С. 102–107.
- Куайн У.В.О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / Пер. с англ. В.А. Ладова и В.А. Суровцева; Под общ. ред. В.А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 166 с.
- Кузнецов А.М. Человек в международных отношениях: дань времени или необходимая трансформация парадигмы? // Политическая концептология. 2013. №. 2. С. 218–229.
- Фельдман Д.М. Мировая политика во власти толпы? // Власть. 2014. №. 8. С. 28–32.
- Филиппов А.Ф. Актуальность философии Гоббса. Статья первая // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. №. 3. С. 102–112.
- Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я. Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе // Вестник МГИМО-Университета. 2019. №. 6 (69). С. 129–148.
- Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. М.: Владимир Даль, 2006. 300 с.
- Штраус Л. Введение в политическую философию / Пер. с англ. М. Фетисова. М.: Логос; Праксис, 2000. 364 с.
- Харкевич М.В. Формы публичной дипломатии и типы государств // Политика и общество. 2016. №. 9. С. 1244–1255.
- Abulof U. The malpractice of “rationality” in international relations // Rationality and Society. 2015. Vol. 27. No. 3. P. 358–384.
- Beitz C.R. Political theory and international relations. Princeton: Princeton University Press, 1999. 264 p.
- Beyer A.C. International Political Psychology: Explorations into a New Discipline. London: Palgrave Macmillan, 2017. 207 p.
- Bilgin P. Thinking Past ‘Western’ IR? // Third World Quarterly. 2008. Vol. 29. No. 1. P. 5–23.
- Bull H. Hobbes and the international anarchy // Social Research. 1981. Vol. 48. No. 4. P. 717–738.
- Bull H. Martin Wight and the theory of international relations: the second Martin Wight Memorial Lecture // Review of International Studies. 1976. Vol. 2. No. 2. P. 101–116.
- Burns T. Hegel and global politics: Communitarianism or cosmopolitanism? // Journal of International Political Theory. 2014. Vol. 10. No. 3. P. 325–344.
- Cutler A.C. The ‘Grotian tradition’ in international relations // Review of International Studies. 1991. Vol. 17. No. 1. P. 41–65.
- Epstein C. Who speaks? Discourse, the subject and the study of identity in international politics // European Journal of International Relations. 2011. Vol. 17. No. 2. P. 327–350.
- Fleming S. The two faces of personhood: Hobbes, corporate agency and the personality of the state // European Journal of Political Theory. 2021. Vol. 20. No. 1. P. 5–26.
- Friedrichs J., Kratochwil F. On acting and knowing: How pragmatism can advance international relations research and methodology // International Organization. 2009. Vol. 63. No. 4. P. 701–731.

- Gallarotti G.* The Enduring Importance of Hobbes in the Study of IR. 2013. URL: <https://www.e-ir.info/2013/01/10/hobbes-is-still-extremely-relevant-for-the-study-of-ir-especially-the-cosmopolitan-hobbes/> (accessed: 25.04.2022).
- Gilpin R.G.* The richness of the tradition of political realism // *International Organization*. 1984. Vol. 38. No. 2. P. 287–304.
- Hooper C.* Manly States: masculinities, international relations, and gender politics. New York: Columbia University Press, 2001. 393 p.
- International Policy.* Essays on the foreign policy of England. London: Chapman and Hall, 1866. 636 p.
- Jackson P.T.* Hegel's House, or 'People are states too' // *Review of International Studies*. 2004. Vol. 30. No. 2. P. 281–287.
- Jeffery R.* Hugo Grotius in international thought. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006. 228 p.
- Kahler M.* Rationality in international relations // *International Organization*. 1998. Vol. 52. No. 4. P. 919–941.
- Kashyap S.* Tracing Hobbes in Realist International Relations Theory. 2022. URL: <https://www.e-ir.info/2022/02/22/tracing-hobbes-in-realist-international-relations-theory/> (accessed: 25.04.2022)
- Lerner A.B.* What's it like to be a state? An argument for state consciousness // *International Theory*. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 260–286.
- Linklater A.* Hegel, the State and International Relations // *Classical Theories of International Relations* / ed. by Clark I., Neumann I. London: Macmillan, 1996. P. 93–203.
- Lomas P.* Anthropomorphism, personification and ethics: a reply to Alexander Wendt // *Review of International Studies*. 2005. Vol. 31. No. 2. P. 349–355.
- Mackay J., Levin J.* A Hegelian realist constructivist account of war, identity, and state formation // *Journal of International Relations and Development*. 2018. Vol. 21. No. 1. P. 75–100.
- Marks M.P.* Metaphors in international relations theory. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 262 p.
- Mearsheimer J.J.* The Tragedy of Great Power Politics. New York–London: W. W. Norton & Company, 2001. 562 p.
- Mitzen J.* Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma // *European Journal of International Relations*. 2006. Vol. 12. No. 3. P. 341–370.
- Neufeld M.A.* The restructuring of international relations theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 174 p.
- Neumann I.B.* Beware of organicism: the narrative self of the state // *Review of International Studies*. 2004. Vol. 30. No. 2. P. 259–267.
- Onuf N.* World of our making: Rules and rule in social theory and international relations. Columbia: University of South Carolina, 1989. 341 p.
- Ringmar E.* On the ontological status of the state // *European Journal of International Relations*. 1996. Vol. 2. No. 4. P. 439–466.
- Schiff J.* 'Real'? As if! Critical reflections on state personhood // *Review of International Studies*. 2008. Vol. 34. No. 2. P. 363–377.
- Skinner Q.* Hobbes and Republican Liberty. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 245 p.
- Smith S.B.* Hegel's Views on War, the State, and International Relations // *American Political Science Review*. 1983. Vol. 77. No. 3. P. 624–632.
- Spragens T.A.* The politics of motion: the world of Thomas Hobbes. Lexington: University Press of Kentucky, 1973. 224 p.
- Tuck R.* The rights of war and peace: political thought and the international order from Grotius to Kant. Oxford: Oxford University Press, 2002. 256 p.
- Vincent A.* The Hegelian state and International politics // *Review of International Studies*. 1983. Vol. 9. No. 3. P. 191–205.
- Waltz K.N.* Theory of International Politics. Long Rove: Waveland Press, 2001. 252 p.
- Wendt A.* How not to argue against state personhood: A reply to Lomas // *Review of International Studies*. 2005. Vol. 31. No. 2. P. 357–360.
- Wendt A.* Social theory of international politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 448 p.
- Wendt A.* The state as person in international theory // *Review of international Studies*. 2004. Vol. 30. No. 2. P. 289–316.
- Wight C.* Agents, structures and international relations: politics as ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 360 p.
- Wight M.* International Theory: Three Traditions. New York: Holmes & Meier, 1992. 286 p.
- Williams M.C.* Hobbes and international relations: a reconsideration // *International Organization*. 1996. Vol. 50. No. 2. P. 213–236.
- Yurdusev N.A.* Thomas Hobbes and international relations: from realism to rationalism // *Australian Journal of International Affairs*. 2006. Vol. 60. No. 2. P. 305–321.

ANTHROPOMORPHIZING THE STATE IN IR THEORY WHAT IS AT STAKE?

IVAN LOSHKARIOV

MGIMO–University, 119454, Moscow, Russia

Abstract

There are several problems in the modern theory of international relations that are difficult to solve, but the very existence of which leads to a certain demarcation of possible and received knowledge. These phenomena include the problem of ‘anthropomorphizing’, which is an attribution or an identification of certain human characteristics with complex social actors, including, above all, states. This research technique is often not limited to the use of any figures of speech and serves to ascertain the ontological and epistemological foundations for further theorizing. The purpose of this article is to systematize the existing approaches to ‘anthropomorphizing’ and put forward further directions for understanding this theoretical problem. The author reconstructs the three main traditions of ‘anthropomorphizing’ – back to the works of Hugo Grotius, Thomas Hobbes and Georg Hegel. Each tradition has both a certain understanding as regards the meaning of this research technique and ontological along with epistemological consequences, which implicitly affect the result obtained. The tradition of Hugo Grotius is distinguished by a metaphorical understanding of ‘anthropomorphizing’ associated with a peculiar perception of the rights and freedoms of the individual. On the contrary, the tradition of Thomas Hobbes considers the internal characteristics of the state in comparison with a person while similarities are used to raise new research questions. Finally, the last tradition arose under the influence of Georg Hegel. It connects the problem of ‘anthropomorphizing’ with the processes of external communication of states. The article provides an orderly interpretation of ontological and epistemological consequences as well as the traditions that are linked to existing theoretical schools (as much as possible). The author analyzes the synthesis of several traditions of ‘anthropomorphizing’ presented by constructivist Alexander Wendt. The emerging tradition of ‘anthropomorphizing’ is aimed at clearly defining its own epistemological and ontological foundations while raising the theoretical status of ‘humanization’ itself. As a result, the article concludes on the possibility, limitations and prospects of revisiting and more actively using the concept of ‘anthropomorphizing’ in reflectivist and neopositivist methodologies, as well as the likelihood of hybrid versions of the three main research traditions.

Keywords:

anthropomorphizing; communication; individual; theory of international relations; social ontology

References

- (1866). *International Policy. Essays on the foreign policy of England*. London: Chapman and Hall. 636 p.
- Abulof U. (2015). The malpractice of “rationality” in international relations. *Rationality and Society*. Vol. 27. No. 3. P. 358–384.
- Alekseeva T.A. (2017). Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij v zerkalah “nauchnykh kartin mira”: chtoda/she? [IR Theory Through Lenses of Scientific World Pictures: What’s Next?] *Sravnitel’naja politika*. Vol. 8. No. 4. P. 30–41.
- Batalov E. Ya. (2018). *Antropologija mezhdunarodnykh otnoshenij* [The Anthropology of International Relations]. Moscow: Aspekt Press. 352 p.
- Beitz C.R. (1999). *Political theory and international relations*. Princeton: Princeton University Press. 264 p.
- Beyer A.C. (2017). *International Political Psychology: Explorations into a New Discipline*. London: Palgrave Macmillan. 207 p.
- Bilgin P. (2008). Thinking Past ‘Western’IR? *Third World Quarterly*. Vol. 29. No. 1. P. 5–23.
- Bull H. (1976). Martin Wight and the theory of international relations: the second Martin Wight Memorial Lecture. *Review of International Studies*. Vol. 2. No. 2. P. 101–116.

- Bull H. (1981). Hobbes and the international anarchy. *Social Research*. Vol. 48. No. 4. P. 717–738.
- Burns T. (2014). Hegel and global politics: Communitarianism or cosmopolitanism? *Journal of International Political Theory*. Vol. 10. No. 3. P. 325–344.
- Cutler A.C. (1991). The 'Grotian tradition' in international relations. *Review of International Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 41–65.
- Epstein C. (2011). Who speaks? Discourse, the subject and the study of identity in international politics. *European Journal of International Relations*. Vol. 17. No. 2. P. 327–350.
- Fel'dman D.M. (2014). Mirovaja politika vo vlasti toly? [World Politics in the Hands of Crowds]. *Vlast'*. No. 8. P. 28–32.
- Filippov A. F. (2009). Aktual'nost' filosofii Gobbssa. Stat'ja pervaja [Relevance of Thomas Hobbes' philosophy: article one]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 8. No. 3. P. 102–112.
- Fleming S. (2021). The two faces of personhood: Hobbes, corporate agency and the personality of the state. *European Journal of Political Theory*. Vol. 20. No. 1. P. 5–26.
- Friedrichs J., Kratochwil F. (2009). On acting and knowing: How pragmatism can advance international relations research and methodology. *International Organization*. Vol. 63. No. 4. P. 701–731.
- Gallarotti G. (2013). *The Enduring Importance of Hobbes in the Study of IR*. URL: <https://www.e-ir.info/2013/01/10/hobbes-is-still-extremely-relevant-for-the-study-of-ir-especially-the-cosmopolitan-hobbes/> (accessed: 25.04.2022).
- Gilpin R.G. (1984). The richness of the tradition of political realism. *International Organization*. Vol. 38. No. 2. P. 287–304.
- Grotius J. (1994). *O prave vojny i mira* [On Law of War and Peace]. Moscow: Ladomir. 868 p.
- Hegel G.V.F. (1959). *Sochinenija* [Writings]. Vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo social'no-jeekonomicheskoy literatury. 630 p.
- Hegel G.V.F. (1970). *Raboty raznyh let. V 2 tomah* [Works of different years]. Vol.1. Moscow: Institut filosofii AN SSSR; Mysl'. 668 p.
- Hegel G.V.F. (1990). *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Mysl'. 524 p.
- Hobbes T. (1991). *Sochinenija v dvuh tomah. Tom 1* [Writings in two volumes. Vol. 2]. Moscow: Institut filosofii AN SSSR; Mysl'. 713 p.
- Hooper C. (2001). *Manly States: masculinities, international relations, and gender politics*. New York: Columbia University Press. 393 p.
- Jackson P.T. (2004). Hegel's House, or 'People are states too'. *Review of International Studies*. Vol. 30. No. 2. P. 281–287.
- Jeffery R. (2006). *Hugo Grotius in international thought*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 228 p.
- Kahler M. (1998). Rationality in international relations. *International Organization*. Vol. 52. No. 4. P. 919–941.
- Kashyap S. (2022). *Tracing Hobbes in Realist International Relations Theory*. URL: <https://www.e-ir.info/2022/02/22/tracing-hobbes-in-realist-international-relations-theory/> (accessed: 25.04.2022).
- Kataev D.S., Fel'dman D.M. (2010). Chelovek v nauke o mirovoj politike [A human being in the science of world politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 6. P. 102–107.
- KHarkevich M. V. (2016). Formy publichnoy diplomatii i tipy gosudarstv [Forms of public diplomacy and types of states]. *Politika i obshchestvo*. No. 9. P. 1244–1255.
- KHudajkulova A., Neklyudov N. (2019). Kontseptsiya ontologicheskoy bezopasnosti v mezhdunarodno-politicheskom diskurse [Concept of Ontological Security in International Political Discourse]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 6 (69). P. 129–148.
- Kuznetsov A.M. (2013). Chelovek v mezhdunarodnyh otnoshenijah: dan' vremeni ili neobkhodimaja transformacija paradigmy? [A human being in international relations: the demand of time or the demanded transformation of science?] *Politicheskaja kontseptologiya*. No. 2. P. 218–229.
- Lerner A. B. (2021). What's it like to be a state? An argument for state consciousness. *International Theory*. Vol. 13. No. 2. P. 260–286.
- Linklater A. (1996). Hegel, the State and International Relations. In: Clark I., Neumann I. (eds.). *Classical Theories of International Relations*. London: Macmillan. P. 93–203.
- Lomas P. (2005). Anthropomorphism, personification and ethics: a reply to Alexander Wendt. *Review of International Studies*. Vol. 31. No. 2. P. 349–355.
- Mackay J., Levin J. (2018). A Hegelian realist constructivist account of war, identity, and state formation. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 21. No. 1. P. 75–100.
- Marks M.P. (2011). *Metaphors in international relations theory*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 262 p.
- Mearsheimer J.J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York–London: W. W. Norton & Company. 562 p.
- Mitzen J. (2006). Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma. *European Journal of International Relations*. Vol. 12. No. 3. P. 341–370.

- Neufeld M.A. (1995). *The restructuring of international relations theory*. Cambridge: Cambridge University Press. 174 p.
- Neumann I. B. (2004). Beware of organicism: the narrative self of the state. *Review of International Studies*. Vol. 30. No. 2. P. 259–267.
- Onuf N. (1989). *World of our making: Rules and rule in social theory and international relations*. Columbia: University of South Carolina. 341 p.
- Quine W.V. (2003). *S tochki zreniya logiki: 9 logiko-filosofskih ocherkov* [From the Point of Logic: Nine Logical and Philosophical Essays]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 166 p.
- Ringmar E. (1996). On the ontological status of the state. *European Journal of International Relations*. Vol. 2. No. 4. P. 439–466.
- Schiff J. (2008). 'Real'? As if! Critical reflections on state personhood. *Review of International Studies*. Vol. 34. No. 2. P. 363–377.
- Shmitt K. (2006). *Leviatan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbssa* [Leviathan in Hobbes's writings on state]. Moscow: Vladimir Dal. 300 p.
- Shtaus L. (2000). *Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu* [Introduction to political philosophy]. Moscow: Logos, Praksis. 364 p.
- Skinner Q. (2008). *Hobbes and Republican Liberty*. Cambridge: Cambridge University Press. 245 p.
- Smith S.B. (1983). Hegel's Views on War, the State, and International Relations. *American Political Science Review*. Vol. 77. No. 3. P. 624–632.
- Spragens T.A. (1973). *The politics of motion: the world of Thomas Hobbes*. Lexington: University Press of Kentucky. 224 p.
- Tuck R. (2002). *The rights of war and peace: political thought and the international order from Grotius to Kant*. Oxford: Oxford University Press. 256 p.
- Vincent A. (1983). The Hegelian state and International politics. *Review of International Studies*. Vol. 9. No. 3. P. 191–205.
- Waltz K.N. (2001). *Theory of International Politics*. Long Rove: Waveland Press. 252 p.
- Wendt A. (1999). *Social theory of international politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 448 p.
- Wendt A. (2004). The state as person in international theory. *Review of International Studies*. Vol. 30. No. 2. P. 289–316.
- Wendt A. (2005). How not to argue against state personhood: A reply to Lomas. *Review of International Studies*. Vol. 31. No. 2. P. 357–360.
- Wight C. (2006). *Agents, structures and international relations: politics as ontology*. Cambridge: Cambridge University Press. 360 p.
- Wight M. (1992). *International Theory: Three Traditions*. New York: Holmes & Meier. 286 p.
- Williams M. C. (1996). Hobbes and international relations: a reconsideration. *International Organization*. Vol. 50. No. 2. P. 213–236.
- Yurdusev N.A. (2006). Thomas Hobbes and international relations: from realism to rationalism. *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 60. No. 2. P. 305–321.

REALIST CONSTRUCTIVISM

A NEW PERSPECTIVE ON NORM THEORY

ANNE CROWLEY-VIGNEAU

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

University of Reading, Reading, RG6 6UR, United Kingdom

ANDREY BAYKOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

WILLIAM C. WOHLFORTH

Dartmouth College, Hanover, 03755, United States

Abstract

We contribute to the advancement of scholarship on realist constructivism by illustrating its potential to enrich norm theory and elucidate the role of states in shaping identities. The primary challenge in fully realizing the potential of realist constructivism lies in reconciling constructivists' perspectives on norms as carriers of universal ethical standards with realists' emphasis on their instrumental value for state interests. We address this contradiction by highlighting the existence of two distinct types of norms: individual and group norms. Individual norms are grounded in fundamental and inalienable human rights, exhibiting universality and resilience. In contrast, group norms primarily address collective rights and interests, rendering them more susceptible to instrumentalization by states and thus more contingent and changeable. Realist constructivism enables us to acknowledge the coexistence of both types of norms and analyze their interactions. Our framework is empirically tested using two norms concerning individual rights (the norm against anti-personnel landmines and the norm against torture), two norms related to group interests (the norm promoting the green energy transition and the norm of world-class universities), and one borderline case (the norm against genocide). We show that efforts to frame norms of the second category and to graft them onto the human rights discourse have yielded intriguing outcomes, legitimizing and empowering new principles of international governance. Conversely, the instrumentalization of norms from the first category to serve national interests can weaken them, leading to a loss of credibility on the international stage.

Keywords:

Realist constructivism; Barkin; norms; interests; universalism

Introduction

"The pursuit of the United States' own tribal interests is not the same thing as the realization of the universal liberal values that inform its own existence" [Sterling-Folker 2004: 342].

The idea that individuals perceive their own projects as universal lies at the core of a long-

standing debate regarding the diffusion and internalization of norms rooted in universal ethical principles in the global arena. Constructivists argue that such norms represent progress for humanity as a whole, while realists contend that norms are merely tools employed by powerful states to advance their interests

Acknowledgments: Our sincere Thank you goes to Igor Istomin and the anonymous reviewers for their fruitful comments that helped clarify the main argument of the paper.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2023

Дата принятия к публикации: 17.06.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: acrowleyvigneau@yahoo.fr

and maximize their power. Realist Constructivism, introduced by S. Barkin in the early 2000s, seeks to reconcile these two schools of thought [Barkin 2003] by offering a framework to comprehend the complexity of a world that appears inclined to embrace fundamental moral principles while still being governed by state interests.

However, the existing literature offers limited insights into how realist constructivism impacts norm theory and how to bridge the divide between realist and constructivist perspectives on the role of morality versus interests in norm development. Our objective is to address this gap by exploring the following research question: Can norms simultaneously reflect state interests and universal principles, and what are the consequences of their implementation?

To unravel this puzzle, we employ the theoretical framework of realist constructivism within norm theory, revealing the presence of two distinct categories of norms in the international system: individual norms and group norms. Individual norms are rooted in fundamental and inalienable human rights, exhibiting a universal character that transcends an individual's citizenship or ethnocultural identity. These norms tend to possess greater resilience over time. On the other hand, group norms predominantly focus on the rights and interests of social and cultural identity groups, often states or other cohesive political communities, and are more prone to instrumentalization by states, rendering them susceptible to contestation and erosion. Through an analysis of carefully selected international norms, we investigate how morality and state power interact to shape specific political outcomes, influencing the likelihood of a norm's survival. While realists primarily concentrate on norms of the group category, constructivists predominantly emphasize norms of the individual category. Realist constructivism, by examining both types of norms, provides a more comprehensive understanding of the international system, revealing that change emerges from the interplay and confrontation of ideational and material forces represented by interests, norms, and their situational combinations.

Our analysis focuses on five international norms: two pertaining to individual rights (the norm against anti-personnel landmines and the norm against torture), two related to group-based norms (the norm promoting the green energy transition and the norm for world-class universities), and one contentious case (the norm against genocide). Through these case studies, we illustrate the diverse nature of norms and offer novel insights into normative behavior in the international arena.

The paper begins with an examination of norm theory and a review of realist constructivism to establish the context and significance of the study. Subsequently, we discuss existing empirical studies employing this new paradigm, present or develop theoretical perspectives on norms, and apply them to the aforementioned case studies. The final section provides a summary of the findings and a discussion of their implications.

Norms for Constructivists

Realist scholars traditionally perceive norms as products of the interests of the most powerful states and do not believe that ethical norms impose constraints on states' behavior in the international arena [Mearsheimer 1994: 6]. Neoliberal thinkers, on the other hand, view norms as a means for facilitating collective action, aiming to minimize transaction costs and enhance interaction [Keohane 1984: 382]. In the constructivist literature, norms hold a significant position as they are considered to define social realities. Constructivists argue that norms are embedded within the social structure and shape the identities of actors [Wendt 1987: 335]. Social norms have been defined as "appropriate behavior for actors with a given identity" [Finnemore & Sikkink 1998: 891], and empirical studies have demonstrated the influence of norms in determining outcomes in world politics, highlighting the importance of intersubjective reality as distinct from objective and subjective realities [Hoffmann 2010: 2].

During the 1990s, scholars developed initial models to explain norm emergence and evolution, such as Nadelmann's evolutionary pattern [1990: 479–482], Sikkink and Finnemore's

norm life cycle [1998: 887], and the spiral model proposed by Risse, Ropp, and Sikkink [1999: 6]. Studies on norm dynamics have moved beyond the notion of a division of labor between constructivism, which focuses on how interests are formed, and realism, which examines how interests are exercised and influence state behavior [Legro 1996: 134-135]. Efforts to bridge the gap between constructivist and rationalist approaches to norms, and even to merge and synthesize them, have led to investigations into norm contestation, sabotage, decay, and decline [Wiener 2014: 1-15; Panke & Petersohn 2016: 3; Schneiker 2021: 106].

The debate between the logic of appropriateness and the logic of consequences [March & Olsen 1998: 951] reveals that constructivism has moved beyond the notion that moral considerations are the sole driver of norm creation, evolution, and internalization. Acknowledging that material interests (not just ideas) shape behavior suggests the potential for reconciliation between different paradigms. When actors determine the appropriate course of action, they weigh their own interests against the normative context. If conflicts arise, the final behavioral outcome depends on factors such as the level of internationalization of the norm, potential repercussions from norm violations, and the material consequences of adhering to the norm. Rational decision-making often plays a role in the calculation of whether to act normatively.

The literature remains divided, with constructivist studies focusing on compliance with norms and exploring successful cases of normative transformation transcending material interests, while contestation studies emphasize the continuous evolution and adaptation of norms in different contexts, overcoming opposition or succumbing to it. As noted by Hoffmann [2010: 9], compliance studies tend to focus on how actors react to external norms and socialization attempts, while contestation studies examine how communities of norm acceptors can alter the meaning of constitutive norms through their bounded interpretations and actions aligned with those interpretations.

Nevertheless, both perspectives recognize that norms aligned with national values and

interests are more likely to be adopted. When faced with a new international norm, states assess how they can interact with it and even modify it to their advantage [Hoffmann 2010: 9]. Norms can sometimes serve as justifications for state interests [Cortell & Davis 2005: 25], leading to the hypothesis that norms can be instrumentalized by states under certain conditions.

Constructivism is often associated with calls to incorporate ethics in the study of international relations and with attempts to explain global system change through a moral lens. Hoffmann questions whether "Constructivist Ethics" might be an oxymoron [Hoffmann 2009: 242]. International norms are seen as vehicles for human progress, aiming for an improved and more ethical world. However, the definition of what is considered moral remains unclear, and constructivist studies primarily focus on norms currently deemed universally "right" in principle and at present (e.g., human rights, environmental protection). Immoral behavior is always perceived as a norm violation rather than constituting the norm itself, regardless of its widespread occurrence. A search for the term "immoral norm" on Google Scholar yields no relevant results, suggesting the absence of such a notion. However, certain forms of unethical behavior can be so prevalent that they may be considered norms. Such norms would likely be viewed as amoral rather than immoral by those adhering to them. Similarly, past behavior that was globally accepted (such as slavery or torture) is not theorized as having constituted a norm (if anything it could at best be designated as an institution in the English school terminology), although it exhibited many characteristics of norms and was promoted by groups similar to Transnational Advocacy Networks.

In contrast, the realist school appears more pragmatic, highlighting that interests are not always moral but guide states' behavior on the international stage and carry more weight than ethical considerations. Realists argue that norms and institutions are created by powerful states and, although they may benefit less powerful states, they can be discarded by great powers if their interests demand it. As Mear-

sheimer [2018: 3] states, "Institutions are effectively rules that states themselves devise and agree to follow because they believe that obeying those rules is in their interest." However, norms cannot be solely reduced to sophisticated and effective instruments designed by states to promote their national interests while concealing their true motives. The constructivist assumption that identities are largely independent of states can also be contested. While the English School of International Relations initially attempted to bridge the gap between realist and constructivist positions, realist constructivism offers a more promising perspective for analyzing the ambivalence of normative agendas.

Initial Theorising of Realist Constructivism

The idea that International Relations meta- (or grand) theories (realism, liberalism, constructivism etc.) should be mutually exclusive was criticised, among others, by Samuel Barkin who argued that paradigmatic views "obscure both the compatibilities among different approaches and the complex ways in which they interrelate" [Barkin 2010: 2]. Although realism and constructivism are often placed at opposite ends of the spectrum, particularly in textbooks, scholars have argued that there is no equivalency between realism and constructivism as the latter is more often recognised as a methodology or an ontology. It is thus more appropriate to compare and oppose constructivism to materialism or rationalism [Katzenstein et al. 1998: 646].

The traditional association of liberalism with constructivism on the one hand and realism with materialism on the other has led to undermining the idea that realism and constructivism are compatible [Katzenstein et al. 1998: 646]. The benefits of reconciling the two approaches were characterised by a novel theorisation of realist constructivism in the 2000s, which analysed the progress that could be made in resolving common IR debates (agent-structure dialectic, social constraints and public interest) by overcoming paradigm-centric approaches [Barkin 2010: 13]. The apparent contradiction between normative change resulting from intersubjectivity and state power under condi-

tions of anarchy is the centrepiece for a constructive discussion on the influence and limitations of norms on international politics.

The nascent literature on realist constructivism served in the 2000s as a warning to mainstream constructivist scholars that they were falling into utopianism by studying successful cases of normative developments and neglecting power realities [Bucher 2007]. The distinction between 'realist constructivism' and 'constructivist realism' goes beyond semantic connotations as the first places an emphasis on constructivism, integrating elements of realism including the primary role of power in international relations, while the second considers realism which would give a place to norms and ideas in the power structure [Jackson & Nexon 2004: 338]. The attempt to reconcile realism and constructivism stems both from the need to ensure that material realities and power are not neglected in IR analysis and from the desire to infuse realism with moral considerations [Sterling-Folker 2004: 341].

While morality has a place in classical realism, the focus on power amongst realists has led to a Machiavellian streak questioning the place of ethics in international relations. The common ground with constructivism is that realists recognise human beings as social species who find their identity by living in a group [Sterling-Folker 2004: 342]. As pointed out by Richard Ned Lebow, realist constructivism can build on the perceptions of Thucydides, Carl von Clausewitz, and Hans Morgenthau, realists who believed that identities and values were more significant than external determinants [Lebow 2004: 346].

The notion of integrating constructivist norms into realist theory as a means to promote a more moral use of power remains a subject of controversy, as it assumes the universality of norms as carriers of political morality [Barkin 2003: 338]. Nevertheless, a potential compromise can be reached by accepting Kenneth Waltz's premise that power cannot be transcended in international politics [Waltz 1979: 116–128], while also recognizing the existence of multiple forms of power, including the power of conviction and moral authority [Risse et al. 1999: 7; Mattern 2004: 344].

However, the broad definition of power embraced by constructivists may undermine the analytical utility of the concept, as it risks encompassing all social interactions as manifestations of power [Barkin 2004: 350]. It is important to acknowledge that state interests can be socially constructed and extend beyond mere survival, indicating that the maximization of power cannot be considered an end in itself [Barkin 2020].

Realism and constructivism share a common ground in recognizing that states and leaders influence international politics by inspiring, causing, and implementing changes that impact the identity and preferences of various actors [Barkin 2020: 11]. This perspective combines the idea that uses of power and their purposes are agentive choices that shape outcomes, drawn from realism, and the notion that the institutional context for such choices is historically contingent, intersubjective, and subject to change, derived from constructivism [Barkin 2020: 11–12]. The focus of realist constructivism shifts towards understanding how states employ power to strengthen their position within the system and, consequently, alter the structure itself [Barkin 2020: 11–12].

While not explicitly referring to realist constructivism, other theoretical reviews argue in a similar vein, emphasizing the need to consider both material forces and ideas within a unified theoretical framework [Sorensen 2008: 5]. Sorensen advocates for an eclectic approach that combines neorealism and social constructivist perspectives to account for changes in statehood, highlighting the neglected influence of social forces on material outcomes [Sorensen 2008: 5–8]. The identity of states is seen as dependent on their interactions with other states as well as on internal socialization processes [Copeland 2000: 191].

In conclusion, realist constructivism emerges as a way to temper the enthusiasm surrounding norms and to underscore the significance of material considerations over ideational ones in certain cases. However, realist constructivism falls short of fully explaining the distinction between successful and unsuccessful norms. Building upon this framework, this

paper advances the notion that there exist different types of norms: those aligned with state interests, often created by states and subject to change, and those rooted in universal values, thereby exhibiting greater durability.

Empirical Studies of Realist Constructivism

Scholars have applied realist constructivism to analyze real-world cases, shedding light on the social dimensions of states and the conditions of their construction. Krebs and Jackson, for instance, conducted a study on political rhetoric, revealing the emergence of "coercive constructivism" and arguing that persuasion can be a form of constraint, posing theoretical challenges for constructivism [2007: 35]. Boyle's case study on Taiwan [2020: 73–100] explored how the country's identity formed under exceptional circumstances, highlighting the delicate balance struck in its communications with its citizens, China, and the USA. The multiplicity of discourses allowed Taiwan to maintain its existence, as declaring independence or unifying with China would jeopardize its statehood. The combination of realist and constructivist insights, particularly regarding survival and identity, helps explain the persistence of the status quo in this case.

Realist constructivism also offers insights into why the United States modified the non-proliferation regime by signing a Civilian Nuclear Agreement with India [Bano 2020: 101–122]. Despite India's history of breaking non-proliferation rules, the recognition that India would never relinquish its nuclear weapons led George W. Bush to accept India as a responsible nuclear power—an acceptance rooted in realist considerations. The United States emphasized the exceptional nature of the Indian case to prevent the weakening of non-proliferation norms. In this instance, both hard-line realist and hard-line constructivist positions would have undermined the non-proliferation treaty. Marginalizing nuclear states outside the Non-Proliferation Treaty or fully integrating them into the NPT would have weakened the norm.

A study on Turkey-EU relations during the 2016 migration crisis revealed significant con-

cessions made by the EU to Turkey, despite its previous criticism of Turkey's illiberal practices, to secure cooperation on managing the Aegean crossing [Martin 2019: 1349]. Realist constructivism was employed to explain how the EU was willing to compromise its liberal democratic principles to advance its material interests. This case exemplifies a fluid identity shaped by power dynamics and constraints. State identities are constructed based on a multitude of factors, including ideals, ethics, and material interests. This aligns with constructivist perspectives that emphasize the diffusion and internalization of norms based not only on the logic of appropriateness but also on the logic of consequences and the logic of habit [Risse et al. 1999: 13–16].

A realist constructivist perspective offers valuable insights into the India-Pakistan conflict by highlighting the interplay between power dynamics and identity factors. Rather than solely attributing the rivalry to power asymmetry (realist perspective) or endogenous questions of identity and religion (constructivist perspective), the combination of both aspects is essential [Michael 2018: 100–114]. This case demonstrates how power structures shape norms and identities, which in turn contribute to redefining power balances.

In examining US policy towards China, a realist constructivist lens brings out the attempt by the United States to use norms to ensure China's peaceful development and discourage military engagement [Wei 2020]. While constructivists emphasize the influence of liberal norms in socializing Beijing through dialogue and discourse, realists highlight the US's temporary position of power in the international system and its ability to influence China's behavior through the threat of repercussions.

Realist constructivism suggests that discourse can serve as a form of constraint, particularly when countries seek recognition in the international arena. In the China-US case, “coercive engagement” is seen as a goal-oriented strategy aimed at entrapping China, rather than a purely communicative approach [Wei 2020: 123]. This echoes the notion that “soft power isn't so soft” [Mattern 2005: 583;

Babayan 2016]. As Wei points out, realist constructivism uncovers the coercive language underlying the process in which engagement extracts pro-social behavior from Beijing, highlighting the contextually contingent nature of Chinese conformism [Wei 2020: 125]. Norms, while aiming for liberal and universal goals, can also be non-liberal and characterized by compulsion. However, the idea that the means justify the ends can lead to dangerous precedents and compromises to liberal principles.

An analysis of the practical consequences of the notion of co-constitution sheds light on the contradictions in Western countries' foreign policies, as exemplified by US relations with Latin America [Delacour 2020: 145]. The US support for the failed coup against a democratically elected government in Venezuela in 2002, and the departure from liberal norms it entailed, exposed tensions between social perceptions within the US and the government's foreign policy actions driven by material (realist) interests [Delacour 2020]. However, the US government could not deviate too far from public opinion and quickly distanced itself from the coup after the fact, aligning with the generally accepted normative discourse [Delacour 2020: 170]. This case reveals that governments may take liberties with international norms, supported by public opinion domestically, but eventually face the need to realign and bear the consequences of deviating too far from liberal principles. It provides evidence to support the claim that the US is internally liberal and realist in its foreign policy but also underscores the limits and potential double standards of this dual framework.

Realist constructivism has also been employed in the study of the norm of the responsibility to protect (R2P) in the international arena, demonstrating that while power politics and states' self-interest remain central to international security, the widespread recognition of human rights has led to changes in international customary law [Iancu 2020: 171]. The acknowledgment of individuals' rights has created exceptions to state sovereignty and, in certain cases, has justified military interventions.

Presentation of Two Normative Categories

This extensive body of literature suggests some potential for enriching norm theory with insights from realist constructivism. To realize this promise, it is imperative to move beyond the dichotomy that portrays norms as moral in the constructivist perspective and amoral in the realist perspective. Instead, we argue that an examination of different categories of norms with distinct characteristics is essential. This new perspective also helps to explain the existence of immoral norms that may have gained acceptance in the past but are currently vehemently rejected. We classify norms into two broad categories, as depicted in Table 1: norms on individuals and norms on groups. This distinction revolves around the inherent nature of the norms themselves and the specific issues they address, rather than a differentiation based on universalism versus particularism or the intended beneficiaries.

The first category primarily falls within the domain of constructivism and encompasses norms that focus on the rights of individuals. These norms include, for instance, the prohibition of torture, which condemns any act that infringes upon an individual's physical and mental integrity, as well as the norm advocating for the universal right to education, defined as the provision of free and compulsory primary education for all. Many of these individual-centric norms are enshrined in the Universal Declaration of Human Rights; however, their implementation and the resulting contestation surrounding them remain subjects of ongoing scrutiny from a constructivist perspective. Norms pertaining to individual identities and rights are universal in nature as they do not differentiate among individuals based on their national affiliations and affinities but instead recognize each person's primary identity as a human being. In this regard, constructivism shares a common focus on the individu-

al with liberalism, as both frameworks exhibit profound concerns for the rights of all individuals worldwide [Mearsheimer 2018: 5].

These norms, which safeguard the inalienable rights of individuals, possess a robust moral and ethical component, making their condemnation in principle highly unlikely. Few would openly argue that torture, for example, is an acceptable practice. Nevertheless, these norms face challenges in their implementation, particularly when they clash with other norms. Some individuals may seek to justify torture under specific circumstances, such as when interrogating terrorists who pose a threat to the safety of large groups of people. In such cases, a conflict arises between the rights of the individual and the rights of the community. Norms concerning individual rights are particularly vulnerable to attempts at differentiation among distinct groups of people and framing strategies aimed at dehumanizing certain individuals. Historical instances, like slavery, exemplify situations where human rights were not recognized due to the denial of slaves' humanity. For instance, the 1788 Constitution of the United States stated that any person who was not free would be counted as three-fifths of a free individual to determine congressional representation¹. Hence, human rights activists adamantly advocate for the universal preservation of human rights, irrespective of the circumstances and specificities of the individuals involved, rather than solely for the protection of those individuals².

The second category of norms is primarily concerned with the rights and interests of groups, whether they are communities or states, and is best understood within the realist paradigm of international relations. The concept of collective identity necessitates differentiation between groups, and in many instances, the process of state-building requires artificially creating shared characteristics among

¹ Slavery and the making of America. (2022) The U.S. Constitution, Article 1. Section 2. The "Three-Fifths Clause" Ratified 1788, Courtesy of National Archives, "Charters of Freedom" Exhibit. Retrieved on 25 May 2022 from <https://www.thirteen.org/wnet/slavery/experience/legal/docs2.html>.

² Hammarberg T. (2010) The prohibition of torture is absolute and no exceptions allowed, ever. Council of Europe. Retrieved on 25 May 2022 from https://www.coe.int/en/web/commissioner/blog/-/asset_publisher/xZ320PEoxOkq/content/the-prohibition-of-torture-is-absolute-and-no-exceptions-allowed-ever?_lang=en

individuals while deliberately distinguishing them from other communities. Practices such as facial scarring in African tribes or the promotion of national languages at the expense of local dialects, as observed in the French case, exemplify the ongoing efforts required to maintain a national identity [Hobsbawm 1996]. Norms pertaining to groups prevail when the criteria defining a community outweigh those defining us all as human beings. “Nationalism is built on the belief that the world is organized around discrete nations that have their own culture and are best served by having their own state so they can survive in the face of threats from the ‘other’” [Mearsheimer 2018: 21]. Norms concerning groups may focus on promoting the identities and interests of states. While states may opportunistically promote norms aligned with their interests, the likelihood of successfully creating, diffusing, and internalizing such norms by other communities is slim, as it requires long-term strategic planning and execution, which states often struggle to implement.

The potential risks of such initiatives backfiring also factor into a state's rational calculation when deciding whether to influence other nations in favor of initiatives that serve its own interests. The instrumentalization of norms for the promotion of state interests poses challenges, and the existing expert literature does not provide clear-cut cases of the successful utilization of new norms as soft power. Nevertheless, states frequently endorse the diffusion of norms they perceive as advantageous. Norms concerning groups are more likely to be driven by interests rather than ethical considerations, and they are also more susceptible to contestation compared to universal norms. It is worth noting that norms from the second category are often framed as norms from the first category as a strategic approach to increase their global acceptance. All international norms claim to be universal and beneficial for states that adhere to them. This is a condition *sine qua non* for their global diffusion and internationalization. Realists observe that even a universal norm typically benefits one side more than the other, leading to shifts in the balance of power.

There is no inherent contradiction between the realist and constructivist understandings of norms, their emergence, and their impact on the international system. Realist constructivism aids in comprehending that while certain norms concern individuals and possess universality, others are linked to the rights and interests of communities and states. The ability to determine the category to which a norm belongs can help predict its evolution and the degree of contestation it may encounter, as well as whether it is prone to regression and obsolescence or likely to gain resilience over time. These two types of norms coexist and interact, sometimes merging with each other, while in other cases, they may compete. Norms on individuals (category 1) and norms on groups (category 2) can come into conflict, creating tensions within the international system.

For instance, the individual norm regarding the environmental rights of future generations (which asserts the right of individuals to live in a clean environment) clashes with the group norm on economic development (which asserts the right of states to utilize resources for promoting economic growth). Although the norm in the first category appears more legitimate than the norm in the second category, it is weakened by the fact that it pertains to hypothetical individuals (future generations) rather than existing ones, and by the framing of the right to economic growth as both a developmental and human rights issue by states. Initially, the norm on economic growth was concerned with states' right to develop their wealth and ensure their security, but it was subsequently merged by developing countries with the norm of human rights to an adequate standard of living, giving it a significant boost.

Another example is the conflict between the norm of preserving peace embodied by the “conscientious objectors” movement and the norm of defending national territory. States, as entities, prioritize self-preservation, and national governments often take strong measures to suppress attempts to avoid fulfilling the “military duty” of protecting the state's territory. However, global movements advocating for peace in the postmodern era increasingly emphasize the wastefulness of human lives

Table 1
Contrasting Norms on individuals and Norms on groups

	Norms on individuals	Norms on groups
Level of acceptance	Universal	Local, national, regional
Description	Based on the common rights of all human beings globally	Based on the political differentiation between groups
Theoretical Framework	Constructivism, liberalism	Realism, marxism (in the case of socioeconomic transnational groups)
Contestation	Limited	Widespread
Moral underpinning	High	Low
Conflicting norms	Norm of 'conscientious objectors'	Norm of defending the national territory
	Norm on the environmental rights of future generations	Norm on economic growth

even in defensive battles, and the need to move away from state-centric identities. These cases of normative conflicts reveal that although norms on individuals enjoy greater legitimacy, norms on groups can supersede them, particularly in matters related to state survival.

Overview of five norms

This section adopts a realist constructivist perspective to examine five international norms: two related to the rights of individuals (norm on anti-personnel landmines and norm on banning torture), two belonging to the category of norms on groups (norm on the green energy transition and norm on world-class universities), and one borderline case (norm against genocide). The selection of these cases serves multiple purposes: to illustrate the theoretical model using clear-cut examples from each category (norm on anti-personnel landmines, norm on the green transition), to test the model by considering cases involving strong contestation or less recognized norms (norm on banning torture and norm on world-class universities), and to challenge the model using a borderline case associated with one category but sharing features of another (the norm against genocide).

The first four norms were chosen because they are typically representative of each respective category, while the last norm represents a “difficult case” aiming to test the wider applicability of the theoretical framework. These norms were also selected from the existing literature, ensuring that they have already

been widely recognized as norms, as the focus of this paper is on the evolution of norms within different categories, rather than determining whether a specific phenomenon qualifies as a norm or not.

To analyze these concrete cases, secondary sources and primary materials from previous research are utilized. This approach demonstrates how the dual theoretical framework presented in this article generates novel insights into normative behavior in the international arena. The findings also illuminate how realist constructivism offers a better explanation for the evolution of these five norms compared to other paradigms.

The norm on anti-personnel landmines

The norm on anti-personnel landmines is categorized as a norm on individuals because it primarily pertains to the rights of each and every person, specifically the right to physical integrity. Although arms control norms generally fall under the category of norms on groups, the norm on anti-personnel landmines was framed as a humanitarian issue and linked to the established norm on human rights.

What sets landmines apart from other conventional armaments is their characteristics as lethal autonomous weapon systems. Their operational failures can have severe consequences as they lack adaptability to new circumstances. Landmines also lack empathy and disrupt the traditional line of military command, leading to challenges in attribution and accountability. Additionally, landmines were

designed to maim rather than kill, further distinguishing them from other weapons.

While in the past it was considered more advantageous in combat to harm rather than kill enemy soldiers due to the resource burden it imposed on the opponent, the main uses of landmines in combat zones, such as guarding key infrastructure, have been replaced by high-tech detection devices. The widespread use of landmines in internal conflicts, their indiscriminate nature, and the persistent threat they pose even after hostilities end have diminished their credibility as weapons of war. Evidence that 85% of landmine casualties affect civilians, including children, and the advocacy campaigns led by over 300,000 survivors contributed to a strong popular mobilization against their production and use. The International Campaign to Ban Landmines, initiated in 1992 by six NGOs and later expanding to a network of over a hundred countries, played a crucial role [Rutherford 2000: 74–78].

The public pressure resulted in the adoption of the Ottawa Treaty in 1997, which prohibits the use, stockpiling, production, and transfer of anti-personnel landmines, as well as the destruction of existing stockpiles and demining of affected areas. Currently, 161 states are party to the treaty, and 28 states have completed mine-clearance programs. However, public awareness and mobilization were not the sole factors that led to the ban. The diminishing interest of powerful states in using landmines due to their reduced combat effectiveness and their representation as an indiscriminate and particularly cruel form of autonomous weapon threatening human rights also played significant roles. Military experts highlighted the costliness of deploying and maintaining landmines, their ineffectiveness against modern tankers, and their historical inability to win battles or protect infrastructure [Harland 2008: 242].

Realist constructivism elucidates how two parallel processes—the waning interest of powerful states in utilizing landmines and the portrayal of landmines as separate, indiscriminate, and exceptionally cruel autonomous weapons threatening human rights—made their stigmatization and eventual ban possible. Techno-

logical advancements and the potential for lethal autonomous weapons systems to discriminate between combatants and civilians would not make landmines more acceptable, as the core belief underlying the norm is that decisions regarding life and death on the battlefield should always and fundamentally be made by humans only. The norm against landmines may face further challenges if these weapons regain strategic utility on the battlefield, but the underlying principle of the norm, that inflicting death or injury on another human being requires a value-based judgment, is likely to remain deeply ingrained in the public conscience. However, the fact that major world powers such as the U.S., Russia, China, and India have not signed the Convention suggests an ongoing threat to the consolidation of the norm. Norm contestation, such as the use of landmines in combat, does not necessarily result in norm reversal, and if condemned by a majority of states on the international stage, it could even strengthen the robustness of the norm, as noted by Deitelhoff and Zimmermann [2019].

The analysis of landmines within the framework of the first category of norms on individuals reveals that the strength of this norm is linked to its moral value and anchoring in basic human rights, while the threats it faces are proportional to the utility of landmines on the battlefield. This case suggests that individually, realism and constructivism do not allow for a complete appreciation of the evolution of this norm, as both its emergence and its endurance depend on a combination of ideational and material factors.

The norm on banning torture

The norm prohibiting torture serves as a prime example of the first-category norm, focused on the prohibition of inflicting bodily harm. It emerged in tandem with the recognition of universal rights, and by the year 2000, the International Covenant on Civil and Political Rights boasted 147 signatories who acknowledged this prohibition against torture. The U.S. government strongly advocated for this treaty and emphasized that there could be no exceptions to this ban [Committee Against

Torture 2000]. Instances of violations against this norm worldwide were typically met with denial on the offender's part and condemnation from the global community.

From a constructivist standpoint, the ascension of this norm represents a classic success story, attesting to the capacity of norms to influence state conduct [McKeown 2009: 7]. In contrast, realism argues that the costs of prohibiting torture were relatively low for the majority of states, as their security did not critically hinge on the interrogation of individuals. However, in the 2000s, the U.S.-initiated 'war on terror' posed a significant challenge to this norm, and the torture of suspected terrorists became increasingly commonplace [McKeown 2009: 5]. While officials of the Bush administration denied the use of torture, their actions suggested an awareness that their methods were deserving of condemnation, and efforts to amend the legal framework surrounding torture posed a real threat to the norm.

The 2002 Bybee memorandum paved the way for the utilization of special interrogation techniques and a debased, essentially meaningless definition of torture [Koh 2004: 646]. Attempts to erode the taboo surrounding torture proved effective, as public opinion polls in the United States indicated that the majority of the population believed that torture was justified after the events of 9/11 [Gronke et al. 2010: 437]. The regression of the ban on torture in the U.S. had a mixed impact on this international norm globally. While some nations condemned the rehabilitation of torture by the U.S., others used it as a justification for their own transgressions. In total, approximately 54 states cooperated to some extent with the CIA's interrogation program, suggesting that disregard for the torture ban extended beyond the U.S., as it was actively diffused by the American government, functioning in this instance **as a norm entrepreneur** [Singh 2013: 8].

Nonetheless, a global analysis of compliance indicates that, even though U.S. violations served as a pretext to legitimize some countries' abusive practices, the use of torture by states did not increase globally after 2000 [Schmidt & Sikkink 2019: 113]. The initial diffusion and subsequent challenge to the norm prohibiting torture can be best comprehended through the lens of realist constructivism. Torture evolved into a taboo through collective efforts to protect individual rights and physical integrity but faced challenges due to the security concerns of a powerful state. Even constructivist scholars acknowledge that there exist 'circumstances under which powerful states can shape the robustness of global norms' [Schmidt & Sikkink 2019: 105].

The external shock of 9/11 precipitated a temporary weakening of the norm within the United States, which is now displaying indications of recuperation, particularly in the rhetoric of the American Presidency³. While the U.S. government has initiated a comprehensive review of the illicit practices of the 2000s, the primary arguments presented against torture essentially retain their realist nature and are grounded in the belief that torture should be prohibited because it fails to effectively mitigate risk or danger. The Senate Select Committee on Intelligence's Report [2014: xi] stresses that "The CIA's use of its enhanced interrogation techniques was not an effective means of acquiring intelligence or gaining cooperation from detainees" and further asserts that: The CIA's justification for the use of enhanced interrogation techniques rested on inaccurate claims of their effectiveness" [2014: xi]⁴. Implicitly, it suggests that if torture were indeed effective, it might be justified in the name of safeguarding the security of the majority.

However, the resilience of the ban on torture, as evidenced by its sustained adherence on a global scale despite U.S. contestation,

³ Biden J. (2021) Statement by President Joseph R. Biden, Jr. on International Day in Support of Victims of Torture. Retrieved on 26.05.2021 from <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/26/statement-by-president-joseph-r-biden-jr-on-international-day-in-support-of-victims-of-torture/>

⁴ Report of the Senate Select Committee on Intelligence. (2014). Committee Study of the CIA's Detention and Interrogation Program. Accessed on 16/09/2022 at <https://www.intelligence.senate.gov/sites/default/files/publications/CRPT-113srpt288.pdf>

underscores that efforts to portray it primarily as a matter of national security are unlikely to succeed or garner broader support. The unwavering and continual public focus on human rights abuses in Guantanamo reflects a robust public stance against torture, both within the United States and internationally.

The norm on the transition to clean energy

Environmental protection has been conceptualized as an international regime comprising multiple norms, one of which is directed towards the mitigation of CO₂ emissions to combat climate change [Ross 1998: 809; Nagtzaam 2009]. The transition to clean energy has emerged as an international norm, characterized as a widely accepted standard of appropriate behavior. This norm gained global prominence as states recognized the necessity of a comprehensive approach, given that the progress achieved by some countries could be negated by the inaction of others [Dubé et al. 2014: 201].

During the 2000s, this norm experienced a cascade effect and found formal expression through various international agreements, including the 2015 Paris Agreement and the 2030 Agenda for Sustainable Development, which brought together over two hundred nations to establish goals for mitigating global warming [Banister 2019: 565; Toganova 2016]. The overarching objective is to expedite the development of renewable energy sources to reduce carbon dioxide emissions and combat climate change. While advancements are being made in technology to make fossil fuel production and usage cleaner, the transition to green energy is more commonly associated with breakthroughs in the renewable energy sector, including advancements in solar energy storage [Gallo et al. 2016: 813]. This transition is also conceptualized as a global, just, and participatory endeavor [Fuso Nerini et al. 2018: 10], enabling transnational advocacy networks to employ various framing techniques.

This case aligns with the category of norms pertaining to collective action, as the decision to shift away from fossil fuels toward cleaner energy sources primarily hinges on governmental decision-making and is not directly

tied to human rights, unlike some other environmental issues such as waste management. Despite its wide dissemination and institutionalization, the norm promoting clean energy remains largely unimplemented, with many governments merely paying lip service to climate change concerns. Only a few countries are willing to compromise their economic development by prioritizing renewable energy. This norm on clean energy aligns with the transition agenda championed by the European Union and several other predominantly Western nations. While this norm guides the energy policy agenda in the West, it lacks the universal acceptance of norms rooted in human rights principles. Attempts to graft the clean energy norm onto the rights of future generations to a safe environment have encountered numerous obstacles, including uncertainties fueled by climate skepticism, apocalyptic determinism, and more immediate economic and political priorities [Castrejon-Campos et al. 2020: 2–3]. The international norm promoting clean energy comes into conflict with other robust norms, such as the right of countries to utilize fossil fuels for economic development and the well-being of their population: “These contradictory scripts call into question the uniformly beneficial impact of the world polity on the natural environment” [Henderson 2019: 393].

The constructivist perspective provides valuable insights into the emergence of the norm but falls short in explaining its sluggish adoption in other regions of the world. Conversely, the realist perspective can highlight the material advantages that EU countries stand to gain in the long term by transitioning away from fossil fuels, particularly in terms of energy independence. A realist constructivist approach suggests that the norm's success depends on both the backing of influential states and the mobilization of the global community, thus offering a comprehensive interpretative framework. Despite efforts to frame the norm in moral terms, the underlying moral considerations remain underdeveloped.

The norm, given its short-term potential threat to the well-being of entire national communities, is likely to remain limited to a select number of developed countries. These coun-

tries have the financial capability to support the transition and also stand to materially benefit from developing their domestic energy sources while reducing their dependence on imports.

The norm pertaining to a clean energy transition falls within the second category of norms, implying that its global implementation will likely become feasible only when technological advancements make the use of renewables more economically advantageous than fossil fuels.

The norm on world-class universities

The emergence of the norm advocating the establishment of world-class universities⁵, which originated in the United States and the United Kingdom after World War II, implies that all nations should develop universities of a specific caliber capable of competing globally [Crowley-Vigneau et al. 2022: 4, Altbach 2003]. This norm, centered on world-class universities, falls into the second category of norms as it does not directly address human rights but rather views education as an economic and, to some extent, national endeavor rather than an individual's inherent right to learn. World-class universities are characterized as international, research-focused institutions with a stakeholder-oriented approach, capable of attracting talent and driving their country's economic progress [Salmi 2009: 17].

The norm proliferated rapidly during the 1990s and 2000s, with governments worldwide making substantial investments in initiatives aimed at enhancing excellence in higher education to elevate the global standing of their most promising universities [Escher & Aebischer 2018: 37]. The norm reached a tipping point in the late 2000s when the World Bank actively advocated for the establishment of world-class universities in developing nations as a means to foster their economic development. The World Bank released several manuals containing recommendations on how governments could support their higher educa-

tion systems to compete globally (e.g., "The Challenge of Establishing World-Class Universities" by Salmi 2009).

However, the norm is currently encountering resistance in Eastern Europe, Africa, and Asia, alongside its solid internalization in the Western world. The core principles underpinning this norm, notably elitism, the predominant use of English, the marginalization of the humanities, the promotion of Western values, the corporatization of universities, and their evaluation by Western ranking agencies, face strong criticism from countries that had previously embraced the norm [e.g., Guo et al. 2021; Maesse 2017]. The idea of the norm's universality is being rejected, with several states accusing the West of using education to advance their economic interests, leading to brain drain and significant financial outflows toward Anglo-Saxon countries. This has resulted in a misalignment between national higher education systems and the needs of local economies. For instance, while China had previously fervently pursued excellence in higher education initiatives and emphasized the development of leading universities, it has recently shifted its policy focus toward supporting local demands and promoting the Chinese language and culture [Yang et al. 2021: 429–430].

From a constructivist perspective, the norm's objective is to enhance global higher education and research, facilitating the exchange of best practices among universities and fostering fair competition, all while contributing to the economic development of developing nations. On the other hand, a realist viewpoint would emphasize how beneficial the norm has been for the US, UK, and other Western countries. They have been able to establish and dominate the framework while reaping substantial financial rewards from their top positions in global university rankings. However, neither perspective in isolation can fully elucidate why many major states initially embraced the norm but later rejected it.

⁵ The endeavor to create world-class universities has acquired a normative status with many governments and higher education institutions striving to adopt this 'standard of appropriate behavior' (Crowley-Vigneau et al. 2022: 4).

A realist constructivist framework provides a more comprehensive understanding, revealing that a norm may thrive when it is perceived as universal but loses credibility when instrumentalized for narrow interests. This framework also suggests that, since the norm of world-class universities is not firmly rooted in universally accepted values that directly impact individual rights, it remains susceptible to challenges from competing norms that promote different values and organizational principles, such as national sovereignty.

The norm on the prohibition of genocide

The selection of the norm regarding genocide presents a unique challenge: it is commonly perceived as a norm pertaining to groups due to its association with the persecution of a significant number of people. However, unexpectedly, the taboo surrounding genocide seems to be rapidly solidifying on the international stage. Given this apparent contradiction, we raise questions about whether the norm prohibiting genocide is genuinely a group-related norm. Furthermore, we underscore that the prevention of genocide is not without controversy.

The first argument posits that the most effective means of categorizing a norm (whether it pertains to individuals or groups) does not involve merely quantifying the number of people affected by it but rather entails an examination of its underlying principles. Genocide, as per Article II of the 1948 Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, can be defined as acts committed with the intent to deliberately kill a substantial number of people and annihilate their national, ethnic, racial, or religious group. The norm's acceptance, in principle, appears to be universal, with no states or groups asserting that the categorical prohibition of exterminating a group based on shared beliefs can be justified. Similarly, the norm possesses a strong moral foundation and is rooted in the natural rights of all human beings globally. All these attributes align with norms pertaining to individuals, leading to the postulate that while the global attention to genocide is often drawn by the number of people affected, making it

appear as a norm pertaining to groups, the prohibition of genocide primarily concerns the rights of the individuals who constitute that group. The international community's primary concern is each individual's right to exist and choose their ethnic, national, or religious identity.

The 1948 Convention, by designating genocide as a *jus cogens* prohibition, places it in the same category as aggression, crimes against humanity, war crimes, piracy, slavery, and torture. All of these norms are fundamentally concerned with the human rights of individuals. Additionally, the Convention underscores a universal responsibility to prevent genocides, recognizing that they 'endanger the fundamental interests of the international community' [Verhoeven & Wouters 2005: 403]. The universal impact of genocide suggests that each individual is personally affected by the persecution of a person for their characteristics, irrespective of whether these characteristics are shared with a group or not. The primary focus of the norm prohibiting genocide is not the political differentiation between groups but the rights of individuals, as evidenced by the exclusion of political groups from the Convention's definition of genocide. Furthermore, a review of attempts to mobilize the international community reveals that the norm against genocide is frequently and effectively linked to the well-established norm of universal human rights [e.g., Duncan 2007; Budabin 2015], and NGOs specializing in individuals' rights (such as Aegis Trust, Human Rights Watch, Amnesty International) are the primary actors monitoring claims of genocide. In summary, categorizing the norm prohibiting genocide as pertaining to individuals may be justified.

The second argument challenges the notion that the norm against genocide is uncontested, especially in its application. The initial reluctance of a significant number of national governments, including Western countries such as the UK and Australia, to sign the Convention, along with the challenges in determining whether genocide is occurring [Smith 2014: 247], divulges the difficulties encountered when mobilizing states to prevent genocides. National interests of states can also introduce

bias into assessments, as exemplified by the UK's reluctance to thoroughly investigate reports of genocide in Biafra [O'Sullivan 2014: 311]. While the British eventually yielded to requests to establish an observer team, their report was heavily criticized for lacking objectivity and seemingly serving the purpose of justifying the UK's support for the Nigerian government. The UK responded to pressures "to take action that it viewed as inimical to its interests (such as imposing an arms embargo on the FMG), and thus it needed specifically to rebut the claims of genocide to relieve the pressure" [Smith 2014: 248].

Indeed, condemning acts as genocide necessitates assessing not only the objective situation on the ground but also the intentions of the perpetrator, often a state. Conflicting narratives, such as 'ethnic war' versus genocide, reveal that differences in the material interests of states can lead to changes in framing [Hammond 2018: 434] and potentially the instrumentalization of the norm against genocide, which could weaken it further. Once again, the evolution of this norm is best explained by a realist constructivist perspective, which elucidates why the norm gained prominence but also why it remains challenged due to the interests of powerful states. This borderline case is better understood when categorized as a norm on individuals rather than a norm on groups, suggesting that the prohibition of genocide will continue to solidify over time, despite its significant clash with the norm of state sovereignty.

In summary, these cases demonstrate that a dual perspective, such as realist constructivism, is more effective in explaining changes in the international system than single paradigms. The findings also affirm that norms concerning individual identities and rights, because of their universality, possess greater resilience, whereas norms focusing on groups are not universal and are more likely to face challenges as they represent (or are perceived as promoting) the national interests of a select number of countries.

The norm against landmines is fundamentally a norm aimed at protecting individuals, and it faces minimal risk of being discarded,

given the technological advancements that have rendered landmines obsolete. The norm against torture, according to the realist constructivist framework, should eventually overcome infringements like those by the US, as it is strongly linked to the norm of human rights. In contrast, the norm promoting the green energy transition, despite the attention it has garnered, remains fragile due to its potential adverse effects on the economies of both developing and developed countries. It is also criticized for being politically motivated by Western powers. The norm promoting world-class universities is another norm pertaining to groups that spreads rapidly but remains highly vulnerable because it lacks a foundation in individual and universal values. Identity-based controversies cannot be overlooked in the endeavor to establish universities following a distinctly Western model.

An analysis of the characteristics of the genocide taboo reveals that, possibly counter-intuitively, it is a norm primarily focused on individuals. This perspective emphasizes that the norm is concerned with the rights of individuals who comprise a group, rather than emphasizing the collective rights of the group itself. Viewing the genocide taboo as a norm centered on individuals suggests that it possesses robustness because it is rooted in fundamental human rights. However, this does not eliminate the numerous operational challenges involved in preventing genocide from occurring in practice.

It is important to clarify that we are not asserting that norms related to groups are better explained by realism and norms related to individuals are better explained by constructivism. Instead, we argue that comprehending the evolution of each of these norms requires a multifaceted perspective. The categories outlined in this paper provide insights into the durability of norms based on their inherent characteristics, with norms centered on individuals exhibiting more enduring features than norms focused on groups.

Conclusion

Our analysis of realist constructivism has demonstrated how this approach can enrich

norm theory by elucidating the roles that states and power/interest considerations play in shaping identities. We have reconciled the seemingly conflicting perspectives that construe norms as inherently moral according to constructivists and as devoid of morality according to realists. In doing so, we have proposed the existence of two fundamentally distinct categories of norms: norms centered on individuals and norms focused on groups.

Norms of the first category are firmly rooted in fundamental individual rights, making them both universal and highly resilient. Norms of the second category, on the other hand, primarily concern the rights and interests of groups and are susceptible to instrumentalization by states, which jeopardizes their longevity. While realists tend to emphasize norms of the second category, constructivists prioritize those of the first category. This paradigmatic dichotomy fractures the representation of norms in the international system. Realist con-

structivism enables scholars to recognize the existence of both types of norms and explore how they interact.

Efforts to reframe norms of the second category and integrate them with human rights have yielded intriguing outcomes, legitimizing and empowering new principles. Conversely, the instrumentalization of norms from the first category to serve national interests can weaken them.

Our examination of five international norms using the realist constructivist framework—two related to the rights of individuals (the norm on anti-personnel landmines and the norm on banning torture), two belonging to the category of norms on groups (the norm on the green transition and the norm on world-class universities), and one representing a borderline case (the norm against genocide)—has allowed us to test this theoretical framework and offer fresh insights into the resilience and future development prospects of these norms.

References

- Altbach P. (2003). The costs and benefits of world-class universities. *International higher education*. (33) <https://doi.org/10.6017/ihe.2003.33.7381>
- Babayan D. (2016). 'Soft Power' and 'Hard Weakness' in Chinese-Mongolian Relations, *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 14. No. 4. P. 99–105. In Russian: "Мягкая сила" и "жесткая слабость" в китайско-монгольских отношениях.
- Banister D. (2019). The climate crisis and transport. *Transport Reviews*. Vol. 39. No. 5. P. 565–568.
- Bano S. (2020). The India–US Nuclear Deal: Norms of Power and the Power of Norms. *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*, Chap. 5 (101–122).
- Barkin J.S. (2003). Realist constructivism. *International Studies Review*. Vol. 5. No. 3. P. 325–342.
- Barkin J.S. (2004). Realist constructivism and realist-constructivisms. *International Studies Review*. Vol. 6. No. 2. P. 348–352.
- Barkin J.S. (2010). *Realist Constructivism: Rethinking International Relation Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Barkin J.S. (Ed.). (2020). *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. Policy Press.
- Bode I., Huelss H. (2018) Autonomous Weapons Systems and Changing Norms in International Relations. *Review of International Studies*. Vol. 44. No. 3. P. 393–413.
- Boyle M. (2020). Huadu: A Realist Constructivist Account of Taiwan's Anomalous Status. *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. Bristol University Press. P. 73–100.
- Bucher B. (2007). The false promise of constructivist optimism. In *Standing Group on International Relations (ECPR)'s Sixth Pan-European Conference on International Relations, Making Sense of a Pluralist World*, University of Turin, Italy.
- Budabin A.C. (2015). Celebrities as norm entrepreneurs in international politics: Mia Farrow and the 'Genocide Olympics' campaign. *Celebrity Studies*. Vol. 6. No. 4. P. 399–413.
- Carpenter R.C. (2014). *Lost Causes. Agenda Vetting in Global Issue Networks and the Shaping of Human Security*. Ithaca: Cornell University Press, 234.
- Castrejon-Campos, O., Aye, L., Hui, F.K.P. (2020). Making policy mixes more robust: An integrative and interdisciplinary approach for clean energy transitions. *Energy Research & Social Science*, volume 64. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101425>.

- Chengeta T. (2017). Defining the Emerging Notion of Meaningful Human Control in Weapon Systems. *Journal of International Law and Politics*. Vol. 49. No. 3. P. 833–890.
- Copeland D.C. (2000). The constructivist challenge to structural realism: a review essay. *International security*. Vol. 25. No. 2. P. 187–212.
- Cortell A., Davis J. (2005). When Norms Clash: International Norms, Domestic Practices, and Japan's Internalisation of the GATT/WTO. *Review of International Studies*. Vol. 31. No. 1. P. 3–25.
- Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y., Baykov A. (2022). World-class universities in Russia: a contested norm and its implementation. *Journal of Studies in International Education*. 27(3).
- Deitelhoff N., Zimmermann L. (2019). Norms under challenge: Unpacking the dynamics of norm robustness. *Journal of global security studies*. Vol. 4. No. 1. P. 2–17.
- Delacour J.O. (2020). Taking Co-constitution Seriously: Explaining an Ambiguous US Approach to Latin America. *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. Bristol University Press. P. 145–170.
- Dubé L., Addy N.A., Blouin C., Drager N. (2014). From policy coherence to 21st century convergence: a whole-of-society paradigm of human and economic development. *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 1331. No. 1. P. 201–215.
- Duncan F.J. (2007). *Framing African genocide: location, time and gender in the coverage of genocide in Rwanda and Sudan* (Doctoral dissertation, University of Missouri-Columbia) 104p.
- Escher G., Aebischer P. (2018). Pour des universités de rang mondial: Défis et chances des universités européennes au XXIe siècle. *Futuribles*. Vol. 424. No. 3. P. 37–45.
- Finnemore M., Sikkink K. (1998). International Norm Dynamics and Political Change. *International Organization*. Vol. 52. No. 4. P. 887–918.
- Gronke P., Rejali D., Drenguis D., Hicks J., Miller P., Nakayama B. (2010). US public opinion on torture, 2001–2009. *PS: political science & politics*. Vol. 43. No. 3. P. 437–444.
- Fuso Nerini F., J. Tomei L.S.T., Bisaga I., Parikh P., Black M., Borrión A., Spataru C., Broto V.C., Anandaraajah G., Milligan B. (2018). Mapping synergies and trade-offs between energy and the Sustainable Development Goals. *Nat. Energy* 3, 10–15. <https://doi.org/10.1038/s41560-017-0036-5>.
- Gallo A.B., Simões-Moreira J.R., Costa H.K. M., Santos M.M., Dos Santos E.M. (2016). Energy storage in the energy transition context: A technology review. *Renewable and sustainable energy review*. 65. P. 800–822.
- Guo Y., Guo S., Yochim L., & Liu X. (2022). Internationalization of Chinese higher education: Is it westernization?. *Journal of Studies in International Education*, No. 26(4). P. 436–453.
- Hammond P. (2018). When frames collide: 'Ethnic war' and 'genocide'. *Media, War & Conflict*. Vol. 11. No. 4. P. 434–445.
- Harland C. (2008). Anti-Personnel Landmines: Balancing Military Utility and the Humanitarian Cost. *Centre for Land Warfare Studies Journal*. P. 236–248.
- Henderson K.E. (2019). Contradictory governance norms within world society: energy development strategies, environmental protection, and carbon dioxide emissions. *Environmental Sociology*. Vol. 5. No. 4. P. 393–404.
- Hobsbawn E. (1996). Language, culture, and national identity. *Social research*. P. 1065–1080.
- Hoffmann M.J. (2009). Is constructivist ethics an oxymoron? *International Studies Review*. Vol. 11. No. 2. P. 231–252.
- Hoffmann M.J. (2010). Norms and social constructivism in international relations. In *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. P. 1–23.
- Iancu A. (2020). The Bridging Capacity of Realist Constructivism: The Normative Evolution of Human Security and the Responsibility to Protect. *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. 171 p.
- Jackson P.T., Nexon D.H. (2004). Constructivist realism or realist-constructivism? *International Studies Review*. Vol. 6. No. 2. P. 337–341.
- Katzenstein P.J., Keohane R.O., Krasner S.D. (1998). International organization and the study of world politics. *International organization*. Vol. 52. No. 4. P. 645–685.
- Keohane R.O. (1988). International institutions: Two approaches. *International studies quarterly*. Vol. 32. No. 4. P. 379–396.
- Koh H.H. (2004). A world without torture. *Colum. J. Transnational Law*, 43. P. 641–662.
- Krebs R.R., Jackson P.T. (2007). Twisting tongues and twisting arms: The power of political rhetoric. *European Journal of International Relations*. Vol. 13. No. 1. P. 35–66.
- Lebow R.N. (2004). Constructive realism. *International Studies Review*. Vol. 6. No. 2. P. 346–348.
- Legro J.W. (1996). Culture and preferences in the international cooperation two-step. *American Political Science Review*. Vol. 90. No. 1. P. 118–137.
- Maesse J. (2017) The elitism dispositif: hierarchization, discourses of excellence and organizational change in European economics. *Higher Education*. Vol. 73. No. 6. P. 909–927.

- March J.G., Olsen J.P. (1998) The Institutional Dynamics of International Political Orders. *International Organization*. Vol. 52. No. 4. P. 943–69.
- Martin N. (2019). From containment to realpolitik and back again: A realist constructivist analysis of Turkey–EU relations and the migration issue. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 57. No. 6. P. 1349–1365.
- Mattern J.B. (2005). Why soft power isn't so soft: representational force and the sociolinguistic construction of attraction in world politics. *Millennium*. Vol. 33. No. 3. P. 583–612.
- McKeown R. (2009). Norm regress: US revisionism and the slow death of the torture norm. *International relations*. Vol. 23. No. 1. P. 5–25.
- Mearsheimer J. (2018). The rise & fall of the liberal inter-national order. Paper prepared for presentation at *Notre Dame International Security Center*. Available online at: https://ndisc.nd.edu/assets/288231/rise_%20and_fall_of_the_liberal_international_order.september_11_2018.pdf
- Mearsheimer J.J. (1994). The false promise of international institutions. *International security*. Vol. 19. No. 3. P. 5–49.
- Michael A. (2018). Realist-Constructivism and the India–Pakistan Conflict: A New Theoretical Approach for an Old Rivalry. *Asian Politics & Policy*. Vol. 10. No. 1. P. 100–114.
- Moszynski P. (2004). Nairobi summit opens with call for action for landmine survivors. *British Medical Journal*. No. 7478. P. 1306.
- Nadelmann E. (1990) Global Prohibition Regimes: The Evolution of Norms in International Society. *International Organization*. 44. P. 479–526.
- Nagtzaam G. (2009). *The making of international environmental treaties: Neoliberal and constructivist analyses of normative evolution*. Edward Elgar Publishing. Cheltenham. 259 p.
- Nayan R. (Ed.). (2013). *The Nuclear Non-proliferation Treaty and India*. Routledge.
- O'Sullivan, K. (2014). Humanitarian encounters: Biafra, NGOs and imaginings of the Third World in Britain and Ireland, 1967–70. *Journal of Genocide Research*. Vol. 16. No. 2–3. P. 299–315.
- Panke D., Petersohn U. (2016). Norm challenges and norm death: The inexplicable? *Cooperation and Conflict*. Vol. 51. No. 1. P. 3–19.
- Pape R.A. (2012). When duty calls: A pragmatic standard of humanitarian intervention. *International Security*. Vol. 37. No. 1. P. 41–80.
- Price R. (1998). Reversing the gun sights: transnational civil society targets land mines. *International organization*. Vol. 52. No. 3. P. 613–644.
- Risse T., Risse-Kappen T., Ropp S.C., Sikkink K. (Eds.). (1999). *The power of human rights: International norms and domestic change*. Cambridge: Cambridge University Press, 291p.
- Rosert E., Sauer F. (2019). Prohibiting autonomous weapons: Put human dignity first. *Global Policy*. Vol. 10. No. 3. P. 370–375.
- Ross L. (1998). China: Environmental protection, domestic policy trends, patterns of participation in regimes and compliance with international norms. *The China Quarterly*. No. 156. P. 809–835.
- Rutherford K. (2000). The evolving arms control agenda: Implications of the role of NGOs in banning antipersonnel landmines. *World Politics*. Vol. 53. No. 1. P. 74–114.
- Salmi J. (2009). *The challenge of establishing world-class universities*. Washington D.C.:World Bank Publications. Published online: http://publications.worldbank.org/ecommerce/catalog/product?item_id=8973956
- Schmidt A., Sikkink K. (2019). Breaking the ban? the heterogeneous impact of US contestation of the torture norm. *Journal of Global Security Studies*. Vol. 4. No. 1. P. 105–122.
- Schneiker A. (2021). Norm Sabotage: Conceptual Reflection on a Phenomenon That Challenges Well-Established Norms. *International Studies Perspectives*. Vol. 22. No. 1. P. 106–123.
- Singh A. (2013). *Globalizing Torture: CIA Secret Detention and Extraordinary Rendition*. New York: Open Society Justice Initiative. Texas University Press. 216p.
- Sjoberg L. (2020). Permutations and Combinations in Theorizing Global Politics: Whither Realist Constructivism? *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*, 193 p.
- Smith K.E. (2014). The UK and 'genocide' in Biafra. *Journal of Genocide Research*. Vol. 16. No. 2–3. P. 247–262.
- Sorensen G. (2008). The case for combining material forces and ideas in the study of IR. *European Journal of International Relations*. Vol. 14. No. 1. P. 5–32.
- Sterling-Folker J. (2004). Realist-constructivism and morality. *International Studies Review*. Vol. 6. No. 2. P. 341–343.
- Verhoeven S., Wouters J. (2005). The Prohibition of Genocide as a Norm of *Ius Cogens* and its Implications for the Enforcement of the Law of Genocide. *International Criminal Law Review*. Vol. 5. No. 3. P. 401–416.
- Wei C.H. (2020). Coercive Engagement: Lessons from US Policy towards China. *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. 123 p.

- Wendt A. (1987). The Agent-Structure Problem. *International Organization*. Vol. 41. No. 3. P. 335–70.
- Wiener A. (2014). *A theory of contestation*. Springer. Berlin. 95 p.
- Yang L., Yang J., Wang C. (2021). The research-intensive university in a glonacal higher education system: the creation of the world-class university in China. *Journal of Higher Education Policy and Management*. P. 1–20.

РЕАЛИСТСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ТЕОРИЮ НОРМ

АНН ВИНЬО

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Редингский университет, Рединг, Великобритания

АНДРЕЙ БАЙКОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

УИЛЬЯМ УОЛФОРТ

Дартмутский колледж, Хановер, США

Резюме

В своей работе мы дополняем научные исследования о реалистском конструктивизме, демонстрируя его потенциал в том, что касается обогащения теории норм и прояснения роли государства в формировании идентичности. Основная проблема, препятствующая в полной мере раскрытию потенциала реалистского конструктивизма, заключается в согласовании взглядов конструктивистов на нормы как векторы универсальных этических стандартов с позицией представителей реалистской школы, рассматривающих их в качестве инструментальных каналов трансляции государственных интересов. Мы разрешаем это противоречие, подчёркивая существование двух различных типов норм: индивидуальных и групповых. Первые основаны на фундаментальных и неотъемлемых правах человека — они обладают универсальностью и устойчивостью. Вторые ориентированы, в свою очередь, на коллективные права и интересы, что делает их более подверженными инструментализации со стороны государств и, следовательно, более неопределёнными и изменчивыми. Реалистский конструктивизм позволяет нам признать сосуществование обоих типов норм и проанализировать их взаимодействие. Наша концепция прошла эмпирическую проверку на примере двух норм, касающихся индивидуальных прав (норма по запрещению противопехотных мин и пыток), двух норм, связанных с групповыми интересами (норма, способствующая переходу к «зелёной» энергетике, и норма, продвигающая создание университетов мирового класса), и одного пограничного случая (норма по недопущению геноцида). В статье показывается, что усилия по переосмыслению норм второй категории и их увязывание с правами человека привели к неожиданным результатам, легитимировав новые принципы и придав им силу. С другой стороны, инструментализация норм первой категории в угоду национальным интересам может привести к их ослаблению, что влечёт за собой потерю авторитета на международной арене.

Ключевые слова:

реалистский конструктивизм; Баркин; нормы; интересы; универсализм

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В ИЗРАИЛЕ

ЛЮДМИЛА САМАРСКАЯ

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия

Резюме

Демократическая система Израиля сталкивается с вызовом. Пять раундов парламентских выборов за три с половиной года завершились созданием относительно устойчивой правительственной коалиции в конце 2022 года, однако политическая нестабильность сохранилась и вылилась в масштабные общественные протесты против деятельности нового кабинета (в особенности попытки провести судебную реформу). Кризис при этом сопровождается активной популистской риторикой разнообразных политических игроков, в том числе израильских правых партий, вошедших в состав коалиции. Популизм — явление, характерное для значительного числа стран. Израиль в этом смысле не исключение. Данный феномен начал постепенно занимать центральное место на его политической арене начиная с 1970-х годов. К 2020-м годам большинство значимых партий страны имели более и менее выраженные популистские элементы в своей риторике. Это во многом связано с неоднородностью израильского общества, наличием в нём значительного количества межсектариальных противоречий, заложенных ещё при создании государства и со временем лишь усугубившихся. Дополнительную роль играет неразрешённый палестино-израильский конфликт. Правопопулистские партии в стране имеют много общего с аналогичными движениями в других государствах, хотя их и отличает ряд специфических черт. Так, они зачастую сочетают инклюзивный и эксклюзивный популизм, под коллективным «мы» подразумевают преимущественно евреев, противопоставляют себя как арабскому населению страны, так и иммигрантам-нееврейцам, а также считают приоритетным еврейский характер государства в противовес демократическому. Они при этом не отрицают значимость демократии как таковой, но видят её воплощение по-своему. Не являясь причиной парламентского кризиса в стране, израильские правые популисты участвуют в его обострении, провоцируют нагнетание и без того значительной межсектариальной напряжённости и сужают возможности для диалога с другими политическими силами.

Ключевые слова:

правый популизм; демократия; Израиль; политический кризис; судебная реформа

Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2023

Дата принятия к публикации: 25.08.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: saluma@imemo.ru

С конца 2010-х годов политическая система Государства Израиль, по оценкам обозревателей и исследователей, находится в состоянии глубокого кризиса: казавшийся бесконечным цикл парламентских выборов, противоречивость фигуры Биньямина Нетаньяху, приход в правительство крайне правых элементов, попытки радикального реформирования судебной ветви власти, массовые протесты — все эти факторы стали его следствием и свидетельством. В то же время нынешние социально-политические противоречия — лишь одна из страниц истории длительного сбоя израильской демократической системы, который во многом является результатом тех особенностей, которые были заложены в неё изначально. Среди них — отношения религии и государства, неразрешённый палестино-израильский конфликт, крайняя этноконфессиональная и социальная разнородность общества, вопросы еврейской и сионистской идентичности и многое другое.

Возможна различная трактовка хронологических границ нынешней политической нестабильности в Израиле, но формально её началом стал 2019 год, когда Биньямин Нетаньяху после победы своей партии «Ликуд» на всеобщих выборах не смог сформировать коалицию. С 2019 по 2022 г. дважды создавались ротационные правительства¹ (Нетаньяху—Ганца (2020) и Беннета—Лапиды (2021)), однако ни одно из них не смогло просуществовать дольше года. Цепь электоральных циклов завершилась в конце 2022 года, когда в результате пятых за три с половиной года выборов было сформировано тридцать седьмое правительство Израиля, которое вновь возглавил Биньямин Нетаньяху². Вместе с тем

создание нового кабинета свидетельствовало об окончании лишь одного из этапов кризиса. Остроту противоречий в израильской демократической системе ярко продемонстрировал раскол по вопросу реформирования судебной ветви власти, который коалиция подняла в первые же месяцы своего функционирования, что спровоцировало выход на улицы сотен тысяч израильтян, которые с её позицией оказались несогласны³.

В связи с этим возникает вопрос: как связан популизм и ныне происходящие события в Израиле? Популизм, по общему мнению, не был причиной генезиса политического раскола в стране, и не он спровоцировал одни из самых массовых протестов в истории еврейского государства. Его роль в наблюдаемых процессах тем не менее значительна. Популистская риторика в Израиле — точно так же, как и в странах Европы и Америки — является серьёзным фактором, воздействующим на особенности политического ландшафта страны, градус ведущихся в ней дебатов и инструменты, использование которых политические деятели и партии считают возможным. В частности, позиции крайне правых сил, которым присущ популизм, влияя на тон заявлений мейнстримных политических деятелей и движений, для которых, впрочем, также характерна популистская риторика.

Цель настоящей статьи — определение специфики правого популизма в Израиле, а также той роли, которую он играет в продолжающемся политическом кризисе. В рамках исследования автор поставил перед собой следующие задачи. *Во-первых*, обобщить существующие в науке представления о политическом популизме в целом,

¹ Ротационное правительство — правительство, в течение каденции которого происходит ротация на посту премьер-министра.

² В него вошли правый «Ликуд», ультраортодоксальные «Яхадут ха-Тора» и ШАС, крайне правые «Религиозный сионизм», «Оцма Йехудит» и «Ноам».

³ Peleg B., Hashmonai A., Breiner J., Haj D., Freidson Y., Freidson Y. Hundreds of Thousands Take to the Streets, Vow Netanyahu's 'Pause' Won't Quell Anti-judicial Coup Protests [Электронный ресурс] // Haaretz. 02.04.2023. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/2023-04-02/ty-article/premium/hundreds-of-thousands-take-to-the-streets-vow-netanyahus-pause-wont-quell-protests/00000187-3e5c-db91-adcf-3f5f91860000> (дата обращения: 21.09.23).

а также установить, какими особенностями обладает его израильский вариант. Во-вторых, проанализировать, каким образом подобная риторика стала неотъемлемой частью израильской политической системы. В-третьих, определить причины столь значимой её роли в еврейском государстве. В-четвёртых, обозначить проявления популизма в контексте наблюдаемого кризиса. Выбор правых популистских движений в качестве основного объекта исследования связан с тем, что именно они во многом являются свидетельством и фактором радикализации израильского политического дискурса. Центристские популистские партии (например, «Еш Атид») представляют собой отдельный исследовательский кейс.

Израильский политический кризис неоднократно привлекал внимание и зарубежных, и российских исследователей. Речь идёт о книге под редакцией Михаль Шамир и Гидеона Рахата, статьях Майи Марк, Эяля Ховерса, Моше Маора, Раанана Сулитцеану-Кенана и Давида Шинитца, Т. А. Карасовой и З. Ханина, В.В. Блинова, Я.С. Брилевской и других специалистов [Mark 2023; Chovers 2023; Shamir, Rahat 2022; Maor, Sulitzeanu-Kenan, Chinitz 2020; Карасова, Ханин 2022; Блинов 2020; Брилевская 2023]. Существует множество аналитических материалов. Они публикуются израильским INSS⁴, итальянским ISPI⁵, немецким SWP⁶ и другими исследовательскими институтами.

Популизм в целом — явление, к которому многократно обращались исследователи. Среди зарубежных авторов его рассматривали, в частности, Маргарет Канован, Кас Мюдде, Эрнесто Лаклау, Люк Марч, Кристобал Ровира Кальтвассер, Ян-Вернер Мюллер, Маттаис Родайн, Ларри Бартелс

[Canovan 1999; Canovan 2004; Mudde 2004; Mudde 2010; Laclau 2005; March, Mudde 2005; March 2017; Mudde, Kaltwasser 2012; Populism in Europe and the Americas... 2017; Müller 2016; Rooduijn 2018; Bartels 2023]. В российской политологической школе интерес к популистской идеологии также заметно высок: она оказывалась в фокусе исследований Г.И. Вайнштейна, П.В. Осколкова, Л.М. Соколыщика, М.И. Сигачёва, А.И. Тэвдой-Бурмули и других [Вайнштейн 2013; Вайнштейн 2017; Осколков, Тэвдой-Бурмули 2018; Осколков 2019; Соколыщик 2021a; Соколыщик 2021b; Сигачёв, Слепцов, Фадеев 2021; Бардин, Сигачёв 2021].

В то же время израильский популизм остаётся менее изученным. Существует ряд зарубежных исследователей, детально изучавших особенности подобных партий, движений и лидеров в еврейском государстве. Имеет смысл выделить Дани Филка, Гая Бен-Пората, Нааму Вайсс-Янив и Керен Тененбойм-Вайнблатт, Джонатана Дж. Лесли и других [Filc 2010; Filc 2019; Ben Porat, Filc 2022; Weiss Yaniv, Tenenboim-Weinblatt 2017; Leslie 2017]. В России это явление пока не получило должного изучения. Помимо этого, связь правого популизма и нынешнего израильского политического кризиса ранее подробно не была изучена. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

Что такое популизм?

Популизм — явление с длинной историей. Американскую Народную партию и российское народничество, активно действовавшие во второй половине XIX века, иногда характеризуют как популистские движения [Müller 2016: 18–19] — то есть обращавшиеся к народу, не вовлечённому в политический процесс. В XX веке попу-

⁴ Elran M., Deitch M. Israel's Judicial Revolution, Social Resilience, and National Security. INSS Insight No. 1692 [Электронный ресурс] // INSS. 27.02.2023. URL: <https://www.inss.org.il/publication/reform-and-social-resilience/> (дата обращения: 21.09.23).

⁵ Israel: No Break to a Political Crisis [Электронный ресурс] // ISPI. 30.06.2022. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/israel-no-break-political-crisis-35609> (дата обращения: 21.09.23).

⁶ Lintl P. Israels Justizreform — eine Zerreißprobe für den Staat: Drei Szenarien [Электронный ресурс] // SWP. 30.03.2023. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/israels-justizreform-eine-zerreißprobe-fuer-den-staat-drei-szenarien> (дата обращения: 21.09.23).

листы появились в Латинской Америке, Канаде и Европе [Populism in Europe and the Americas... 2012: 3–4], а также в странах Азии и Африки [de la Torre 2019: 1]. Некоторые из старейших подобных партий на европейском континенте были основаны в 1970-х годах⁷ в качестве реакции на кризис послевоенного «государства всеобщего благосостояния» [Rivero 2019: 287]. Начиная с 1990-х годов они стали неотъемлемой и активной частью политического ландшафта как в развитых, так и в развивающихся странах [Filc 2010: 6]. Наибольшее внимание общественности (а не только научного сообщества) это явление привлекло в 2010-х годах с приходом к власти в США Дональда Трампа и выходом Великобритании из Европейского Союза: оба этих события представляют собой яркое проявление популистской политики.

Что подразумевает термин «популизм»? Существует множество его определений [Müller 2016; Jansen 2011; Осколков 2019: 14–15]. Одним из классических считается вариант, предложенный голландским исследователем Касом Мюдде. По его мнению, это «идеология, которая считает общество ... разделённым на две гомогенные и антагонистические группы, “чистый народ” против “коррумпированной элиты”, и которая утверждает, что политика должна быть выражением *volonté generale* (общей воли) народа». Мюдде также называет популизм «идеологией с разреженным центром» (*thin-centered ideology*), что даёт ему возможность сочетаться с другими идейными установками всего политического спектра [Mudde 2004: 543–544] — от крайне правых до крайне левых. Впрочем, не все рассматривают его как полноценную идеологию именно в силу его высокой адаптивности [Осколков 2019: 15–17]. Большинство исследователей, однако, сходятся в том, что, *во-первых*, это явление, которое имеет антиэлитистский характер и фокусируется на «антагонистических отношениях доброго народа и злой элиты»,

ставя «народ» (что бы под ним ни подразумевалось) в центр своей риторики; а *во-вторых*, это скорее набор идей, чем полноценная идеология, что позволяет популистам привлекать электорат самой разнообразной политической ориентации [Rooduijn 2018: 353–354].

Для популизма также характерны широкое обобщения и моралистические суждения. По утверждению британского исследователя Джонатана Лесли, «претендуя на моральный авторитет, популисты превентивно подрывают легитимность любой оппозиции, подразумевая, если не заявляя открыто, что любое оспаривание их идеи аморально, порочно или объективно неверно» [Leslie 2017: 76]. В этом смысле удобным инструментом оказывается религия: она позволяет обоснованно исключать «чужих» и служит одной из самых эффективных структур для мобилизации своих сторонников. Зачастую будучи надэтнической, она в то же время может включать и национальный элемент, органично встраиваясь в правую идеологию. Религиозный компонент может быть интегрирован как в инклюзивный, так и в эксклюзивный популизм [Ben Porat, Filc 2022: 66–68] — две большие группы данного явления.

Оба этих вида подразумевают разделение общества на «нас» и «их», однако используют различную риторику. Инклюзивисты рассматривают «исключённые социальные группы как единый субъект», эксклюзивисты же «исключают “другого” для сохранения коллективных субъектов, которые чувствуют угрозу своей идентичности» [Filc 2010: 12]. В то время как первые борются за включение в политический процесс определённых сообществ, вторые встраивают свою идентичность на отторжении «чужих». Все эти группы конструируются в зависимости от политических потребностей, что делает их границы относительно подвижными. При этом они могут основываться на реально существующих (в той степени, в которой реальна любая социальная груп-

⁷ Как, например, французский «Национальный фронт» (1972), норвежская (1972) и датская (1973) Партии прогресса [Rivero 2019: 287–288].

па, то есть относительно устойчивых) дихотомиях и противоречиях, акцентируя внимание на сходствах и различиях и особо подчёркивая их, что зачастую приводит к усилению напряжённости в отношениях между сообществами.

Особенность именно правого популизма заключается в ключевой роли националистических идей в его риторике [Осколков, Тэвдой-Бурмули 2018: 21]. Помимо этого, для эксклюзивной его разновидности также характерно восприятие народа как «этнически или культурно гомогенной целостности, исключающей работников-мигрантов, этнические меньшинства или другие группы, которые изображаются как угроза органической нации» — нативизм [Ben Porat, Filc 2022: 65]. По выражению израильского исследователя Дани Филка, «в то время как его [эксклюзивного популизма] главной чертой является маргинализация иммигрантов или определённых этнических групп, для других групп радикально правый популизм представляется путём борьбы со своей собственной маргинализацией» [Filc 2010: 18]. В то же время, как отмечает российский исследователь П.В. Осколков, существенное отличие популистских движений от радикальных и экстремистских заключается в том, что первые позиционируют себя «в качестве органического элемента политической системы» и стремятся «прийти к власти, привлекая электорат в рамках сложившихся демократических процедур» — в отличие от последних, которые функционируют «вне системного политического поля» [Осколков 2019: 12–13].

Для популизма в целом характерна особая значимость фигуры лидера, зачастую харизматического, — хотя этот признак и не относится к числу первостепенных. По словам Д. Филка, «роль лидера является ключевой для инклюзивных популистских движений, поскольку он или она становится олицетворением исключённой группы» [Filc 2010: 14]. При этом руководители подобных движений, утверждая, что они не входят в традиционные круги политической элиты, а потому представляют «про-

стой народ», как правило, хотя и не всегда, вполне принадлежат к истеблишменту: они относятся к той же социальной прослойке, классу, доминирующей этнической группе или же в принципе имеют значительный политический опыт [Mudde, Kaltwasser 2017: 73–74].

Популизм нередко воспринимается как угроза либеральной демократии (и даже как свидетельство её кризиса), который несёт в себе риск её превращения в мажоритарную, для которой характерна диктатура большинства [Mudde 2004: 561]. При этом сами популисты нередко говорят о приверженности демократическим ценностям и исполнению воли народа, хотя и трактуют их по-своему. Вопрос, таким образом, заключается не в том, остаётся ли страна демократической после прихода к власти популистов, а в том, какая модель демократии может быть в ней реализована.

Особенности израильского популизма

Израильский кейс имеет ряд общих с прочими странами черт, но обладает и своими — во многом уникальными — особенностями. Одним из подобных факторов является специфика политического спектра, в котором левые и правые партии традиционно различались не только подходами к экономической политике (более социально или рыночно ориентированными), но и более мягкими (dovish) или жёсткими (hawkish) позициями в отношении разрешения арабо-израильского конфликта, причём последнее стало доминирующим начиная с 1990-х годов [Shapira 2021: 84]. Правый популизм в Израиле в итоге оказывается неразрывно связан с вопросом положения арабского населения и внутри международно признанных границ, и на оккупированных территориях Западного берега реки Иордан (сектор Газа требует отдельного рассмотрения, поскольку контроль Иерусалима над ним имеет несколько другой характер).

В стране, так же как в Европе и США, всё чаще звучат опасения, что те изменения, которые происходят во внутренней политике (дрейф электората «вправо», избрание

в государственные структуры ранее маргинальных элементов), могут иметь критические последствия для её демократического устройства. Будучи вполне объяснимыми, эти мнения основываются на том, что Израиль является либеральной демократией [Neuberger 2016: 710], что, по мнению некоторых специалистов, не совсем так. С точки зрения израильского исследователя Орена Ифтахеля, он представляет собой этнократию — режим, продвигающий «расширение доминирующей группы на спорной территории и её доминирование во властных структурах при сохранении демократического фасада» [Yiftachel 2006: 3]. В качестве аргументов учёный приводит отсутствие равных с евреями прав у арабского меньшинства, наличие в израильском обществе этноклассов («культурных общностей, связанных своими материальными, географическими и политическими позициями» [Yiftachel 2006: 103]), «иудаизацию» Израиля и политику «ползучего апартеида». Наглядным свидетельством являются разные возможности в реализации своих гражданских прав у различных слоёв общества в зависимости от их этнической или субэтнической принадлежности [Yiftachel 2006: 102–110, 126–127].

С этим не вполне согласен израильский исследователь Самми Смуха, который полагает, что к стране может быть применимо определение «этнической демократии», подразумевающее наличие функциональных, а не только формальных (в отличие от этнократии) демократических процедур, гражданских прав и свобод у всего населения вне зависимости от этноконфессиональной принадлежности. По его мнению, Государству Израиль присущ «институционализированный контроль» «этнического большинства», защищающегося таким образом от «внутренних и внешних угроз» [Smooha 2016: 681–682].

Подобное разнообразие определений во многом объясняет причину апеллирования большинства израильских политических сил, включая и популистские, к приверженности демократическим ценностям.

Все эти партии и движения различаются преимущественно видением формы реализации демократической системы еврейского государства: либеральной, мажоритарной, этнической, этнократической. В этом смысле на риторическом уровне борьба между левыми и правыми в стране — это противостояние сторонников либеральной и мажоритарной демократии соответственно, а на деле — этнической демократии и этнократии (хотя эта дихотомия, как правило, не артикулируется), поскольку арабское сообщество преимущественно остаётся за рамками этой борьбы. Одним из ключевых вопросов, определяющих содержание дискуссии о характере израильской политической системы, является соотношение в ней «еврейского» и «демократического», то есть этноконфессионального или либерально-светского, компонентов. Все эти факторы, разумеется, отражаются на специфике популистских движений в стране.

Израильский правый популизм, в отличие от европейского, перестал занимать маргинальное положение ещё в 1970-х годах, когда к власти пришла партия «Ликуд». Как и истоки большинства других израильских политических движений, её история уходит корнями в догосударственный период, время существования еврейского ишува в Палестине, а именно — в 1920-е годы, когда появилось ревизионистское течение сионизма во главе с Зеэвом Жаботинским. Ревизионисты выступали против умеренной программы Сионистской организации по постепенному построению «национального очага для еврейского народа» и за распространение суверенитета на всю территорию исторической Эрец-Исраэль [Barzilai, Shain 1991: 346–347]. Отделившись от Сионистской организации, в которой доминировали общие сионисты и социалисты, они создали параллельный ей Союз сионистов-ревизионистов, а также собственные военизированные формирования: ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ. После создания государства ревизионисты встроились в израильскую партийную систему в виде движения «Херут», вошедшего в «Ликуд» в 1973 году [Звягельская 2012: 29, 51–52, 183].

Существовало несколько факторов, в наибольшей степени повлиявших на приход к власти правого «Ликуда» в 1977 году. *Во-первых*, победа Израиля в Шестидневной войне (5–10 июня 1967 г.) и захват территорий Восточного Иерусалима, Западного берега реки Иордан (ЗБРИ), Голанских высот, сектора Газа и Синайского полуострова вновь сделали актуальной концепцию «Великого Израиля», ранее поддерживавшуюся ревизионистами. *Во-вторых*, высокая цена войны Судного дня (6–25 октября 1973 г.) значительно пошатнула позиции социалистической партии «Авода» (до 1968 года — МАПАЙ), доминировавшей в израильской политике с 1948 года, не говоря уже о периоде ишува⁸. *В-третьих*, демографический состав Израиля претерпел с 1948 г. определённые трансформации в силу иммиграции в страну значительного числа восточных евреев (мизрахим/сефардов), существенно отличавшихся в том числе в культурном отношении от европейских евреев (ашкеназов), которые играли ведущую роль в «Аводе» и, соответственно, составляли большинство израильской политической элиты. Мизрахим были гораздо более религиозными, чем ашкеназы, и к тому же ощущали дискриминацию с их стороны, что породило запрос на изменения. *В-четвёртых*, социалистическая повестка левоцентристских партий постепенно теряла свою привлекательность для израильского среднего класса, приоритеты которого в экономическом смысле были иными [Shapira 2021: 76–80].

«Ликуд» сумел использовать весь комплекс сложившихся противоречий против социалистов: более низкое, чем у ашкеназов, социальное положение мизрахим, фактическое отсутствие альтернативы «Аводе», доминировавшей в большинстве государственнообразующих структур⁹, а также в киб-

буцианском движении¹⁰, «противоречия между социалистическим дискурсом [правящей партии] о классовом равенстве и эксклюзивными и несправедливыми практиками правительств и институтов “Аводы”». Все эти пункты были интегрированы в антиэлитистскую риторику «Ликуда», подчёркивавшего свою связь с народом.

Параллельно партия перестраивала национальный нарратив таким образом, чтобы включить в него мизрахим. С одной стороны, они выделялись как особая группа со своими проблемами и запросами. С другой — подчёркивалось их единство со всем еврейским народом. Эта риторика способствовала как большему символическому включению восточных евреев в политический процесс, так и большему исключению из него арабского населения. В этом смысле популизм «Ликуда» сочетал в себе одновременно инклюзивные и эксклюзивные черты [Filc 2010: 19–35]. В партии также всегда была очевидна значительная роль харизматического лидера: на первоначальном этапе — Менахема Бегина, на настоящем — Биньямина Нетаньяху. Оба они при этом — не мизрахим, а ашкеназы по своему происхождению.

Тем не менее впоследствии дискурс «Ликуда» несколько изменился и стал эксклюзивным в гораздо большей степени. Хотя для партии в целом характерны правоконсервативные позиции, её риторика содержит значительное количество элементов, позволяющих определить её и как правопопулистскую. Обвинение всех, кто не согласен с политикой партии, в «левизне», предательстве еврейских ценностей и национальных интересов, делегитимация не только арабских партий, но и сотрудничества с ними, борьба против «элит» в виде Верховного суда и (зачастую) СМИ, против приезда мигрантов-неевреев — всё это

⁸ Еврейский ишув в Палестине — совокупность проживавших в Палестине евреев до создания Государства Израиль в 1948 году.

⁹ В том числе в Гистадруте, общеизраильской профсоюзной организации, на деле выполнявшей самые разнообразные функции, а также игравшей роль одного из крупнейших работодателей.

¹⁰ Киббуцианское движение — движение, существовавшее с 1910-х годов и инициированное сионистами-социалистами, в рамках которого создавались сельскохозяйственные коммуны (киббуцы).

характеризует дискурс «Ликуда» в настоящее время [Filc 2019: 396–398; Ben Porat, Filc 2022: 74–76].

Ещё одной популистской партией считается ультраортодоксальная ШАС, появившаяся в Израиле в 1980-е годы и ориентированная на ультраортодоксов-мизрахим/сефардов. Она, по утверждению Д. Филка, «представляет инклюзивные характеристики в рамках эксклюзивных границ религиозной принадлежности» [Filc 2019: 394]. ШАС выстраивает свою риторику на противопоставлении мизрахим (традиционных и религиозных) как «простого народа» и ашкеназов (светских) как «элиты», а также на дихотомии «евреи – неевреи». Партия при этом не отвергает израильских арабов как «нежелательных» граждан [Ben Porat, Filc 2022: 77–80] – что, вероятно, связано с некоторой степенью культурной общности с ними евреев, чьё происхождение связано с арабскими странами. Одним из лидеров-харизматиков в случае ШАС является Арье Дери – еврей марокканского происхождения.

Создание партии репатриантов из бывшего СССР «Наш дом Израиль» в 1999 г. означало возникновение на израильской политической арене ещё одного правопопулистского движения. Новая группа русскоязычных эмигрантов, столкнувшись с интеграционными сложностями из-за преимущественно светского характера их идентичности, стремления к сохранению и использованию русского языка, отсутствия принятия со стороны коренных израильтян, сформировала особую субэтническую идентичность [Al-Haj 2002: 59–61]. Дискурс НДИ (на настоящем этапе – в несколько смягчённом виде в силу большого размывания «русско-израильской» идентичности и, соответственно, её электората, а также обострения других противоречий в израильском обществе) включает в себя, по выражению Д. Филка, «нативизм и ксенофобию, антиэлитистскую концепцию общества, антилиберальное представление о демократии и веру в сильное, авторитарное государство» [Filc 2019: 396]. Позиция Авиغدора Либермана

в качестве лидера партии пока не подвергалась сомнению.

На израильской политической сцене также действует ряд крайне правых партий, которые можно квалифицировать как популистские. Этот кейс представляет особый интерес для исследования в силу его слабой изученности. Среди наиболее ярких подобных примеров – «Религиозный сионизм» («Ткума») и в особенности «Оцма Йехудит». Их главы – Бецалель Смотрич и Итамар Бен-Гвир, министры в тридцать седьмом правительстве Израиля под руководством Биньямина Нетаньяху. Эти партии имеют общие черты: принципиально эксклюзивная риторика, борьба с левыми «элитами», представленными судебной системой и СМИ, приоритетность еврейского характера государства над его демократичностью (при приверженности демократической системе) и стремление к сохранению и закреплению еврейского доминирования на территории от Средиземного моря до реки Иордан. Одна из значимых групп, составляющих их электорат, – национально-религиозные поселенцы, активно заселяющие в том числе части Западного берега.

И «Религиозный сионизм» (созданный в 1998 г. выходцами из МАФДАЛ), и «Оцма Йехудит» (отделившаяся от правого «Национального союза» в 2012 г. в виде «Оцма ле-Исраэль») в некоторых идеологических аспектах сохраняют связь с религиозным сионизмом, появившимся ещё в догосударственный период. Сформировавшаяся в 1902 г. «Мизрахи» в 1956 г. объединилась с «Ха-Поэль ха-Мизрахи» (созданной в 1922 году) в партию МАФДАЛ, игравшую достаточно существенную роль в израильской политической системе до прекращения своего самостоятельного существования в 2008 г. и слияния с рядом других правых партий в «Еврейский дом». В 2019 г. «Еврейский дом» участвовал в выборах в Кнессет единым списком с «Религиозным сионизмом» и «Оцма Йехудит» (в виде «Союза правых партий»), позднее же сошёл с политической сцены. Исторически для религиозного сионизма было ха-

рактенно сочетание идей еврейского национализма и иудейской традиции [Звягельская 2012: 29, 75–76].

«Религиозный сионизм» и «Оцма Йехудит» находятся правее МАФДАЛ на израильском политическом спектре и разделяют гораздо более радикальные идеи. Так, «Оцма Йехудит» во многом является идеологической наследницей движения «Ках»¹¹, признанного в Израиле расистским и экстремистским. Крайне националистические взгляды партий Бецалеля Смотрича и Итамара Бен-Гвира сочетаются с популистской риторикой и в этом смысле имеют достаточно много общего с позициями всего израильского правого лагеря. Некоторые из предлагаемых ими решений заявленных проблем, однако, зачастую являются гораздо более радикальными.

Программа «Религиозного сионизма» включает намерение бороться с иммиграцией неевреев в Израиль, реформировать Верховный суд, реализовывать «ценности и политику» правого лагеря «в сочетании с углублённой приверженностью принципам демократии и врождённому еврейскому характеру Государства Израиль». Первая из упомянутых задач предполагает отмену пункта о внуках Закона о возвращении, который, согласно программе партии, «создал брешь в системе, которая позволила тысячам неевреев эмигрировать в Израиль»¹². Этот пункт используется преимущественно (хотя и не исключительно) евреями, которые являются выходцами из постсоветского пространства и значительная часть которых имеет светскую, а не религиозную еврейскую идентичность¹³. Таким образом партия пытается ограничить круг

евреев, имеющих право на израильское гражданство, исключительно теми, кто является таковым согласно Галахе (то есть рождённым еврейской матерью и не перешедшим в другую религию). С другой стороны, стремление ограничить действие данного закона характерно и для других израильских религиозных партий¹⁴.

Особое место в программе «Религиозного сионизма» занимает реформирование израильского Верховного суда, который «в последние годы ... неоднократно пользовался своим положением и наносил ущерб выраженному еврейскому характеру публичной сферы в Государстве Израиль, чрезмерно вмешиваясь в прерогативу законодательной власти принимать законы и нарушая доминирующий “статус-кво”»¹⁵. Партийная риторика, направленная против него, носит явный и однозначный антиэлитистский характер. Судьи, согласно платформе «Религиозного сионизма», «не отражают волю народа, что приводит к элитистской, наделённой широкими полномочиями судебной системе, которая навязывает свою волю остальной стране с абсурдными и болезненными последствиями»¹⁶. Государственные структуры обвиняются в игнорировании интересов общества: «На протяжении многих лет левые систематически получали контроль над неизбираемыми правительственными центрами власти, выполняли их своим жаргоном и мировоззрением и превращали их в центр тяжести для принятия решений»¹⁷. При этом «ключевым для преодоления этих проблем», по мнению партии, «является восстановление сдержек и противовесов и предоставление народу возможности снова контролировать

¹¹ *Lintl P.* Israel's Anti-liberal Coalition. SWP Comment 2023/C [Электронный ресурс] // SWP. No. 5. 27.01.2023. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2023C05/> (дата обращения: 21.09.23).

¹² Party platform [Электронный ресурс] // The Religious Zionist Party. URL: <https://zionutdatit.org.il/en/party-platform/> (дата обращения: 21.09.23).

¹³ *Ravitsky Tur-Paz S., Gordon G.* Coalition Agreements of the 37th Government: Amending the Grandchild Clause of the Law of Return [Электронный ресурс] // IDI. 30.12.2022. URL: <https://en.idi.org.il/articles/47418> (дата обращения: 21.09.23).

¹⁴ Op. cit.

¹⁵ Party platform [Электронный ресурс] // The Religious Zionist Party. URL: <https://zionutdatit.org.il/en/party-platform/> (дата обращения: 21.09.23).

¹⁶ Op. cit.

¹⁷ Op. cit.

принятие решений и определение политики через своих избираемых лидеров и механизмы демократии»¹⁸. Получается, что позиция религиозных сионистов не является принципиально антидемократической. Они лишь рассматривают демократию как возможность реализации интересов большинства без ограничений, накладываемых в том числе судебной системой, одной из задач которой является защита прав меньшинств (то есть реализуемой в виде мажоритарной демократии).

Если в программе «Религиозного сионизма» присутствуют элементы эксклюзивной популистской риторики, то «Оцма Йехудит» возводит её в абсолют. Она не просто разделяет население на лояльное и нелояльное, но и предлагает стимулировать эмиграцию «врагов Израиля». Под эту формулировку попадает любой, кто «способствует нанесению вреда Государству Израиль, его безопасности, евреям внутри него и ... действует вопреки ценностям еврейского государства»¹⁹. Помимо арабского населения, которое воспринимается партией как «демографическая угроза»²⁰, это определение в силу его расплывчатости потенциально охватывает всех, кто по каким-то причинам не согласен с политикой государства.

Предвыборная платформа «Оцма Йехудит» среди прочего включает тезис о том, что партия «не хочет потерять еврейское государство из-за войны, мира или западной демократии»²¹. При этом нельзя сказать, чтобы она была принципиально антидемократической, хотя она определённо включает антилиберальные элементы. «Оцма Йехудит» не выступает против демократии как таковой, но считает сохранение

еврейского характера государства гораздо более важным, чем «универсальные ценности». Эта партия, как и «Религиозный сионизм», ставит в центр своей идеологии этнорелигиозную идентичность, отодвигая гражданскую на второй план. При этом «Оцма Йехудит» не стремится к саботажу государствообразующих институтов. Так, она рассматривает армию как одну из ключевых структур, солдатам которой необходимо вернуть «безопасность и силу сдерживания»²².

В то время как европейские популисты, по утверждению российского исследователя Г.И. Вайнштейна, «добиваются всё большего успеха в давлении на системные партии, заставляя их не только прибегать к чисто внешнему заимствованию популистской риторики, но и перехватывать у своих популистских оппонентов и интегрировать в собственную политику существенные элементы популистских программ» [Вайнштейн 2017: 76], умеренно правые популистские партии в Израиле — как, например, «Ликуд», — фактически являющиеся системными, оказываются под влиянием риторики крайне националистических партий, в частности «Религиозного сионизма», что приводит к дальнейшему сдвигу израильского политического спектра «вправо».

Впрочем, в Израиле не только для правых партий характерно включение популистских элементов в свою риторику. Эта особенность, по оценкам некоторых исследователей, также является одним из свойств центристской партии «Еш Атид» [Weiss Yaniv, Tenenboim-Weinblatt 2017: 207–220], одной из крупнейших на начало

¹⁸ Party platform [Электронный ресурс] // The Religious Zionist Party. URL: <https://zionutdatit.org.il/en/party-platform/> (дата обращения: 21.09.23).

¹⁹ The Platform of Otzma Yehudit (Jewish Strength) [Электронный ресурс] // Otzma Yehudit. URL: <https://ozma-yeudit.com/the-platform-of-otzma-yehudit-jewish-strength/> (дата обращения: 21.09.23).

²⁰ Op. cit.

²¹ Op. cit.

²² Op. cit.

²³ Самарская Л.М. Новое правительство Израиля: перспективы выхода из затяжного внутриполитического кризиса [Электронный ресурс] // РСМД. 18.06.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-pravitelstvo-izrailya-perspektivy-vykhoda-iz-zatyazhnogo-vnutripoliticheskogo-krizisa/> (дата обращения: 21.09.23).

2020-х годов, которая играет заметную роль в упомянутом кризисе. Отличительными чертами центристских партий в Израиле долгое время были относительная неустойчивость и недолговечность. Ситуация изменилась в 2010-х годах: по оценке израильского исследователя Реувена Хазана, перемены были связаны с ростом актуальности социально-экономических вопросов для населения, что привело к формированию «Еш Атид» (2012) и «Кулану» (2014) [Hazan 2021: 354]. Последняя, впрочем, в 2020 г. вошла в «Ликуд», членом которого и был её глава Моше Кахлон с 2003 по 2013 год. Однако «Еш Атид» оказалась гораздо более успешной: в 2021 г. она стала второй по количеству мест в Кнессете и в итоге смогла сформировать коалицию Беннета–Лапид (самую разнородную в израильской истории)²³, которая функционировала до 2022 г. Бессменный лидер «Еш Атид» Яир Лапид был премьер-министром Израиля с июня по декабрь 2022 г.

Таким образом, подавляющее большинство доминирующих в публичном дискурсе израильских партий (за редким исключением²⁴) имеют явные популистские черты. Д. Филк объясняет превалирование популизма в политике государства тем, что «конфликты относительно включения/исключения подчинённых социальных групп отличали израильское общество с момента его возникновения» [Filc 2019: 393]. По его словам, «в разделённом обществе обозначение “народ” стало ключевым ориентиром для выстраивания политической идентичности, а популизм — главной чертой политической системы» [Filc 2010: 2].

Принципиальным для израильских крайне правых является постоянное и акцентированное обращение к дихотомии «мы» — «они»: «мы» — евреи, иудеи(!), сио-

нисты, правые, «народ»; «они» — неевреи, неиудеи/светские, постсионисты, левые, «элита». Во многом это разделение отражает и без того существующие различия, но, помимо этого, инструментализирует их, даже если часть лидеров популистских партий искренне являются сторонниками своей идеологии. С другой стороны, подобная принципиальность существенно ограничивает их способность идти на компромиссы. Так, израильские крайне правые практически полностью исключают участие в коалиции в союзе со «сторонниками террора», которыми они называют представителей арабских партий — членов Кнессета.

Кризис израильской политической системы

Израильская политическая нестабильность сопровождается достаточно серьёзным кризисом сионистской идентичности, разрешение которого различные социально-политические силы видят по-разному. Если правый лагерь делает акцент на еврейском характере государства, то левый и центристский — на демократическом. В рамках подобного процесса неизбежно появление акторов с крайними взглядами, которые могут предлагать решения разной степени радикальности. Политический кризис в этом смысле оказывается отражением этих процессов и наиболее ярко демонстрирует те линии разлома, что существуют в современном израильском обществе.

В результате израильская политическая система оказывается ареной для противостояния сил, которые по-разному понимают сущность демократии. Каждая из сторон при этом обвиняет другую в попытке установить диктатуру или же совершить государственный переворот — со стороны судебной или же законодательной власти²⁵.

²⁴ Подобным исключением, вероятно, является «Государственный лагерь», ныне вполне конкурирующий по уровню популярности с «Ликудом» и даже обходящий «Еш Атид». Влияние и значимость левых партий в Израиле на данном этапе находятся на спаде. Подробнее см.: *Lintl P. Israel's Anti-liberal Coalition. SWP Comment 2023/C* [Электронный ресурс] // SWP. No. 5. 27.01.2023. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2023C05/> (дата обращения: 21.09.23).

²⁵ *Simcha Rothman: Everyone understands there is a need for judicial reform* [Электронный ресурс] // The Jerusalem Post. 24.02.2023. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/politics-and-diplomacy/article-732567> (дата обращения: 21.09.23).

Подобные популистские заявления, противопоставляющие «нас» и «их», приводят лишь к усилению конфликтогенности в обществе в сложной политической обстановке. Общественные настроения относительно перспектив и демократического правления, и национальной безопасности остаются крайне пессимистичными: оптимизм респондентов по поводу первого показателя не превышает 50% с 2019 года, второго же — 55% с середины 2021 года²⁶. Помимо этого, подобный градус противоречий привел к тому, что 42,5% израильтян (участвовавших в январском опросе Израильского института демократии) посчитали напряжённость в отношениях между правыми и левыми силами наибольшей по сравнению с другими социальными группами, что стало самым высоким показателем за более чем десятилетний период. На этом фоне даже трения в отношениях арабов и евреев, а также светских и религиозных групп отходят на второй план²⁷, хотя в полной мере все эти противоречия не могут быть разделены.

В стране существуют и экономические проблемы, которые зачастую беспокоят население больше, чем разнообразные политические соображения. Согласно опросу, который был проведён летом 2022 года, для 44% израильтян программа партии по вопросам экономики и высокой стоимости жизни являлась наиболее серьёзным фактором, который мог повлиять на их электоральное поведение. При схожей картине на большей части политического спектра исключением

в этом смысле стали сторонники партий «Яхадут ха-Тора», ШАС и «Религиозный сионизм», для которых приоритетным пунктом были отношения религии и государства — такая позиция оказалась характерна почти для половины опрошенных (а в случае «Яхадут ха-Тора» — более 50%)²⁸.

Феномен роста популярности правого популизма в Израиле во многом стал следствием разочарования в переговорном процессе как способе решения палестино-израильского конфликта. Ни Соглашения Осло²⁹, ни последующие договорённости оказались не в состоянии привести к установлению долгосрочного и стабильного мира. По мнению американского исследователя Дова Уаксмана, «сила национального религиозного поселенческого движения и продолжающийся израильский контроль над палестинским населением на Западном берегу, которое не имеет доступа к израильскому гражданству и, таким образом, права голосовать на израильских выборах, усиливает нелиберальные, анти-демократические тенденции в Израиле» [Waxman 2016: 362]. К тому же демографический перевес находится на стороне правого лагеря³⁰. Дополнительное влияние на рост популярности правых партий могла оказать волна террора, которая началась в первой половине 2022 г. и привела к 29 жертвам в течение только 2022 года (по данным израильского министерства иностранных дел)³¹. Катализатором стал и затяжной политический кризис, который в условиях разочарования в электоральных

²⁶ Hermann T., Anabi O. Low Prospects for a Compromise Between Opposition and Coalition. Israeli Voice Index [Электронный ресурс] // The Israeli Democracy Institute. 09.05.2023. URL: <https://en.idi.org.il/articles/49250> (дата обращения: 21.09.23).

²⁷ Hermann T., Anabi O. Overhauling the Judicial System — What Do Israelis Think? Israeli Voice Index [Электронный ресурс] // The Israeli Democracy Institute. 03.02.2023. URL: <https://en.idi.org.il/articles/47607> (дата обращения: 21.09.23).

²⁸ Hermann T., Anabi O. Israelis Say They Base Their Vote on Party's Economic Platform. Israel Democracy Index [Электронный ресурс] // The Israeli Democracy Institute. 07.08.2022. URL: <https://en.idi.org.il/articles/39510> (дата обращения: 21.09.23).

²⁹ Соглашения Осло — соглашения между Израилем и ООП, заключённые в 1990-х годах. Их целью должно было стать урегулирование палестино-израильского конфликта и создание палестинского государства.

³⁰ Lintl P. Israel's Anti-liberal Coalition. SWP Comment 2023/C [Электронный ресурс] // SWP. No. 5. 27.01.2023. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2023C05/> (дата обращения: 21.09.23).

³¹ Wave of Terror 2015–2023 [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.gov.il/en/departments/general/wave-of-terror-october-2015> (дата обращения: 21.09.23).

институтах³² мог породить стремление голосовать не за наиболее крупные партии, которые оказались неспособны разрешить накопившиеся проблемы, а за относительно маргинальные движения.

При этом в 2019–2022 годах на традиционное разделение (левые — правые) израильского политического спектра наложилось новое: приемлемость фигуры Биньямина Нетаньяху в роли премьер-министра, что создало лагерь его противников («только не Биби») и сторонников («только Биби»). Это было связано с предъявленными ему в конце 2019 г. обвинениями во взяточничестве, мошенничестве и злоупотреблении общественным доверием в рамках трёх уголовных дел. Если центристы и левые заняли относительно единую позицию («только не Биби»), то праворегиональный лагерь оказался расколот: НДИ и часть бывших союзников Биньямина Нетаньяху (в том числе Нафтали Беннет и Гидеон Саар, ставшие в 2021 г. членами правительства Беннета—Лапиды) выступили против него. При этом на стороне политика осталась подавляющая часть «Ликуда», ультраортодоксы и некоторые крайне правые партии. В то же время для самих израильтян личность Б. Нетаньяху играла далеко не определяющую роль при выборе электоральных приоритетов, что фактически выводило вопрос приемлемости занятия им должности премьер-министра преимущественно в плоскость политических дебатов³³.

Поляризация израильского политического спектра по принципу отношения к Б. Нетаньяху была одним из тех факторов, которые привели к формированию в конце 2022 г. наиболее правого в израильской истории правительства, в котором «Ликуд» оказался наиболее умеренным элементом. Однако сам факт того, что в него смогли войти ранее маргинальные

партии («Оцма Йехудит», в чуть меньшей степени «Религиозный сионизм»), является ещё одним признаком серьёзного кризиса политической системы еврейского государства. Создание правительства, которое не вызывает доверия значительной части израильского общества, способствует не разрешению, а углублению существующего социально-политического раскола.

Противостояние между левыми и правыми (хотя подобное разделение уже не в полной мере отражает специфику расстановки сил в израильской политической системе) достигло нового уровня в первой половине 2023 года, когда правительство Б. Нетаньяху заявило о намерении провести реформу судебной системы. Её суть заключается в ограничении полномочий Верховного суда (БАГАЦа) и повышении роли Кнессета (а соответственно, и правящей коалиции) в принятии решений. Её сторонники считают, что судебный активизм, ставший следствием «конституционной революции» 1990-х годов, негативно сказывается на законотворческой деятельности и вступает в противоречие с позициями избранных народом парламентариев. Её противники, в свою очередь, опасаются непропорционального снижения роли БАГАЦа, что могло бы привести к разбалансировке системы сдержек и противовесов, а также нанести ущерб израильской демократии и значительно ослабить защиту прав меньшинств. При этом и часть тех, кто высказывается против предложений нынешнего правительства, говорят о необходимости реформирования системы, хотя и выступают за компромисс, приемлемый для всех сторон. Настойчивое же продвижение столь серьёзных изменений вопреки мнению и существенного процента населения, и оппозиционных партий, и даже некоторых членов коалиции лишь

³² Hermann T., Anabi O. 39% of Israelis Do Not Trust the Purity of the Knesset Elections. Israeli Voice Index [Электронный ресурс] // The Israeli Democracy Institute. 26.10.2022. URL: <https://en.idi.org.il/articles/46175> (дата обращения: 21.09.23).

³³ Самарская Л.М. Четвёртые внеочередные выборы в Израиле: будет ли разрешён политический кризис? [Электронный ресурс] // ИМЭМО РАН. 30.03.2021. URL: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/chetviortie-vneocherednie-vybory-v-izraile-budet-li-razreshion-politicheskiy-kризис/#_ftn3 (дата обращения: 21.09.23).

сильнее подрывает и без того не слишком высокий уровень доверия правительству³⁴.

Между тем тезис праворегигиозного лагеря о том, что он представляет большинство населения, не выдерживает критики даже на основе самого поверхностного анализа. Так, суммарное количество голосов, отданных партиям, вошедшим в правительство, составило чуть меньше половины всех действительных бюллетеней на выборах в конце 2022 года, что соответствует примерно 2 300 000 из 4 700 000³⁵. Помимо этого, даже среди электората, проголосовавшего за коалиционный блок, есть существенный процент несогласных с тем, каким образом правящий кабинет пытался принять закон зимой–весной 2023 года. 60% из них полагают, что необходимо попытаться достичь компромисса по вопросу судебной реформы, хотя подавляющее большинство из них считают её «хорошей» или «очень хорошей» — 64%³⁶.

Все эти данные демонстрируют глубину раскола, характерного для израильского общества на современном этапе, что является благоприятной почвой для развития и дальнейшей нормализации правопопулистской риторики. В рассуждениях партий «национального лагеря» израильская судебная система позиционируется как та враждебная для большинства «элиты», принимающая решения вопреки желанию народа, «сказавшего своё слово»³⁷ — то есть проголосовавшего на парламентских выборах. Дискуссия относительно роли изра-

ильского Верховного суда оказывается вписана в дискурс значительной части вовлечённых в политический процесс движений — и на смену профессиональному и конструктивному диалогу приходят лозунги и бескомпромиссные заявления, лишь усугубляющие сложную социально-политическую ситуацию.

Популизм, в том числе правый, уже в течение нескольких десятилетий является интегральной частью израильской демократической системы. Это во многом связано с особенностями социально-политического устройства страны: разнообразного этнического, субэтнического, конфессионального состава, широкого спектра религиозных и светских групп — что создаёт условия, способствующие политизации различных идентичностей, а также использованию и углублению тех расколов, которые существуют в обществе. В результате возникает гибридный инклюзивно-экссклюзивный популистский дискурс, который используется, с одной стороны, для противопоставления «чужим» (как правило, израильским арабам/палестинцам, хотя в эту категорию входят и иммигранты-неевреи), а с другой — для политической мобилизации субэтнических еврейских групп. Последнее осуществляется по принципу региона или страны происхождения, что затрагивает мизрахим и русскоязычных евреев — выходцев из СССР.

³⁴ Самарская Л.М. Судебная реформа в Израиле: политический кризис продолжается [Электронный ресурс] // РСМД. 31.03.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sudebnaya-reforma-v-izraile-politicheskiy-krizis-prodolzhaetsya/> (дата обращения: 21.09.23).

³⁵ 25-ה לכנסת של הבחירות לא-כנסת. [Тоцат ха-эмет шель ха-бехирот ла-Кнесет ха-25.] [Финальные результаты выборов в 25-й Кнесет.] [Электронный ресурс] // 25-ה לכנסת. [Бехирот ла-Кнесет ха-25.] [Выборы в 25-й Кнесет.] 01.11.2022. URL: <https://votes25.bechirot.gov.il> (дата обращения: 21.09.23).

³⁶ Hermann T., Anabi O. Overhauling the Judicial System — What Do Israelis Think? Israeli Voice Index [Электронный ресурс] // The Israeli Democracy Institute. 03.02.2023. URL: <https://en.idi.org.il/articles/47607> (дата обращения: 21.09.23).

³⁷ לכל מעצי הפשרות וההסכמות... [Ле-холь мецизй ха-пшарот ве-ха-хаскамот...] [Всем предлагающим компромиссы и договорённости...] Post by Itamar Ben Gvir [Электронный ресурс] // Twitter. 18.05.2023. URL: <https://twitter.com/itamarbengvir/status/1615713070420054016> (дата обращения: 21.09.23); נציגי יהדות התורה המליצו על: "העם אמר את דברו". [Нецигей Яхадут ха-Тора химлицу аль Нетаньяху: «Ха-Ам амар эт двро».] [Представители «Яхадут ха-Тора» порекомендовали Нетаньяху: «Народ сказал своё слово».] [Электронный ресурс] // [המחדש](https://hm-news.co.il/322540/). [Ха-Мехадеш.] 10.11.2022. URL: <https://hm-news.co.il/322540/> (дата обращения: 21.09.23).

Существуют более и менее умеренные партии и движения, использующие подобную риторику. Среди них — и центристская «Еш Атид», и правоцентристский «Ликуд», и правый НДИ, и религиозная ШАС, и крайне правые «Религиозный сионизм» и «Оцма Йехудит», появившаяся в качестве игрока на израильской политической арене относительно недавно, однако зарекомендовавшая себя как один из её наиболее радикальных элементов.

Особенность большинства израильских правопопулистских партий заключается в том, что они не пытаются бороться с демократической системой как таковой и не планируют её разрушать. В то же время они видят демократию в Израиле не так же, как центристы и левые. *Во-первых*, еврейский характер государства для них важнее его демократического устройства. *Во-вторых*, они фактически выступают за мажоритарную демократию с полным исключением какой бы то ни было реализации национальных прав израильских арабов и палестинцев. В качестве значимого шага на этом пути они рассматривают снижение роли неизбираемого Верховного суда и, соответственно, повышение — избираемого Кнессета, что в израильских условиях означает также рост влияния правительства.

Израильский политический кризис, формально закончившийся с успешным формированием нового правительства Б. Нетаньяху в конце 2022 года, на деле продолжился, лишь изменив форму и вылившись в массовые и длительные акции

протеста. Популистский характер заявлений представителей коалиции, объединившихся в борьбе против современной роли израильской судебной системы, отражает специфику входящих в неё партий. Праворелигиозный состав нового кабинета, наличие в нём представителей идеологии поселенческого движения создают условия, в которых «Ликуд» оказывается наиболее умеренным его элементом.

Будучи пропорционально не репрезентативной по отношению и к этноконфессиональной, и к социальной структуре населения страны, коалиция не только не представляет и не реализует интересы и запросы значительной его части, но и вступает с ними в ценностный конфликт. Это во многом является квинтэссенцией тех противоречий, которые существуют и внутри израильского общества в целом, и между различными составляющими его группами, и в полной мере отражает их глубину.

В то время как долгосрочная устойчивость демократической системы Государства Израиль (какую бы форму она ни приняла) не вызывает сомнений, кризис идентичности, разрешение которого каждая категория граждан видит по-своему, и феномен популизма, который является, с одной стороны, интегральной частью политической системы, а с другой — фактором, хотя и не порождающим, но определённо усугубляющим существующие противоречия, представляют для неё серьёзный вызов. Его преодоление окажется, вероятнее всего, длительным и болезненным процессом.

Список литературы

- Бардин А.Л., Сигачёв М.И. Зелёный дискурс как разновидность нового левого популизма // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. №11. С. 96–105. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-96-105.
- Блинов В.В. Израильский внутриполитический кризис как следствие разобщённости избирателей в условиях парламентской республики // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2020. №2. С. 143–154.
- Брилевская Я.С. Демократия по-израильски: есть ли поводы для беспокойства? // *Восточный курьер*. 2023. №2. С. 38–47. DOI: 10.18254/S268684310026689-5.
- Вайнштейн Г.И. Популизм в современной Европе: новые тенденции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. №12. С. 24–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2013-12-24-33.
- Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // *Полис. Политические исследования*. 2017. №4. С. 69–89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06.
- Звягельская И.Д. История Государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012. 359 с.
- Карасова Т.А., Ханин В.(З.) Израильский парламентаризм в XXI в.: электоральный сбой или кризис системы? // *Восток (Oriens)*. 2022. №3. С. 124–134. DOI: 10.31857/S086919080020267-0.

- Осколков П.В. Правый популизм в Европейском Союзе. М.: Институт Европы РАН, 2019. 164 с.
- Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. №3. С. 19–33. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-19-33.
- Сигачёв М.И., Слепцов Э.С., Фадеев Э.В. Новый правый популизм: тенденции и перспективы на примере ряда европейских государств (Италии, Франции, Германии, Австрии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. №3. С. 458–474. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474.
- Соколышник Л.М. Американский консерватизм и вызов популизма: теоретический и идеологический аспекты // Полис. Политические исследования. 2021. №1. С. 78–93. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.06.
- Соколышник Л.М. Мейнстримные и популистские политические стратегии по выходу из системного глобального кризиса: случай США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. №4. С. 73–95. DOI: 10.31857/S268667300014340-4.
- Al-Haj M. Identity Patterns among Immigrants from the Former Soviet Union in Israel: Assimilation vs. Ethnic Formation // International Migration. 2002. Vol. 40. No. 2. P. 49–70. DOI: 10.1111/1468-2435.00190.
- Bartels L.M. Democracy Erodes from the Top: Leaders, Citizens, and the Challenge of Populism in Europe. Princeton: Princeton University Press, 2023. 270 p.
- Barzilai G., Shain Y. Israeli Democracy at the Crossroads: A Crisis of Non-governability // Government and Opposition. 1991. Vol. 26. No. 3. P. 345–367. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1991.tb01146.x.
- Ben-Porat G., Filc D. Remember to be Jewish: Religious Populism in Israel // Politics and Religion. 2022. No. 15. P. 61–84. DOI: 10.1017/S1755048320000681.
- Canovan M. Populism for political theorists? // Journal of Political Ideologies. 2004. Vol. 9. No. 3. P. 241–252. DOI: 10.1080/1356931042000263500.
- Canovan M. Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy // Political Studies. 1999. Vol. 47. No. 1. P. 2–16. DOI: 10.1111/1467-9248.00184.
- Chowers E. Israel and Its Doppelgänger: Reflections on Regime Change // Israel Studies. 2023. Vol. 28. No. 3. P. 19–33. DOI: 10.2979/is.2023.a903070.
- Filc D. Populism in the Middle East // Handbook on Global Populism / ed. By C. de la Torre. London: Routledge, 2019. P. 385–401.
- Filc D. The Political Right in Israel: Different Faces of Jewish Populism. New York: Routledge, 2010. 168 p.
- Hazan Y.R. Parties and the Party System of Israel // The Oxford Handbook of Israeli Politics and Society / ed. by R. Y. Hazan, A. Dowty, M. Hofnung, G. Rahat. New York: Oxford University Press, 2021. P. 351–366. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190675585.013.21_update_001.
- Jansen R.S. Populist Mobilization: A New Theoretical Approach to Populism // Sociological Theory. 2011. Vol. 29. No. 2. P. 75–96. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2011.01388.x.
- Laclau Ernesto. On Populist Reason. London: Verso, 2005. 276 p.
- Leslie J.G. Netanyahu's Populism: An Overlooked Explanation for Israeli Foreign Policy // SAIS Review of International Affairs. 2017. Vol. 37. No. 1. P. 75–82. DOI: 10.1353/sais.2017.0006.
- Maor M., Sulitzeanu-Kenan R., Chinitz D. When COVID-19, constitutional crisis, and political deadlock meet: the Israeli case from a disproportionate policy perspective // Policy and Society. 2020. Vol. 39. No. 3. P. 442–457. DOI: 10.1080/14494035.2020.1783792.
- March L. Left and Right Populism Compared: The British Case // The British Journal of Politics and International Relations. 2017. Vol. 19. No. 2. P. 1–22. DOI: 10.1177/1369148117701753.
- March L., Mudde C. What's Left of the Radical Left? The European Radical Left After 1989: Decline and Mutation // Comparative European Politics. 2005. No. 3. P. 23–49. DOI: 10.1057/palgrave.cmp.6110052.
- Mark M. From Rule of Law to the Law of the Ruler: The Twofold Upheaval of the Israeli Right // Israel Studies. 2023. Vol. 28. No. 3. P. 4–18. DOI: 10.2979/is.2023.a903079.
- Mudde C. The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy // West European Politics. 2010. Vol. 33. No. 6. P. 1167–1186. DOI: 10.1080/01402382.2010.508901.
- Mudde C. The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. Vol. 39. No. 4. P. 541–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
- Mudde C., Kaltwasser C.R. Populism: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2017. 131 p.
- Müller J.-W. What is Populism? Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016. 124 p.
- Neuberger B. From Liberal Democracy to Ethnocracy: Different Conceptions of Israel's Democracy // Handbook of Israel: Major Debates / ed. by E. Ben-Rafael, J.H. Schoeps, Y. Sternberg, O. Glöckner. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2016. P. 705–740.
- Populism in Europe and the Americas: Threat or Corrective for Democracy? / ed. by C. Mudde, C.R. Kaltwasser. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 257 p.

- Rivero Á. Populism and Democracy in Europe // *Routledge Handbook on Global Populism* / ed. by C. de la Torre. New York: Routledge, 2019. P. 281–294.
- Rooduijn M. What unites the voter bases of populist parties? Comparing the electorates of 15 populist parties // *European Political Science Review*. 2018. No. 10. P. 351–368. DOI: 10.1017/S1755773917000145.
- Shapira A. Political History of Israel // *The Oxford Handbook of Israeli Politics and Society* / ed. by R.Y. Hazan, A. Dowty, M. Hofnung, G. Rahat. New York: Oxford University Press, 2021. P. 73–88. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190675585.013.5.
- de la Torre C. Global Populism: Histories, Trajectories, Problems, and Challenges // *Routledge Handbook on Global Populism* / ed. by C. de la Torre. New York: Routledge, 2019. P. 1–27.
- Smooha S. Israeli Democracy: Civic and Ethnonational Components // *Handbook of Israel: Major Debates* / ed. by E. Ben-Rafael, J. H. Schoeps, Y. Sternberg, O. Glöckner. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2016. P. 672–690.
- The Elections in Israel, 2019–2021 / ed. by M. Shamir, G. Rahat. London: Routledge, 2022. 306 p.
- Waxman D. Is Israeli Democracy in Danger? // *Current History*. 2016. Vol. 115. No. 785. P. 360–362. DOI: 10.1525/curh.2016.115.785.360.
- Weiss Y.N., Tenenboim-Weinblatt K. Israel: Right-Wing Populism and Beyond // *Populist Political Communication in Europe* / ed. by T. Aalberg, F. Esser, C. Reinemann, J. Strömbäck, C.H. de Vreese. New York: Routledge, 2017. P. 207–220.
- Yiftachel O. *Ethnocracy: Land and Identity Politics in Israel/Palestine*. Philadelphia: Pennsylvania University Press, 2006. 350 p.

POLITICAL CRISIS AND RIGHT-WING POPULISM ISRAEL AS A CASE STUDY

LIUDMILA SAMARSKAIA

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Russia

Abstract

The Israeli democratic system is facing a serious crisis. After five rounds of parliamentary elections within three and a half years, Benjamin Netanyahu was able to forge a relatively strong coalition in late 2022. The political instability, however, did not end and instead morphed into widespread protests against the new cabinet seeking to pass a judicial reform. The meltdown is accompanied by incessant populist rhetoric stemming from Israeli right-wing parties which formed the coalition. Populism is inherent in a great number of countries around the globe. Israel is no exception in this regard. The phenomenon has been gradually taking a central place in its political arena since the 1970s. Currently, most major Israeli parties have certain populist elements in their rhetoric. This is in many ways a consequence of the heterogeneity of Israeli society and a plethora of its intersectoral contradictions. They have constituted an integral part of the state from its inception only to grow deeper. The unresolved Israeli-Palestinian conflict is an additional contributing factor. Right-wing populist parties possess a lot of traits that resemble similar movements in other countries, but at the same time are defined by their own specific features. In particular, they often combine inclusionary and exclusionary populism. By “us” these movements imply mainly the

The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development. (Agreement № 075-15-2020-783).

Jews and counterpose themselves to the Arab population in the country, as well as non-Jewish migrants. They also prioritize the Jewish character of the state over the democratic one, though without denying the importance of democratic structures. Concurrently, right-wing populist actors envisage their implementation in a different way. Even if they are not the reason for the parliamentary crisis in Israel, they still exacerbate it instigating further escalation in already considerable intersectoral tensions and narrowing opportunities for dialogue with other political actors.

Keywords:

right-wing populism; democracy; Israel; political crisis; judicial reform

References

- Al-Haj M. (2002). Identity Patterns among Immigrants from the Former Soviet Union in Israel: Assimilation vs. Ethnic Formation. *International Migration*. Vol. 40. No. 2. P. 49–70. DOI: 10.1111/1468-2435.00190.
- Bardin A. L., Sigachev M. I. (2020). Zelenyy diskurs kak raznovidnost' novogo levogo populizma [The Green Discourse as a Type of New Left Populism]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No. 11. P. 96–105. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-96-105.
- Bartels L. M. (2023). *Democracy Erodes from the Top: Leaders, Citizens, and the Challenge of Populism in Europe*. Princeton: Princeton University Press. 270 p.
- Barzilai G., Shain Y. (1991). Israeli Democracy at the Crossroads: A Crisis of Non-governability. *Government and Opposition*. Vol. 26. No. 3. P. 345–367. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1991.tb01146.x.
- Ben-Porat G., Filc D. (2022). Remember to be Jewish: Religious Populism in Israel. *Politics and Religion*. No. 15. P. 61–84. DOI: 10.1017/S1755048320000681.
- Blinov V. V. (2020). Izrail'skiy vnutripoliticheskiy krizis kak sledstvie razobshchennosti izbirateley v usloviyah parlamentskoy respubliki [Israeli Domestic Political Crisis as a Result of Dissolution of Voters in the Conditions of Parliamentary Republic]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. No. 2. P. 143–154.
- Brilevskaya Ya. S. (2023). Demokratiya po-izrail'ski: est' li povody dlja bespokojstva? [Democracy in Israel: Are There Any Reasons for Concern?] *Vostochnyy Kur'er*. No. 2. P. 38–47. DOI: 10.18254/S268684310026689-5.
- Canovan M. (2004). Populism for political theorists? *Journal of Political Ideologies*. Vol. 9. No. 3. P. 241–252. DOI: 10.1080/1356931042000263500.
- Canovan M. (1999). Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy. *Political Studies*. Vol. 47. No. 1. P. 2–16. DOI: 10.1111/1467-9248.00184.
- Chowers E. (2023). Israel and Its Doppelgänger: Reflections on Regime Change. *Israel Studies*. Vol. 28. No. 3. P. 19–33. DOI: 10.2979/is.2023.a903070.
- Filc D. (2019). Populism in the Middle East. In C. de la Torre (ed.) *Handbook on Global Populism*. London: Routledge, 2019. P. 385–401.
- Filc D. (2010). *The Political Right in Israel: Different Faces of Jewish Populism*. New York: Routledge. 168 p.
- Hazan Y. R. (2021). Parties and the Party System of Israel. In R. Y. Hazan, A. Dowty, M. Hofnung, G. Rahat (eds.) *The Oxford Handbook of Israeli Politics and Society*. New York: Oxford University Press. P. 351–366. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190675585.013.21_update_001.
- Jansen R. S. (2011). Populist Mobilization: A New Theoretical Approach to Populism. *Sociological Theory*. Vol. 29. No. 2. P. 75–96. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2011.01388.x.
- Karasova T. A., Khanin V. (Z.) (2022). Izrail'skiy parlamentarizm v XXI v.: elektoral'nyy sbory ili krizis sistemy? [Israeli Parliamentarism in XXI Century: Electoral Failure or System Crises?]. *Vostok (Oriens)*. No. 3. P. 124–134. DOI: 10.31857/S086919080020267-0.
- Laclau E. (2005). *On Populist Reason*. London: Verso. 276 p.
- Leslie J. G. (2017). Netanyahu's Populism: An Overlooked Explanation for Israeli Foreign Policy. *SAIS Review of International Affairs*. Vol. 37. No. 1. P. 75–82. DOI: 10.1353/sais.2017.0006.
- Maor M., Sulitzeanu-Kenan R., Chinitz D. (2020). When COVID-19, constitutional crisis, and political deadlock meet: the Israeli case from a disproportionate policy perspective. *Policy and Society*. Vol. 39. No. 3. P. 442–457. DOI: 10.1080/14494035.2020.1783792.
- March L. (2017). Left and Right Populism Compared: The British Case. *The British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 19. No. 2. P. 1–22. DOI: 10.1177/1369148117701753.
- March L., Mudde C. (2005). What's Left of the Radical Left? The European Radical Left After 1989: Decline and Mutation. *Comparative European Politics*. No. 3. P. 23–49. DOI: 10.1057/palgrave.cep.6110052.
- Mark M. (2023). From Rule of Law to the Law of the Ruler: The Twofold Upheaval of the Israeli Right. *Israel Studies*. Vol. 28. No. 3. P. 4–18. DOI: 10.2979/is.2023.a903079.

- Mudde C. (2010). The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy. *West European Politics*. Vol. 33. No. 6. P. 1167–1186. DOI: 10.1080/01402382.2010.508901.
- Mudde C. (2004). The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. Vol. 39. No. 4. P. 541–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
- Mudde C., Kaltwasser C. R. (2017). *Populism: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press. 131 p.
- Mudde C., Kaltwasser C. R. (eds.). (2012). *Populism in Europe and the Americas: Threat or Corrective for Democracy?* Cambridge: Cambridge University Press. 257 p.
- Müller J.-W. (2016). *What is Populism?* Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 124 p.
- Neuberger B. (2016). From Liberal Democracy to Ethnocracy: Different Conceptions of Israel's Democracy. In E. Ben-Rafael, J. H. Schoeps, Y. Sternberg, O. Glöckner (eds.) *Handbook of Israel: Major Debates*. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg. P. 705–740.
- Oskolkov P. V. (2019). *Pravyy populizm v Evropeyskom Soyuze* [Right-Wing Populism in the European Union]. Moscow: Institut Evropy RAN. 164 p.
- Oskolkov P. V., Tevdoy-Burmuli A. I. (2018). Evropeyskiy pravyy populizm i natsionalizm: k voprosu o sootnoshenii funktsionala [European Right-Wing Populism and Nationalism: The Question of Functionality Relationship]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. No. 3. P. 19–33. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-19-33.
- Rivero Á. (2019). Populism and Democracy in Europe. In C. de la Torre *Routledge Handbook on Global Populism*. New York: Routledge. P. 281–294.
- Rooduijn M. (2018). What unites the voter bases of populist parties? Comparing the electorates of 15 populist parties. *European Political Science Review*. No.10. P. 351–368. DOI: 10.1017/S1755773917000145.
- Shapira A. (2021). Political History of Israel. In R. Y. Hazan, A. Dowty, M. Hofnung, G. Rahat (eds.). *The Oxford Handbook of Israeli Politics and Society*. New York: Oxford University Press. P. 73–88. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190675585.013.5.
- de la Torre C. (2019). Global Populism: Histories, Trajectories, Problems, and Challenges. In C. de la Torre (ed.). *Routledge Handbook on Global Populism*. New York: Routledge. P. 1–27.
- Shamir M., Rahat G. (eds.) (2022). *The Elections in Israel, 2019–2021*. London: Routledge. 306 p. DOI: 10.4324/9781003267911.
- Sigachev M. I., Sleptsov E. S., Fadeev E. V. (2020). Novyy pravyy populizm: tendentsii i perspektivy na primere ryada evropeyskikh gosudarstv (Italii, Frantsii, Germanii, Avstrii) [New Right-Wing Populism: Tendencies and Prospects on the Example of Some European States (Italy, France, Germany, Austria)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seria: Politologiya*. Vol. 22. No. 3. P. 458–474. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474.
- Smootha S. (2016). Israeli Democracy: Civic and Ethnonational Components. In E. Ben-Rafael, J.H. Schoeps, Y. Sternberg, O. Glöckner (eds.). *Handbook of Israel: Major Debates*. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg. P. 672–690.
- Sokolshchik L. M. (2021). Amerikanskiy konservatizm i vyzov populizma: teoreticheskiy i ideologicheskii aspekty [American Conservatism and the Challenge of Contemporary Populism: Theoretical and Ideological Aspects]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 1. P. 78–93. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.06.
- Sokolshchik L. M. (2021). Meynstrimnye i populistskie politicheskie strategii po vykhodu iz sistemnogo global'nogo krizisa: sluchay SShA [Mainstream and Populist Political Strategies to Emerge from the Global Systemic Crisis: The Case of the United States]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura*. Vol. 51. No. 4. P. 73–95. DOI: 10.31857/S268667300014340-4.
- Vainshtein G. I. (2013). Populizm v sovremennoy Evrope: novye tendentsii [Populism in Contemporary Europe: New Trends]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 12. P. 24–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2013-12-24-33.
- Vainshtein G. I. (2017). Sovremennyy populizm kak ob'ekt politologicheskogo analiza [Modern Populism as a Subject of Political Science]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 4. P. 69–89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06.
- Waxman D. (2016). Is Israeli Democracy in Danger? *Current History*. Vol. 115, No. 785. P. 360–362. DOI: 10.1525/curh.2016.115.785.360.
- Weiss-Yaniv N., Tenenboim-Weinblatt K. (2017). Israel: Right-Wing Populism and Beyond. In T. Aalberg, F. Esser, C. Reinemann, J. Strömbäck, C. H. de Vreese (eds.). *Populist Political Communication in Europe*. New York: Routledge. P. 207–220.
- Yiftachel O. (2006). *Ethnocracy: Land and Identity Politics in Israel/Palestine*. Philadelphia: Pennsylvania University Press. 350 p.
- Zvyagel'skaya I. D. (2012). *Istoriya Gosudarstva Izrail'* [The History of the State of Israel]. Moscow: Aspekt Press. 359 p.

ГИПЕРЗВУКОВЫЕ ВООРУЖЕНИЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

АЛЕКСАНДР ЧЕКОВ

СОФЬЯ БАБКИНА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Гиперзвуковые ударные системы стали одним из ключевых направлений развития наступательных вооружений. В исследовательской литературе существует две точки зрения относительно перспектив их влияния на военно-стратегическую ситуацию. Согласно первой, гиперзвуковые вооружения представляют собой революционную технологию, в то время как вторая исходит из положения о том, что они являются эволюционным развитием наступательных систем. Цель работы заключается в установлении специфики и пределов влияния гиперзвуковых вооружений на существующий военно-стратегический баланс. В статье рассматриваются проблемы классификации гиперзвуковых вооружений, их роль и место в военной стратегии, а также эволюция и перспективы развития гиперзвуковых программ России, США и КНР. Авторы приходят к выводу, что преимущества гиперзвуковых вооружений не могут быть автоматически конвертированы в гарантию победы в крупномасштабном конфликте и в значительной степени доступны другим ударным системам, основанным на менее передовых технологических решениях. Ключевой сценарий, при котором преимущества гиперзвуковых вооружений могут быть реализованы в наибольшей степени, — ограниченный конфликт, где они используются для внезапного поражения высокозащищённых приоритетных целей и установления господства на театре военных действий. Об этом свидетельствуют программы развития гиперзвуковых потенциалов ведущих держав: России, США и Китая, — каждая из которых в той или иной степени тяготеет к разработке систем средней и малой дальности. При этом последствия разворачивающейся гонки гиперзвуковых вооружений для стратегической стабильности представляются неоднозначными. С одной стороны, передовое базирование таких систем увеличивает риски эскалации; сокращение полётного времени до объектов стратегической инфраструктуры противника стимулирует его к принятию более агрессивных доктрин возмездия, основанных на принципе встречного, а не ответного удара. С другой стороны, наличие у обеих сторон гиперзвуковых вооружений в рамках одного театра военных действий ведёт к усилению их взаимной уязвимости и тем самым может сыграть стабилизирующую роль.

Ключевые слова:

гиперзвуковые вооружения; ракетно-планирующие системы; гиперзвуковые планирующие блоки, планирующие крылатые блоки; гиперзвуковые крылатые ракеты; Соединённые Штаты; Россия; Китай; военно-стратегический баланс; стратегическая стабильность.

К началу второго десятилетия XXI века разработка гиперзвуковых ударных систем превратилась в одно из ключевых направ-

лений развития наступательных вооружений. В исследовательской литературе прослеживаются две ключевые точки зрения

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2023

Дата принятия к публикации: 19.06.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: babkina.s.k@my.mgimo.ru

относительно перспектив их влияния на военно-стратегическую ситуацию. Первая сводится к позиционированию гиперзвуковых вооружений в качестве *революционной технологии*; её сторонники считают, что развёртывание таких систем открывает возможности для нанесения по противнику так называемого обезоруживающего¹ или обезглавливающего² удара [Борисов 2020: 25; Rautenbach 2020: 63; Караганов, Суслов 2019: 24; Renu 2020: 47]³.

Вторая исходит из положения о том, что гиперзвуковые ударные системы являются лишь *очередным этапом эволюции наступательных вооружений*, а не средством достижения стратегического превосходства. Её приверженцы сходятся во мнении, что осуществление успешного превентивного стратегического удара связано с необходимостью преодоления большого числа фундаментальных проблем, решением которых гиперзвук не является [Арбатов 2020: 13–15]⁴. Как следствие, развёртывание подобных систем не влечёт за собой рисков радикального слома существующего военно-стратегического баланса⁵.

Цель данной работы — *установить специфику и пределы влияния гиперзвуковых вооружений на военно-стратегический баланс*. Её решение предполагает рассмотрение проблемы классификации гиперзвуковых вооружений, определение специ-

фики их боевого потенциала, а также анализ программ развития гиперзвуковых потенциалов ведущих военных держав — США, России и Китая.

Проблема классификации гиперзвуковых вооружений

В дискуссиях относительно гиперзвуковых вооружений присутствует терминологическая путаница. Отчасти она вызвана тем, что способность преодолевать гиперзвуковой барьер (то есть развивать скорость, более чем в пять раз превышающую скорость звука, или выше 5 чисел Маха, 5М) является свойством, доступным различным типам боевых систем. Исследователь К. Богданов справедливо отмечает, что такие вооружения имеют «неодинаковый потенциал и особенности боевого применения, используют технологии различной степени зрелости, по-разному влияют на стратегическую стабильность» [Богданов 2020: 49]. В этой связи наиболее обоснованным подходом является определение круга различных боевых систем, классифицируемых в качестве гиперзвуковых вооружений в противовес выделению отдельной холистической категории «гиперзвукового оружия».

В литературе выделяют три ключевых подхода к такому определению. Первый из них основывается на том, что гиперзвуковым является *любой объект, движущийся*

¹ В контексте теории ядерной войны стратегия «обезоруживающего удара» (disarming strike) подразумевает предотвращение удара возмездия путём упреждающего поражения стратегических сил противника.

² В контексте теории ядерной войны стратегия «обезглавливающего удара» (decapitation strike) подразумевает предотвращение удара возмездия путём упреждающего выведения из строя руководящих структур противника.

³ Козюлин В.Б. Всемирный забег на гиперзвуковую скорость // РСМД. 18.06.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vsemirnyy-zabeg-na-giperzvukovuyu-skorost/> (дата обращения: 09.03.2023); Хазбиев А. Тайна спокойного сна // Эксперт. 2016. № 3 (371). С. 45 (С. 44–49); Deptula D. Hypersonic Weapons Could Transform Warfare. The U.S. Is Behind // Forbes. 2018. October 5. URL: <https://www.forbes.com/sites/davedeptula/2018/10/05/faster-than-a-speeding-bullet/> (accessed: 09.03.2023).

⁴ Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. По-быстрому не получится: могущество неядерных крылатых ракет иллюзорно // Военно-промышленный курьер. 19.10.2015. URL: <https://vpk-news.ru/articles/27617> (дата обращения: 09.03.2023).

⁵ Дворкин В. Гиперзвуковые угрозы: необходимость реалистической оценки // Московский центр Карнеги. 03.03.2016. URL: <https://carnegie.ru/2016/03/03/ru-pub-62951> (дата обращения: 09.03.2023); Raitasalo J. Hypersonic Weapons are No Game-Changer // The National Interest. 2019. January, 5. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/hypersonic-weapons-are-no-game-changer-40632> (accessed: 09.03.2023).

со скоростью выше $5M^6$. В соответствии с этим принципом в данную категорию попадают все оружейные системы, использование которых связано с преодолением гиперзвукового барьера. Такой подход является наименее распространённым в силу низкой аналитической ценности: сведение ему предполагает сведение в одну категорию широкой номенклатуры оружия на основе свойства, далеко не всегда являющегося определяющим в формировании боевого потенциала. К примеру, в неё попадают как первая баллистическая ракета (БР) Фау-2, созданная ещё в середине 1940-х годов и считающаяся первой боевой системой, преодолевшей гиперзвуковой барьер⁷, так и современный экспериментальный релсотрон, снаряды которого в полёте достигают гиперзвуковых скоростей. В первом случае способность к преодолению гиперзвукового барьера стоит рассматривать главным образом как примечательный факт, не имеющий решающего значения с точки зрения формирования боевого потенциала, в то время как во втором — как ключевую характеристику, которая может привести к снижению стоимости перехвата высокоскоростных целей в сравнении с использованием противоракет⁸.

Второй подход является более узким и подразумевает только наступательные вооружения, которые способны не просто пре-

одолевать гиперзвуковой барьер, но и осуществлять манёвренный полёт в атмосфере на гиперзвуковых скоростях. Введение критериев наступательности и манёвренности отсекает значительную часть оружейных систем, в первую очередь «традиционные» БР с неуправляемыми боевыми блоками и достигающие гиперзвуковых скоростей оборонительные средства. Руководствуясь этой логикой, разные авторы выделяют до четырёх существующих видов гиперзвуковых вооружений — ракетно-планирующие системы (РПС), гиперзвуковые крылатые ракеты (ГКР), аэробаллистические ракеты (АБР) и БР с управляемыми боевыми блоками (УББ) [Стефанович 2020: 52]⁹. Стоит отметить, что в плане манёвренности между этими системами существуют серьёзные различия. К примеру, РПС предпринимает широкие манёвры на большей части траектории полёта, в то время как БР с УББ способна лишь к ограниченному маневрированию на конечном участке¹⁰.

Наконец, третий подход является наиболее узким и относит к гиперзвуковым вооружениям всего два типа боевых систем — РПС и ГКР. Такой выбор обуславливается не только их более развитой манёвренностью, но и тем, что создание РПС и ГКР сопряжено с разработкой и внедрением новейших технологических решений, позволяющих преодолевать проблемы, связан-

⁶ См., напр.: Davies V. Hypersonic weapons are coming—whether we're ready or not // Australian Strategic Policy Institute. 2021. March, 21. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/hypersonic-weapons-are-coming-whether-were-ready-or-not/> (accessed: 09.03.2023); Stone R. 'National pride is at stake.' Russia, China, United States race to build hypersonic weapons // Science. 2020. January, 8. URL: <https://www.science.org/content/article/national-pride-stake-russia-china-united-states-race-build-hypersonic-weapons> (accessed: 09.03.2023).

⁷ Цыгикало Н. Гиперзвуковая крылатая ракета и её скачки // Коммерсантъ Наука. № 24. 30.09.2020. С. 28. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4501975> (дата обращения: 09.03.2023); Brockmann K., Schiller M. A Matter of Speed? Understanding Hypersonic Missile Systems // Stockholm International Peace Research Institute. 2022. February, 4. URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-background/2022/matter-speed-understanding-hypersonic-missile-systems> (accessed: 09.03.2023).

⁸ Robson S., Kusumoto H. Japan allocates \$56 million toward developing electric railgun for missile defense // Stars and Stripes. 2022. January, 24. URL: https://www.stripes.com/theaters/asia_pacific/2022-01-23/japan-electric-railgun-missile-defense-hypersonic-weapons-4394182.html (accessed: 09.03.2023).

⁹ См. также: Brockmann K., Schiller M.A. Op. cit.; Henry J., Slaars E. Hypersonic Missiles: Evolution or Revolution // Naval News. 2022. November, 1. URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2022/11/hypersonic-missiles-evolution-or-revolution/> (accessed: 09.03.2023).

¹⁰ Подробнее о сходствах и различиях РПС и БР с УББ см.: [Karako, Dahlgren 2022: 9–10].

ные с аэродинамикой, теплозащитой, наведением, навигацией и управлением, возникающие вследствие продолжительных гиперзвуковых перегрузок [Эктон 2014: 80]¹¹. Некоторые авторы прямо отмечают передовой технологический характер РПС и ГКР, противопоставляя их АБР и БР с УББ как средствам предыдущего поколения, которые начали поступать на вооружение ещё в 1980-х годах¹². Другие указывают на то, что выделение только двух видов гиперзвуковых ударных систем является упрощением и в будущем нельзя исключать появления новых вооружений, таких как гиперзвуковые воздушно-космические самолёты или системы частично-орбитального бомбометания (СЧОБ) с гиперзвуковым боевым оснащением [Karako, Dahlgren 2022: 8–10].

В настоящей работе авторы будут придерживаться наиболее узкого понимания гиперзвуковых вооружений, подразумевая под ними только РПС и ГКР. Такой выбор обусловлен тем, что именно они выступают главными объектами рассуждений о «революционных возможностях» гиперзвуковых ударных систем. Для совокупного обозначения боевых систем, классифицируемых в качестве гиперзвуковых согласно второму подходу, в работе будет использоваться термин «высокоскоростные манёвренные вооружения».

Роль и место гиперзвуковых вооружений в военной стратегии

Определение роли и места гиперзвуковых вооружений в военной стратегии требует краткого описания специфики функционирования РПС и ГКР. Первая представляет собой ракету, оснащённую гиперзвуковым планирующим блоком (ГПБ), также называемым планирующим крылатым блоком (ПКБ), или глайдером. Вопреки распространённому мнению, РПС не имеет принципиальных преимуществ перед традиционной БР с точки зрения максимальной скорости; у обоих типов систем она может достигать значений в несколько десятков чисел Маха. К примеру, по словам российского вице-премьера по вопросам военно-промышленного комплекса (2018–2022) Ю. Борисова, в ходе испытаний скорость РПС «Авангард»¹³ достигла значения в 27М¹⁴. В свою очередь, согласно данным Военно-воздушных сил (ВВС) США, скорость американской межконтинентальной БР (МБР) «Минитмен-3» в момент завершения активного участка траектории составляет 23М¹⁵. Аналогичная ситуация и с дальностью, которая для обоих типов систем может варьироваться в диапазоне от нескольких сотен до нескольких тысяч километров.

Ключевые различия между РПС и «традиционной» БР заключаются в профиле

¹¹ См. также: Falcon HTV-2 // Defense Advanced Research Projects Agency. n.d. URL: <https://www.darpa.mil/about-us/timeline/falcon-htv-2> (accessed: 09.03.2023).

¹² См., напр.: Paleja A. Experts say the Russian hypersonic missile Kinzhal is not a 'hypersonic weapon.' Here's why // Interesting Engineering. 2022. August, 24. URL: <https://interestingengineering.com/culture/russias-kinzhal-missile-not-hypersonic> (accessed: 09.03.2023); North Korea's MaRV // Arms Control Wonk. 2022. January, 8. URL: <https://www.armscontrolwonk.com/archive/1214458/north-koreas-marv/> (accessed: 09.03.2023); Majumdar D. Russia Just Fired a Hypersonic Missile from a MiG-31 Fighter. Should America be Worried? // The National Interest. 2018. March, 12. URL: <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/russia-just-fired-hypersonic-missile-mig-31-fighter-should-24871> (accessed: 09.03.2023).

¹³ Необходимо отметить, что в отечественной военной номенклатуре название «Авангард» носит ракетный комплекс, включающий в себя РПС в совокупности с другими функционально и технологически взаимосвязанными техническими средствами. Тем не менее сложилась устойчивая традиция использования названий ракетных комплексов в узком смысле — для обозначения находящихся в их составе ракет с боевым оснащением. В данном исследовании авторы оперируют в рамках соответствующей традиции.

¹⁴ Борисов: испытания комплекса «Авангард» доказали его способность разгоняться до 27 Махов // ТАСС. 27.01.2018. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5958896> (дата обращения: 09.03.2023).

¹⁵ LGM-30G Minuteman III // U.S. Air Force. n.d. URL: <https://www.af.mil/About-Us/Fact-Sheets/Display/Article/104466/lgm-30g-minuteman-iii/> (accessed: 09.03.2023).

полёта и обусловлены разными типами боевого оснащения. «Традиционные» БР движутся по энергетически оптимальной траектории, предполагающей подъём в космос на высоту до нескольких сотен километров в зависимости от расстояния до цели. В случае РПС её ГПБ, получив ускорение и отделившись от ракеты, вместо продолжения баллистического полёта по восходящей траектории остаётся в атмосфере и переходит к аэродинамическому планированию на высотах от 40 до 100 км [Speier et al. 2017: 8].

Планирующая траектория полёта ГПБ позволяет «срезать» расстояние, которое РПС необходимо преодолеть для поражения цели, что, в свою очередь, может способствовать сокращению её полётного времени. Кроме того, низкий апогей позволяет отсрочить момент обнаружения системы вражескими наземными радиолокационными станциями (РЛС) и тем самым уменьшить время, доступное противнику для принятия контрмер. Впрочем, эти особенности могут сыграть как в плюс, так и в минус. Для РПС сокращение полётного расстояния оборачивается увеличением продолжительности контакта с атмосферой Земли и, как следствие, большей подверженностью атмосферным перегрузкам. На больших дистанциях их тормозящий эффект может оказаться столь значительным, что традиционные БР, не испытывающие столь интенсивных и продолжительных перегрузок, в итоге будут обладать

меньшим полётным временем. Кроме того, падение скорости повышает уязвимость ГПБ для перехвата с помощью огневых средств ПРО [Tracy, Wright 2020]¹⁶.

В процессе полёта РПС может предпринимать широкие манёвры как по высоте, так и по курсу¹⁷. Эта особенность дополнительно затрудняет осуществление перехвата как путём усложнения отслеживания и наведения, так и за счёт возможности программирования траектории полёта с учётом обхода известных районов базирования вражеских средств ПРО.

Необходимо отметить, что все вышеперечисленные особенности РПС не являются её уникальными свойствами. *Во-первых*, добиться уменьшения полётного времени можно и в случае традиционной БР путём её направления по настильной траектории [Gronlund, Wright 1992]¹⁸. Такой способ стрельбы также может способствовать отсрочке обнаружения, хотя и не столь выраженной, как в случае РПС¹⁹. *Во-вторых*, способностью маневрировать в процессе полёта обладают уже упоминавшиеся УББ²⁰, использовавшиеся, к примеру, в качестве боевого оснащения американских БР средней дальности «Першинг-2»²¹. Исследователь Дж. Эктон отмечает, что технологии УББ и ГПБ «нельзя назвать фундаментально различающимися: скорее эти системы представляют собой два полюса в спектре технологий доставки управляемых боеголовок» [Эктон 2014: 52; Karako, Dahlgren 2022: 6]²². Таким образом, можно

¹⁶ В теории потерю скорости можно компенсировать за счёт оснащения ГПБ собственной силовой установкой. Однако сегодня такие проекты существуют лишь на уровне концепций с неясными перспективами практической реализации [см., напр.: Фомин, Аульченко, Звегинцев 2010].

¹⁷ Гиперзвуковой планирующий летательный аппарат // Энциклопедия РВСН. н.д. URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=12927 (дата обращения: 09.03.2023).

¹⁸ В данной работе рассматривается возможность занижения траектории БР подводных лодок, однако аналогичные принципы применимы к любым типам БР.

¹⁹ О возможности отсрочки обнаружения пусков БР при занижении их траектории см.: [Lebow 1985: 66; Marsh 1985: 40, 42].

²⁰ Краткое описание принципов функционирования УББ содержится в: [Bunn 1984: 87–107].

²¹ Pershing 2 // Center for Strategic and International Studies' Missile Defense Project. 2021. August, 2. URL: <https://missilethreat.csis.org/missile/mgm-31b-pershing-2/> (accessed: 09.03.2023).

²² Wright D., Tracy C. The Physics and Hype of Hypersonic Weapons // Scientific American. 2021. August, 1. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/the-physics-and-hype-of-hypersonic-weapons/> (accessed: 09.03.2023).

прогнозировать, что в значительной доле потенциальных боевых сценариев преимущества РПС не обязательно будут трансформироваться в существенное улучшение их боевой эффективности в сравнении с другими наступательными системами.

Что касается ГКР, то она представляет собой особый тип крылатой ракеты, оснащённой гиперзвуковым прямоточным воздушно-реактивным двигателем (ГПВРД). Обеспечение подходящих для его работы условий предполагает полёт ГКР на высотах от 20 до 30 км [Spreier et al. 2017: 12], куда она забрасывается с помощью самолёта или ракетного ускорителя. После подъёма и получения предварительного ускорения, позволяющего преодолеть гиперзвуковой барьер, в работу включается уже непосредственно ГПВРД.

С точки зрения скорости эти системы уступают РПС; предположительно максимальная скорость, которую может обеспечивать ГПВРД, составляет около 15М [Curran 2001: 1145]²³. Текущий рекорд скорости полёта гиперзвукового летательного аппарата (ГЛА) с ГПВРД был установлен в ноябре 2004 г. американским экспериментальным ГЛА Х-43А и составляет примерно 11,200 км/ч (9,6М)²⁴.

Так же как и РПС, ГКР способны принимать манёвры в процессе полёта. Вместе с тем необходимость поддержания стабильного притока воздуха в камеру сгорания ГПВРД ограничивает их манёвренный потенциал [Karako, Dahlgren 2022: 8]²⁵. Что касается дальности, то в случае разрабаты-

ваемых сегодня систем она составляет несколько сотен километров. С одной стороны, это мотивировано ограничениями размеров ГКР в связи с необходимостью их размещения на самолётах или боевых кораблях²⁶. С другой — общей технологической незрелостью; по расчётам экспертов, рекорд продолжительности работы ГПВРД в условиях полёта составляет примерно 327 секунд, что при скорости движения около 5М равняется приблизительно 482 км пройденного расстояния²⁷. Теоретически нельзя исключать возможности создания ГКР существенно большей дальности, но только в отдалённой перспективе и при условии преодоления ряда технологических вызовов.

Ключевое преимущество ГКР в сравнении с более простыми дозвуковыми крылатыми ракетами (ДКР) заключается в скорости полёта, позволяющей существенно (в 6–10 раз) сократить подлётное время. В то же время большая высота полёта оборачивается потерей малозаметности: в отличие от ДКР, они не имеют возможности «прижаться» к поверхности земли с тем, чтобы избежать обнаружения. Фактически *происходит размен малозаметности на уменьшение подлётного времени и способность использовать высокую скорость для преодоления вражеских систем ПРО* [Богданов 2020: 53; Богданов 2019: 627–628]. Профили полёта РПС, ГКР и «традиционной» БР показаны на рис. 1.

Общей характеристикой РПС и ГКР выступает высокая точность попадания; в современном военно-политическом дискур-

²³ NASA Fact Sheet: How Scramjets Work // NASA. 2006. February, 9. URL: https://www.nasa.gov/centers/langley/news/factsheets/X43A_2006_5.html (accessed: 09.03.2023).

²⁴ Faster Than a Speeding Bullet: Guinness Recognizes NASA Scramjet // NASA. 2005. June, 20. URL: https://www.nasa.gov/home/hqnews/2005/jun/HQ_05_156_X43A_Guinness.html (accessed: 09.03.2023).

²⁵ How Do Hypersonic Weapons Work? And Your Other Questions Answered // Union of Concerned Scientists. 2021. July, 12. URL: <https://blog.ucsusa.org/ctracy/how-do-hypersonic-weapons-work/> (accessed: 09.03.2023); Tirpak J. The Hypersonics Push // Air & Space Forces Magazine. 2020. April, 1. URL: <https://www.airandspaceforces.com/article/the-hypersonics-push/> (accessed: 09.03.2023).

²⁶ Исследователи К. Брокманн и Д. Стефанович отмечают, что ГКР «представляются особенно подходящими для запуска не только с самолётов, но и с кораблей и подводных лодок, а также на меньшую в сравнении с ГПБ дальность» [Brockmann, Stefanovich 2022: 71].

²⁷ Tirpak J. New HAWC Hypersonic Missile Sets Record for Endurance // Air&Space Forces Magazine. 2022. April, 6. URL: <https://www.airandspaceforces.com/new-hawc-hypersonic-missile-sets-record-for-endurance/> (accessed: 09.03.2023).

Рисунок 1

Схема полета баллистической ракеты, ракетно-планирующей системы и гиперзвуковой крылатой ракеты

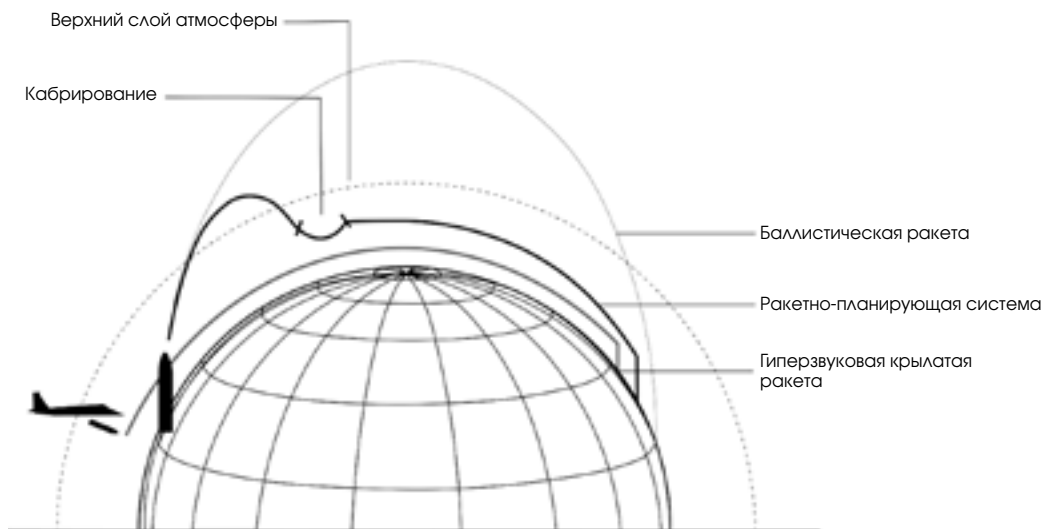

Схема иллюстрирует принцип, но не передает масштаб

Источник: составлено авторами на основе [Эктон 2014: 8].

се их причисляют к «высокоточному оружию» [Савельев, Александрия 2022; Рогов 2021: 580–581; Claire 2019: 7]²⁸. С технической точки зрения её обеспечение, в особенности на больших расстояниях, требует проведения промежуточной корректировки траектории для устранения накапливающихся в процессе полёта навигационных ошибок²⁹. В случае гиперзвуковых систем эта задача приобретает дополнительную сложность, так как во время аэродина-

мического полёта вокруг них образуется облако плазмы, препятствующее прохождению радиосигналов³⁰.

В реальной ситуации выраженность эффекта плазмообразования сильно зависит от скорости и формы объекта. В мае 2020 г. директор Пентагона по гиперзвуковым разработкам М. Уайт заявлял, что его последствия наблюдаются при вхождении в атмосферу «плохообтекаемых тел [таких как спускаемые космические аппараты. – *Авт.*]]»,

²⁸ Stefanovich D. Hypersonic Weapons and Arms Control // Russian International Affairs Council. 2020. April, 6. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/hypersonic-weapons-and-arms-control/> (accessed: 09.03.2023); в Справочнике по терминологии в оборонной сфере Министерства обороны Российской Федерации термин «высокоточное оружие» определяется как «системы и комплексы с оружием в обычном оснащении, включающие в себя носители (средства доставки) и непосредственно высокоточные средства поражения, обеспечивающие избирательное поражение стационарных и подвижных целей одним выстрелом (пуском) с вероятностью не менее 0,5 в любых условиях их боевого применения» (Высокоточное оружие // Справочник по терминологии в оборонной сфере. Б.д. URL: <https://dictionary.mil.ru/dictionary/Terminy-RVSN/item/141617/> (дата обращения: 03.10.2023); также см.: [Stefanovich 2020: 3].

²⁹ Высокоточное оружие (ВТО) // Военный энциклопедический словарь. Б.д. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=12896> (дата обращения: 09.03.2023).

³⁰ См., напр.: Brockmann K., Schiller M. Op. cit.; Арбатов А.Г. Догоняя американцев в работах по гиперзвуку, мы их существенно перегнали // РСМД. 06.03.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/dogonyaya-amerikantsev-v-rabotakh-po-giperzvuku-my-ikh-sushchestvenno-peregнали/> (дата обращения: 09.03.2023).

движущихся на очень больших скоростях³¹, и менее выражены в случае «устойчивого гиперзвукового полёта в пределах атмосферы». Это обстоятельство было учтено при создании современного американского экспериментального ГПБ С-HGV (*Common Hypersonic Glide Body, Общий гиперзвуковой планирующий блок*), спроектированного «относительно обтекаемым и тонким, а также относительно аэродинамически эффективным»³². В ходе испытаний глайдер осуществлял передачу телеметрических данных наземным станциям наблюдения в течение всего полёта³³. Двумя годами ранее президент России В. Путин, характеризуя российскую РПС «Авангард», заявил, что «использование новых композитных материалов позволило решить проблему длительного управляемого полёта планирующего крылатого блока практически в условиях плазмообразования»³⁴.

Таким образом, *преодоление последствий плазмообразования является технически сложной, но решаемой задачей*. В качестве перспективных решений рассматриваются оптимизация формы гиперзвуковых вооружений, нейтрализация влияния плазмы

с помощью магнитного поля, а также снижение её температуры за счёт использования специальных охладителей³⁵. Наконец, альтернативным способом выступает создание гиперзвуковых вооружений в ядерном оснащении, существенно снижающее требования к точности попадания. Вместе с тем такой шаг лишает их универсальности, увеличивая уровень сопутствующего ущерба и создавая дополнительные риски эскалации при нанесении удара.

Стоит отметить возможность воздействия на боевой потенциал гиперзвуковых вооружений с помощью контрмер. Известно, что Россия и США ведут работы по наделению потенциалом перехвата гиперзвуковых целей зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) С-500 и «Иджис» с противоракетами SM-6 [Karako, Dahlgren 2022: 34–40]³⁶. Для поражения ГПБ в фазе планирования (*glide phase*) Вашингтон разрабатывает специализированный перехватчик GRI³⁷. Обсуждается возможность перехвата гиперзвуковых вооружений с помощью перспективных технологий, таких как лазеры, микроволновое излучение или «пылевые» средства³⁸. Разрабатывается и

³¹ На этапе входа в атмосферу скорость спускаемых космических аппаратов американской лунной программы «Аполлон» достигала 36М (см.: Detection and High Resolution Tracking of Vehicles at Hypersonic Velocities // Defense Intelligence Agency. 2020. November, 20. P. 28. URL: <https://www.dia.mil/FOIA/FOIA-Electronic-Reading-Room/FileId/170032/> [accessed: 09.03.2023]).

³² Reim G. Plasma blackout is not a worry for USA's hypersonic missiles: Pentagon // Flight Global. 2020. May, 27. URL: <https://www.flightglobal.com/fixed-wing/plasma-blackout-is-not-a-worry-for-usas-hypersonic-missiles-pentagon/138539.article> [accessed: 09.03.2023].

³³ Ibid.

³⁴ Послание Президента Федеральному Собранию // Kremlin.ru. 01.03.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 09.03.2023).

³⁵ Review of Leading Approaches for Mitigating Hypersonic Vehicle Communications Blackout and a Method of Ceramic Particulate Injection Via Cathode Spot Arcs for Blackout Mitigation // NASA. February 2010. 18 p. URL: <https://ntrs.nasa.gov/api/citations/20100008938/downloads/20100008938.pdf> [accessed: 09.03.2023].

³⁶ Trevithick J. SM-6 Missiles Are America's Only Defense Against Hypersonic Weapons Missile Defense Chief Says // The Drive. 2022. February, 3. URL: <https://www.thedrive.com/the-war-zone/44142/sm-6-missiles-are-americas-only-defense-against-hypersonic-weapons-missile-defense-chief-says> [accessed: 09.03.2023]; Гаврилов Ю. Гиперзвук не долетит: новая система С-500 готова к массовому выпуску // Российская газета. 16.09.2019. URL: <https://rg.ru/2019/09/16/novaia-sistema-s-500-gotova-k-massovomu-vypusku.html> (дата обращения: 09.03.2023).

³⁷ Better oversight and coordination needed for counter hypersonic development // United States Government Accountability Office Report to Congressional Committees. June 2022. P. 11–12 (63 p.). URL: <https://www.gao.gov/assets/730/721348.pdf> [accessed: 09.03.2023].

³⁸ Venable H., Abercrombie C. Muting the Hype over Hypersonics: The Offense-Defense Balance in Historical Perspective // War on the Rocks. 2019. May, 28. URL: <https://warontherocks.com/2019/05/muting-the-hype-over-hypersonics-the-offense-defense-balance-in-historical-perspective/>

проблематика воздействия на их точность за счёт нарушения возможности корректирования траектории с помощью инструментов радиоэлектронной борьбы (РЭБ) [Эктон 2014: 100–102]³⁹.

Другой составляющей уравнения по обеспечению защиты от гиперзвуковых вооружений является модернизация сенсорного потенциала оборонительных систем. В частности, решением проблемы обнаружения пусков и отслеживания гиперзвуковых вооружений в процессе полёта может стать развёртывание высотных воздушных сенсоров, спутниковых средств и загоризонтных РЛС [Karako, Dahlgren 2022: 19–21; Богданов 2020: 53–54]⁴⁰. В США внешние высотные сенсоры выступают ключевым элементом концепций «удалённого пуска» (*launch-on-remote*) и «удалённого перехвата» (*engage-on-remote*), составляющих доктринальную основу развития американского противогиперзвукового потенциала⁴¹. Их реализация предусматривает, что наведение и запуск противоракеты, а также перехват цели и подтверждение её поражения будут осуществляться с опорой на данные внешних космических и воздушных сенсоров⁴². В результате увеличивается количество времени, доступного для осуществления перехвата гиперзвуковых вооружений,

чем если бы пуск противоракеты происходил после их попадания в зону видимости РЛС её ЗРК.

Таким образом, сегодня защита от гиперзвуковых ударных систем не воспринимается в качестве нерешаемой задачи; в будущем меры по её обеспечению могут оказать существенное влияние на их боевую эффективность. Что касается боевого потенциала гиперзвуковых вооружений, то по своей сути он является новым шагом в развитии таких долгоиграющих направлений совершенствования наступательных систем, как сокращение подлётного времени, наращивание манёвренности и увеличение точности.

С учётом текущих трендов можно сделать предварительный вывод о том, что в рамках военной стратегии роль и место гиперзвуковых вооружений будут сводиться главным образом к *обеспечению возможности оперативного и внезапного поражения приоритетных высокозащищённых сухопутных и морских целей (в том числе высококомобильных) в рамках театра военных действий (ТВД)*. В силу ограниченной дальности разрабатываемых ГКР, а также зависимости скорости РПС от дальности полёта такие системы *представляют менее подходящими для поражения целей, требующих*

(accessed: 09.03.2023). Концепция «пылевой защиты» заключается в распылении на траектории движения гиперзвукового объекта облака искусственно созданных твёрдых частиц, способных находиться в атмосфере достаточно длительное время. Соударение с таким облаком вызывает повреждение абляционной обшивки цели и тем самым влечёт потерю управляемости или даже её разрушение из-за недопустимых термомеханических воздействий (см.: [Чеков, Криволапов, Богданов, Стефанович, Климов 2023: 15]).

³⁹ Рамм А., Лавров А., Степовой Б. Заглушат на лету: в РФ разрабатывается оружие против гиперзвуковых ракет // Известия. 22.04.2020. URL: <https://iz.ru/1001269/aleksei-ramm-anton-lavrov-bogdan-stepovoi/zaglushat-na-letu-v-rf-razrabatyvaetsia-oruzhie-protiv-giperzvukovykh-raket> (дата обращения: 09.03.2023).

⁴⁰ Улучшенная РЛС «Контейнер» сможет обнаруживать старт и полёт гиперзвуковых ракет // ТАСС. 21.07.2021. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/11947639> (дата обращения: 09.03.2023).

⁴¹ Tingley B., Trevithick J. Missile Defense Agency Lays Out How It Plans To Defend Against Hypersonic Threats // The Drive. 21.09.2021. URL: <https://www.thedrive.com/the-war-zone/41164/missile-defense-agency-lays-out-how-it-plans-to-defend-against-hypersonic-threats> (accessed: 09.03.2023); Department of Defense Press Briefing on the President's Fiscal Year 2022 Defense Budget for the Missile Defense Agency // Department of Defense. 2021. May, 28. URL: <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/2639375/departament-of-defense-press-briefing-on-the-presidents-fiscal-year-2022-defense/> (accessed: 09.03.2023).

⁴² Подробнее о содержании концепций удалённого пуска и удалённого перехвата и разнице между ними см.: Walsh E. Navy pushes shipboard unmanned systems, lethality upgrades // Military & Aerospace Electronics. 2019. March, 1. URL: <https://www.militaryaerospace.com/unmanned/article/16709664/navy-pushes-shipboard-unmanned-systems-lethality-upgrades> (accessed: 09.03.2023).

нанесения ударов большой⁴³ дальности. Для подтверждения этих выводов необходимо обратиться к анализу процессов развития национальных гиперзвуковых потенциалов России, США и Китая, которые сегодня выступают технологическими лидерами в этой области.

Российский гиперзвук

Первоначальное знакомство со спецификой российских гиперзвуковых разработок может сформировать представление, противоречащее вышеизложенным выводам. На сегодняшний день Россия является *единственным государством, имеющим на вооружении гиперзвуковые системы большой дальности, в частности РПС «Авангард»*. История его разработки восходит ко второй половине 1980-х годов, когда советское руководство искало ответ на развитие американской программы Стратегической оборонной инициативы (СОИ)⁴⁴. 9 февраля 1987 г. постановлением Совета Министров СССР был запущен проект «Альбатрос» по разработке новой МБР и ГПБ для её боевого оснащения⁴⁵.

В 1990-х годах, в силу экономических трудностей, было принято решение сосредоточиться на разработке глайдера, получившего индекс Ю-71⁴⁶, используя в качестве его носителя серийную МБР УР-100Н

УТТХ. В итоге РПС, объединившая в своём составе ГПБ Ю-71 и ракету УР-100Н УТТХ, была принята на вооружение в конце 2019 г. под наименованием «Авангард». В апреле 2022 г. главком Рaketных войск стратегического назначения (РВСН) С. Каракаев заявил о возможности использования Ю-71 в качестве боевого оснащения новейшей российской МБР «Сармат», отметив её способность нести сразу несколько таких ГПБ⁴⁷.

Многие западные эксперты, признавая передовой характер РПС «Авангард», отмечали, что она не усиливает российский стратегический наступательный потенциал, который и так является достаточным для преодоления текущих и прогнозируемых возможностей американской ПРО [Woolf 2022: 25]⁴⁸. Характеризуя существующий ракетно-ядерный баланс России и США, академик А. Арбатов отмечает, что «ни одна из двух сторон не имеет возможности в реалистически вообразимых условиях нанести первый ядерный удар, который настолько обезоружит противника, что позволит отразить его ослабленный ответный удар с помощью систем стратегической обороны (ПРО и ПВО)» [Арбатов 2021: 342].

Из вышеказанного можно сделать вывод, что *решение о принятии на вооружение РПС «Авангард» выходило за рамки логики*

⁴³ В настоящей работе понятие «большая дальность» понимается как расстояние, превышающее 5500 км. См.: *Темнов В.Н.* Ракета // Военная энциклопедия: В 8 т. / Председатель Главной редакционной комиссии С.Б. Иванов. Т. 7. Продовольственная служба — Таджикистан. М.: Воениздат, 2003. С. 161 [735 с.].

⁴⁴ История создания ракетного комплекса «Авангард» // ТАСС. 26.12.2018. URL: <https://tass.ru/info/5955357> (дата обращения: 09.03.2023).

⁴⁵ Создатель «Авангарда» Герберт Ефремов: «Летать надо высоко» // Аргументы и факты. 22.09.2020. URL: https://aif.ru/society/science/sozdatel_avangarda_gerbert_efremov_letat_nado_vysoko (дата обращения: 09.03.2023); *Ширакорад А.Б.* Главное достижение Герберта Ефремова // Независимое военное обозрение. 01.10.2020. URL: https://nvo.ng.ru/nvo/2020-10-01/7_1111_efremov.html (дата обращения: 09.03.2023); История создания ракетного комплекса «Авангард» // ТАСС. 26.12.2018. URL: <https://tass.ru/info/5955357> (дата обращения: 09.03.2023).

⁴⁶ *Сокирко В.* Непобедимое оружие Путина. Кто не спрятался — «Авангард» не виноват // Аргументы и факты. 21.12.2022. URL: https://aif.ru/politics/world/nepobedimoe_oruzhie_putina_kto_ne_spryatalsya_avangard_ne_vinovat (дата обращения: 09.03.2023).

⁴⁷ РВСН: ракета «Сармат» может нести несколько блоков «Авангард» // РИА Новости. 24.04.2022. URL: <https://ria.ru/20220424/sarmat-1785181058.html> (дата обращения: 09.03.2023).

⁴⁸ См. также: *Warren S.* Avangard and Transatlantic Security // Center for Strategic and International Studies. 2020. September, 23. URL: <https://www.csis.org/blogs/post-soviet-post-avangard-and-transatlantic-security> (accessed: 09.03.2023); *Kofman M.* Russia's Avangard Hypersonic Boost-Glide System // Russian Military Analysis. 2019. January, 11. URL: <https://russianmilitaryanalysis.wordpress.com/2019/01/11/russias-avangard-hypersonic-boost-glide-system/> (accessed: 09.03.2023).

получения немедленных военно-стратегических преимуществ. Судя по всему, оно имело более сложную и многосоставную мотивацию, сочетавшую такие факторы, как обострённое восприятие рисков, связанных с неограниченным развитием американской ПРО, необходимость развития полученного научно-технического задела и связанное с этим стремление обрести опыт практической эксплуатации гиперзвуковых систем, желание усилить позиции в рамках диалога с США по контролю над вооружениями, нецелесообразность дальнейшего продления сроков эксплуатации МБР предыдущего поколения, стремление укрепить потенциал поражения отдельных высокозащищённых стратегических объектов и другие. Оценивая же «Авангард» в военно-стратегическом ключе, уместно привести высказывание американского аналитика М. Кофмана о нём как о «специализированном потенциале с очень узким набором миссий и целей»⁴⁹.

Помимо «Авангарда» Россия также реализует ряд других программ в области высокоскоростных манёвренных вооружений. В декабре 2017 г. на опытно-боевое дежурство была поставлена АБР «Кинжал»⁵⁰.

Продолжаются испытания морской ГКР «Циркон»⁵¹, разрабатываемой как минимум с начала 2010-х годов⁵². По имеющимся данным, дальность «Кинжала» составляет около 2000 км⁵³, «Циркона» — 1500 км⁵⁴. Летом 2022 г. появились сообщения о работе над новой противокорабельной РПС наземного базирования «Змеевик»⁵⁵. Её дальность нигде не указывается напрямую, но, по экспертным оценкам, может составлять до 4000 км⁵⁶. Военный обозреватель Д. Литовкин отмечает, что «Змеевик» может являться подвижно-грунтовым ракетным комплексом (ПГРК), основывающимся на мобильной МБР РС-26 «Рубеж» и имеющим боевое оснащение, похожее или аналогичное «Авангарду»⁵⁷.

Дальность всех трёх систем — «Кинжала», «Циркона» и «Змеевика» — позволяет сделать вывод о том, что в *части разработки высокоскоростных манёвренных вооружений, в том числе гиперзвуковых, Россия демонстрирует постепенный крен в сторону систем для применения на ТВД*. В этом контексте и с учётом возможной преемственности между «Змеевиком» и «Авангардом» последний представляется своего рода предварительной работой на пути к ста-

⁴⁹ Kofman M. Beyond the Hype of Russia's Hypersonic Weapons // The Moscow Times. 2020. January, 16. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2020/01/15/russias-hypersonic-weapons-a68907> (accessed: 09.03.2023).

⁵⁰ Послание Президента Федеральному Собранию // Kremlin.ru. 01.03.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 09.03.2023).

⁵¹ Исследователи К. Брокманн и Д. Стефанович отмечают отсутствие официальной информации о типе силовой установки ГКР «Циркон» [Brockmann, Stefanovich 2022: 7, 10], что не позволяет однозначно утверждать, что в этом качестве используется именно ПГВРД.

⁵² Эффективное ударное средство // Армейский сборник. 09.01.2023. URL: <https://army.ric.mil.ru/StatItem/460760/> (дата обращения: 09.03.2023).

⁵³ Послание Президента Федеральному Собранию // Kremlin.ru. 01.03.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 09.03.2023).

⁵⁴ Надводная гиперзвуковая ракета «Циркон» может стрелять на дальность до 1500 км // ТАСС. 27.02.2022. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/13889279> (дата обращения: 09.03.2023).

⁵⁵ Стефанович Д. Что известно о новой гиперзвуковой баллистической ракете «Змеевик» // Профиль. 30.09.2022. URL: <https://profile.ru/military/chto-izvestno-o-novoj-giperzvukovoj-ballisticheskoy-rakete-zmeevik-1169223/> (дата обращения: 09.03.2023). В сентябре 2023 г. ТАСС сообщал, что разработка ракеты «Змеевик» была приостановлена. Официального подтверждения этой информации не поступало (см.: Источник сообщил о приостановке разработки ракеты «Змеевик» // ТАСС. 23.09.2023. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/18823643> [дата обращения: 04.10.2023]).

⁵⁶ Для ВМФ РФ разрабатывают баллистическую ракету «Змеевик» // ТАСС. 12.07.2022. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/15188365> (дата обращения: 09.03.2023).

⁵⁷ Литовкин Д. Достать авианосец в любой точке: что может представлять из себя новая ракета «Змеевик» // ТАСС. 14.07.2022. URL: <https://tass.ru/opinions/15213509> (дата обращения: 09.03.2023).

новлению российского гиперзвукового потенциала средней⁵⁸ дальности. С военной точки зрения такие системы способны укрепить российские возможности по нанесению дальних ударов⁵⁹ по различным целям, расположенным по периметру её границ. В контексте нынешнего обострения напряжённости такими целями представляются военные объекты НАТО в Европе, а также силы американского военно-морского флота.

Американский гиперзвук

Истоки современного этапа развития американских гиперзвуковых разработок восходят к началу 2000-х годов. В мае 2003 г. американские ВВС подготовили Обоснование необходимости обретения потенциала (*Mission Need Statement*) «быстрого глобального удара» (БГУ; *Prompt Global Strike*) для неядерного поражения «высокоприоритетных целей в условиях одного или нескольких театров военных действий ... в сроки, сокращённые с недель и дней до часов и минут даже в условиях, когда вооружённые силы США и союзников не имеют постоянного военного присутствия или имеют лишь ограниченную инфра-

структуру в регионе» [Evaluation of the National Aerospace Initiative 2004: 16]⁶⁰.

Идейная база для запуска БГУ была сформирована укоренившимися в США представлениями о предстоящем наступлении новой «революции в военном деле» (*revolution in military affairs*), подразумевающей превращение высокоточных дальних ударов в доминирующий подход к проведению военных операций⁶¹. Эти же представления были положены в основу процесса трансформации американских вооружённых сил, инициированного администрацией Дж. Буша-мл. после её прихода к власти в 2001 г.⁶²

В контексте военного строительства БГУ выступила платформой для реализации новых инициатив по разработке высокоточных неядерных ударных систем дальнего действия. Одной из них стал представленный уже в июле 2003 г. совместный проект Агентства перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (*Defense Advanced Research Projects Agency*, ДАРПА) и американских ВВС под названием FALCON (*Force Application and Launch from CONtinental United States; Проецирование силы и запуск из континентальной части США*)⁶³.

⁵⁸ В настоящей работе термин «средняя дальность» понимается как расстояние от 1000 до 5500 км. См.: Темнов В.Н. Указ. соч.

⁵⁹ На сегодняшний день не существует общепризнанного определения термина «дальний удар» (*long-range strike*). Основная сложность заключается в том, что его смысловое содержание подразумевает не столько конкретное значение расстояния, с которого осуществляется поражение цели, сколько принцип ведения наступательных действий, при котором глубина нанесения ударов может существенно различаться в зависимости от конкретного военного сценария. В настоящей работе под термином «дальний удар» понимается атака на дальность, превышающую 500 км — нижний предел ограничений Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД), — который можно рассматривать в качестве условной линии разграничения между тактическими ударными системами, предназначенными для поражения целей в отдельном районе ведения боевых действий, и оперативными системами, используемыми для нанесения ударов по целям на всей территории ТВД.

⁶⁰ Стоит отметить, что неядерный характер БГУ был конкретизирован представителями ВВС уже после представления Обоснования необходимости обретения потенциала (*Patenaude R. Prompt Global Strike Update // National Defense Industrial Association. August 2005. 11 p. URL: <http://proceedings.ndia.org/C488/patenaude.ppt> [accessed: 09.03.2023]*).

⁶¹ Подробнее об американских представлениях о новой революции в военном деле см.: [Cohen 1996; Fitzsimonds, Van Tol 1994; Marshall 1993: 3–4]

⁶² Подробнее о трансформации американских вооружённых сил см.: *Military Transformation: A Strategic Approach*. Washington: Department of Defense, 2002. 40 p.; [Czelusta 2018].

⁶³ FALCON Force Application and Launch from CONUS Broad Agency Announcement (BAA) PHASE I Proposer Information Pamphlet (PIP) for BAA Solicitation 03-35 // DARPA. 2003. July, 29. 47 p. URL: https://web.archive.org/web/20081127084027/http://www.darpa.mil/TTO/falcon/FALCON_PIP_FINAL.pdf [accessed: 09.03.2023].

Проект предусматривал разработку нескольких экспериментальных ГЛА с целью развития технологического задела для последующего создания потенциала БГУ⁶⁴. Его ключевым результатом стала разработка экспериментального ГПБ НТВ-2 (*Hypersonic Technology Vehicle, гиперзвуковое технологическое изделие*) с максимальной заявленной дальностью около 17 000 км⁶⁵, оба испытания которого в апреле 2010 и августе 2011 г. окончились неудачей⁶⁶. Более успешным оказался альтернативный проект Сухопутных войск США по разработке экспериментального глайдера АНВ (*Advanced Hypersonic Weapon, продвинутое гиперзвуковое оружие*), первоначально игравший роль «страховочного варианта»⁶⁷. В ноябре 2011 г. состоялось первое успешное испытание системы, в ходе которого она поразила цель на расстоянии 3700 км⁶⁸. С учётом результатов испытаний администрация Б. Обамы в 2012 г. произвела реструктуризацию программы БГУ, в рамках которой проекты НТВ-2 и АНВ поменялись местами – первый приобрёл статус вспомогательной программы⁶⁹, в то время как второй стал рассматриваться в каче-

стве ключевой инициативы на пути к обретению потенциала БГУ [Эктон 2014: 58–59; Woolf 2021: 17].

Проведённая «рокировка» также свидетельствовала о смене фокуса всей программы БГУ – достижение её цели стало связываться с разработкой вооружений передового базирования в противовес изначальным планам создания систем для старта с территории США [Эктон 2014: 5; Woolf 2021: 17]⁷⁰. Администрация Б. Обамы де-факто свернула проект CSM (*Conventional Strike Missile, конвенциональная ударная ракета*)⁷¹, предусматривавший создание РПС большой дальности с НТВ-2 в качестве боевого оснащения, сосредоточив усилия по разработке гиперзвуковых вооружений на системах средней и малой дальности. К их числу относились проект экспериментальной ГКР Х-51 «Уэйврайдер» (в 2010–2013 годах состоялось четыре испытания) [Эктон 2014: 77], проект «АркЛайт» по разработке РПС средней дальности универсального базирования (финансирование запрашивалось в 2009 и 2010 годах) [Woolf 2021: 16; Эктон 2014: 59], а также выдвинутая в январе 2012 г. инициатива по разработке новой РПС

⁶⁴ Наглядное изложение содержания проекта FALCON приводится в: Hypersonic Force Application And Launch Technology Demonstration // Defense Technical Information Center. 2009. September, 14. 28 p. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/citations/ADA440964> (accessed: 09.03.2023).

⁶⁵ Детальные запланированные характеристики НТВ-2 приводятся в: Ibid. P. 18.

⁶⁶ Shachtman N. Pentagon's Mach 20 Missile Lost Over Pacific – Again // Wired. 2011. August, 11. URL: <https://www.wired.com/2011/08/mach-20-missile-lost-again/> (accessed: 09.03.2023).

⁶⁷ В документах американского оборонного бюджета проект экспериментального ГПБ АНВ позиционировался как «мера по снижению рисков» в рамках поддержки проекта неядерного БГУ ВВС США. См., напр.: Research, Development, Test and Evaluation, Defense-Wide // Department of Defense Fiscal Year (FY) 2010 Budget Estimates. Washington, DC: Department of Defense, 2009. Vol. 3. P. 726 (1067 p.).

⁶⁸ Advanced Hypersonic Weapon (AHW) // Army Technology. 2012. April, 10. URL: <https://www.army-technology.com/projects/advanced-hypersonic-weapon-ahw/> (accessed: 09.03.2023).

⁶⁹ В проекте американского бюджета на 2014 фин. г. работы над НТВ-2 фигурировали как проект «Поддержка эксперимента по гиперзвуковому планированию и демонстрации концептов» (Hypersonic Glide Experiment and Concepts Demonstration Support), а понижение его статуса было оформлено как «реструктуризация из программы по демонстрации боевой полезной нагрузки в программу снижения рисков/развития технологий/проведения испытаний» (см.: Research, Development, Test and Evaluation, Defense-Wide // Department of Defense Fiscal Year (FY) 2014 Budget Estimates. Washington, DC: Department of Defense, 2013. Vol. 3. P. 584 (944 p.).

⁷⁰ Grossman E. Military could redefine global-strike weapons // NextGov. 2013. January, 24. URL: <https://www.nextgov.com/cxo-briefing/2013/01/military-could-redefine-global-strike-weapons/60867/> (accessed: 09.03.2023).

⁷¹ Подробнее о проекте CSM см.: [Woolf 2021: 13–14]. О фактическом закрытии проекта CSM см.: [Эктон 2014: 60].

для размещения на многоцелевых подлодках типа «Вирджиния»⁷². При этом перспективы дальнейшего развития американских гиперзвуковых разработок, особенно в части выхода за пределы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, оставались неопределёнными в контексте озвученных одновременно с анонсом новой РПС планов по сокращению военного бюджета на 487 млрд долларов в течение следующих десяти лет⁷³.

В реальности ситуация сложилась по-другому: во второй половине 2010-х годов американская гиперзвуковая программа получила мощный импульс к развитию на фоне сначала китайских, а затем и российских успехов в соответствующей области⁷⁴. В итоге сегодня США реализуют сразу восемь проектов по гиперзвуковой проблематике. Пять из них — проекты TBG (*Tactical Boost Glide, Тактический разгон-планирование*), AGM-183 ARRW (*Air-launched Rapid Response Weapon, Оружие быстрого реагирования воздушного запуска*), OpFires (*Operational Fires, Оперативное огневое поражение*), LRHW (*Long Range Hypersonic Weapon, Гиперзвуковое оружие дальнего действия*) и CPS⁷⁵ (*Conventional*

Prompt Strike, Быстрый конвенциональный удар) — направлены на развитие технологий РПС. В рамках TBG осуществляется разработка нового ГПБ, планируемого к использованию в качестве боевого оснащения систем AGM-183 ARRW (РПС воздушного базирования с дальностью около 1000 км) и OpFires (подвижно-грунтовая РПС, дальность которой, по разным оценкам, будет составлять от 500 км до более чем 1500 км)⁷⁶. Проекты CPS и LRHW предусматривают создание соответственно морского и подвижно-грунтового ракетных комплексов, основывающихся на универсальной РПС с дальностью около 3000 км. В качестве боевого оснащения будет использоваться новый ГПБ C-HGB, являющийся развитием экспериментального глайдера ANH.

США планируют начать развёртывание опытных образцов комплексов OpFires и LRHW уже в 2023 г., но процесс разработки финальных изделий будет продолжаться ещё как минимум несколько лет⁷⁷. Аналогичные планы существовали и в отношении AGM-183 ARRW, однако в марте 2023 г., после череды неудачных испытаний, было принято решение отказаться от развёртывания системы и свернуть про-

⁷² Эта инициатива была озвучена 26 января 2012 г. на совместном брифинге министра обороны Л. Панетты и главы Объединённого комитета начальников штабов М. Демпси. Панетта сформулировал её в виде общей фразы о «разработке новой подводной опции для нанесения быстрого конвенционального удара». Тем не менее уточняющий комментарий Демпси о настильном характере траектории представляемой системы свидетельствует в пользу того, что речь шла именно об РПС (см.: Fiscal Year 2013 Defense Budget // C-SPAN. 2012. January, 26. URL: <https://www.c-span.org/video/?303919-1/fiscal-year-2013-defense-budget> (accessed: 09.03.2023)). Информация о возможности оснащения новой системы ГПБ и её базирования на многоцелевых подлодках типа «Вирджиния» также содержится в: [Экстон 2014: 59–60, 61–62].

⁷³ Fiscal Year 2013 Defense Budget; Keck Z. Can Prompt Global Strike Survive Sequestration? // The Diplomat. 2013. March, 9. URL: <https://thediplomat.com/2013/08/can-prompt-global-strike-survive-sequestration/> (accessed: 09.03.2023).

⁷⁴ Stone R. Op. cit.

⁷⁵ Проект CPS является продолжением программы БГУ, которая была в 2020 фин. г. передана в ведение ВМФ [Woolf 2021: 34].

⁷⁶ См.: Ong P. DARPA Updates On OpFires Hypersonic Missile Test // Naval News. 2022. August, 10. URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2022/08/darpa-updates-on-opfires-hypersonic-missile-test/> (accessed: 09.03.2023); U.S. Hypersonic Weapons and Alternatives // Congressional Budget Office. January 2023. URL: <https://www.cbo.gov/publication/58924> (accessed: 09.03.2023).

⁷⁷ U.S. Hypersonic Weapons and Alternatives // Congressional Budget Office. January 2023. URL: <https://www.cbo.gov/publication/58924> (accessed: 09.03.2023); Saylor K. Hypersonic Weapons: Background and Issues for Congress // Congressional Research Service. Last updated 13.02.2023. P. 4–11 (32 p.). URL: <https://sgp.fas.org/crs/weapons/R45811.pdf> (accessed: 09.03.2023).

ект после выполнения двух оставшихся тестовых пусков⁷⁸.

Остальные три проекта — MOHAWC (*More Opportunities with Hypersonic Air-breathing Weapon Concept*, *Новые возможности концепции гиперзвукового воздушно-реактивного оружия*), HACM (*Hypersonic Attack Cruise Missile*, *Гиперзвуковая наступательная крылатая ракета*) и OASuW-2 (*Offensive Anti-Surface Warfare Increment II*, *Наступательные средства борьбы с надводными силами: дополнительный элемент II*) — посвящены развитию технологий ГКР⁷⁹. В настоящее время все они находятся на ранней стадии реализации, сопряжённой с большим количеством технологических вызовов. При условии их преодоления можно прогнозировать развёртывание опытных образцов не ранее чем в конце 2020-х годов.

Таким образом, американская гиперзвуковая программа является закономерным продуктом повышенного внимания к развитию потенциала нанесения высокоточных дальних ударов. Её современная актуализация мотивирована главным образом укреплением военных возможностей России и Китая, и в том числе их лидерством в развивающейся гонке гиперзвуковых вооружений. При этом современная специфика американских гиперзвуковых разработок свидетельствует, что США воспринимают соответствующие системы *не как революционное оружие, дающее решающие преимущества в глобальном военно-*

стратегическом противоборстве, а как потенциально полезный инструмент для усиления наступательных возможностей в противостоянии на ТВД.

Китайский гиперзвук

В сравнении с американской и российской китайская гиперзвуковая программа является наименее публичной. В фокус широкого общественного внимания она попала в начале 2014 г., когда Пентагон сообщил о проведении первого китайского испытания ГПБ. Военные дали глайдеру название WU-14, впоследствии заменив его на DF-ZF⁸⁰. Использование в последнем названии индекса DF указывало на связь ГПБ с семейством китайских ракет «Дунфэн».

К настоящему времени наиболее значимым достижением китайской гиперзвуковой программы является разработка нового ПГРК средней дальности «Дунфэн-17», использующего ГПБ DF-ZF в качестве боевого оснащения. 1 октября 2019 г. система была официально продемонстрирована на военном параде в честь 70-летия КНР. По информации Пентагона, новый ПГРК поступил на вооружение Ракетных войск (РВ) Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в 2020 г. Его дальность оценивается примерно в 1500 км⁸¹.

Стоит отметить и некоторые другие успехи КНР. В августе 2018 г. китайские СМИ опубликовали информацию о проведении успешного пуска эксперименталь-

⁷⁸ Losey S. US Air Force drops Lockheed hypersonic missile after failed tests // DefenseNews. 2023. March, 30. URL: <https://www.defensenews.com/air/2023/03/30/us-air-force-drops-lockheed-hypersonic-missile-after-failed-tests/> (accessed: 22.06.2023).

⁷⁹ U.S. Hypersonic Weapons and Alternatives // Congressional Budget Office. January 2023. URL: <https://www.cbo.gov/publication/58924> (accessed: 09.03.2023); Saylor K. Hypersonic Weapons: Background and Issues for Congress // Congressional Research Service. Last updated 13.02.2023. P. 4–11 (32 p.). URL: <https://sgp.fas.org/crs/weapons/R45811.pdf> (accessed: 09.03.2023).

⁸⁰ Panda A. China Tests Hypersonic Missile Vehicle // The Diplomat. 2014. January, 14. URL: <https://thediplomat.com/2014/01/china-tests-hypersonic-missile-vehicle/> (accessed: 09.03.2023); Fisher R. US officials confirm sixth Chinese hypersonic manoeuvring strike vehicle test // Jane's. 2015. November, 26. URL: <https://web.archive.org/web/20160206005755/http://www.janes.com/article/56282/us-officials-confirm-sixth-chinese-hypersonic-maneuvring-strike-vehicle-test> (accessed: 09.03.2023).

⁸¹ 2022 Report on Military and Security Developments Involving the People's Republic of China // Department of Defense. 2022. P. 64 (174 p.). URL: <https://media.defense.gov/2022/Nov/29/2003122279/-1/-1/1/2022-MILITARY-AND-SECURITY-DEVELOPMENTS-INVOLVING-THE-PEOPLES-REPUBLIC-OF-CHINA.PDF> (accessed: 09.03.2023).

ной ГКР «Синкун-2»⁸². Большой резонанс вызвало китайское испытание августа 2021 года, которое США классифицировали как запуск СЧОБ с гиперзвуковым боевым оснащением⁸³. Глава ОКНШ (2019–2023) генерал Марк Милли сравнил его значимость с запуском первого советского спутника⁸⁴. Наконец, в апреле 2022 г. Китай произвёл испытание высокоскоростной манёвренной ракеты «Инцзи-21» с предполагаемой дальностью 1500 км, которую называют аналогом российской системы «Кинжал»⁸⁵.

Мотивация Китая к развитию гиперзвуковых вооружений является следствием его восприятия общих тенденций развития стратегической ситуации. Важнейшей из них выступает укрепление наступательных и оборонительных потенциалов США и их союзников в западной части Тихого океана — акватории, которая, по справедливому замечанию одной исследовательницы, «занимает доминирующее положение в китайской стратегии национальной безопасности» [Sun 2022: 4]. Китайский аналитик Т. Чжао выделяет три сюжета, составляющих предмет первоочередной озабоченности КНР в данном контексте: укрепление потенциала нанесения превентивных ударов по китайским ядерным

силам, а также развитие средств ПРО и противолодочной борьбы [Zhao 2020: 110–115].

Ключевым инструментом китайского ответа выступает наращивание огневого потенциала средней и малой дальности. Его основу составляют ПГРК средней дальности — именно этот сегмент китайских наступательных вооружений переживает в последние годы наиболее динамичное развитие. По данным Пентагона, только за период 2019–2021 годов количество таких ПГРК выросло более чем два раза, достигнув отметки в 500 единиц⁸⁶. В Китае этот класс вооружений сегодня представлен тремя видами ракетных комплексов — помимо упоминавшегося выше «Дунфэн-17», это «Дунфэн-21» с дальностью около 2100 км и «Дунфэн-26» с дальностью до 4000 км. При этом развёртывание современных модификаций «Дунфэн-21» — конвенционального «Дунфэн-21С», конвенционального противокорабельного «Дунфэн-21D» и ядерного «Дунфэн-21Е»⁸⁷, — поступающих сегодня на вооружение РВ НОАК, началось только в 2006 (в случае «Дунфэн-21С» и «Дунфэн-21D») и 2016 (в случае «Дунфэн-21Е») годах [Christensen, Korda 2022: 388–389]⁸⁸. Развёртывание «Дунфэн-26», имеющего двойное оснащение, началось также в 2016 г. По оценке

⁸² Китай успешно разработал и испытал волноплан «Синкун-2» // CGTN. 06.08.2018. URL: <https://russian.cgtn.com/news/3d3d414e6668544f34517a6333566d54/p.html> (дата обращения: 09.03.2023).

⁸³ Lewis J. China's Orbital Bombardment System Is Big, Bad News—but Not a Breakthrough // Foreign Policy. 2021. November, 18. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/10/18/hypersonic-china-missile-nuclear-fobs/> (accessed: 09.03.2023).

⁸⁴ Martin P. U.S. General Likens China's Hypersonic Test to a 'Sputnik Moment' // Bloomberg. 2021. November, 27. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-10-27/milley-likens-china-s-hypersonic-weapon-test-to-sputnik-moment> (accessed: 09.03.2023).

⁸⁵ Карпов А., Медведева М. Сигнал для США: как гиперзвуковая ракета YJ-21 усилит возможности Китая в Тихом океане // Russia Today. 21.04.2022. URL: <https://russian.rt.com/world/article/993386-kitai-giperzvuk-raketa-yj-21> (дата обращения: 09.03.2023).

⁸⁶ 2019 Report on Military and Security Developments Involving the People's Republic of China // Department of Defense. 2019. P. 117 (123 p.). URL: https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/1/2019_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf (accessed: 09.03.2023); 2022 Report on Military and Security Developments Involving the People's Republic of China.

⁸⁷ Выступает заменой стоящему на вооружении со второй половины 1990-х годов «Дунфэн-21А». ⁸⁸ DF-21 (CSS-5) // Missile Threat: Center for Strategic and International Studies' Missile Defense Project. Last Updated 28.03.2022. URL: <https://missilethreat.csis.org/missile/df-21/> (accessed: 09.03.2023); DF-26 // Missile Threat: Center for Strategic and International Studies' Missile Defense Project. Last Updated 06.08.2022. URL: <https://missilethreat.csis.org/missile/dong-feng-26-df-26/> (accessed: 09.03.2023).

лондонского Международного института стратегических исследований, совокупно различные модификации «Дунфэн-21» и «Дунфэн-26» составляют 90% китайского арсенала ПГРК средней дальности, в то время как на долю гиперзвукового «Дунфэн-17» приходится только оставшиеся 10% [The Military Balance 2023: 237]⁸⁹.

Такое соотношение свидетельствует, что сегодня Китай воспринимает гиперзвуковые вооружения в качестве *нишевого ударного средства, предназначенного в первую очередь для поражения отдельных высокозащищённых объектов на приграничных ТВД*. Львиную долю китайского потенциала средней и малой дальности составляют более привычные ПГРК, оснащённые БР, которые, судя по всему, воспринимаются Пекином как достаточно эффективное средство для решения большей части текущих и прогнозируемых боевых задач. В ближайшие годы процесс поступления этих систем на вооружение РВ НОАК будет продолжаться.

С учётом длительных сроков эксплуатации сомнительно, что КНР будет осуществлять их скорое замещение новыми гиперзвуковыми системами. Таким образом, существуют все предпосылки для сохранения сложившейся ситуации, при которой гиперзвуковые вооружения имеют для КНР ограниченное военное значение, а также выступают инструментом поддержания международного военно-технологического престижа.

* * *

Гиперзвуковые вооружения уместно сравнить с наконечником копья, способным пробить вражеский доспех и нанести противнику существенный ущерб, но при этом не гарантирующим летальные последствия. Иными словами, преимущества, которыми обладают эти вооружения, не могут быть автоматически трансформированы

в гарантию победы в полномасштабном военном конфликте. В значительной степени они доступны и другим ударным системам, основанным на менее передовых технологических решениях. При этом невозможность перехвата гиперзвуковых ударных вооружений не является константой. Судя по всему, в обозримом будущем она может быть утрачена за счёт наращивания сенсорных и огневых возможностей оборонительных систем.

В современных реалиях ключевым сценарием, при котором преимущества гиперзвуковых вооружений могут быть реализованы в наибольшей мере, является ограниченный конфликт, в рамках которого соответствующие системы используются для внезапного поражения высокозащищённых приоритетных целей и установления господства на ТВД. Об этом свидетельствуют программы разработки гиперзвуковых потенциалов ведущих военных держав — России, США и Китая, — каждая из которых в той или иной степени тяготеет к разработке систем средней и меньшей дальности.

С точки зрения влияния на стратегическую стабильность последствия разворачивающейся гонки гиперзвуковых вооружений представляются неоднозначными. С одной стороны, передовое базирование таких систем увеличивает риски эскалации; сокращение подлётного времени до объектов стратегической инфраструктуры противника стимулирует его к принятию более агрессивных доктрин использования стратегических сил, основанных на принципе встречного, а не ответного удара. С другой стороны, наличие у обеих сторон гиперзвуковых вооружений в рамках одного ТВД ведёт к усилению их взаимной уязвимости и тем самым может сыграть стабилизирующую роль. В целом этот вопрос нуждается в дополнительном изучении и представляется актуальной темой для дальнейших исследований.

⁸⁹ Стоит отметить, что Международный институт стратегических исследований даёт существенно более консервативную в сравнении с Пентагоном оценку численности китайских ПГРК средней дальности. Согласно их данным, общее число таких комплексов составляет около 200 единиц, при этом количество «Дэнфун-17» оценивается примерно в 24 единицы.

Список литературы

- Арбатов А.Г. Вооружения и дипломатия // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 9–23.
- Арбатов А.Г. Глобальная стабильность в ядерном мире // Академия наук и атомная отрасль: Научные сессии Общего собрания членов РАН и Общих собраний отделений РАН. Декабрь 2020 г. М.: Российская академия наук, 2021. С. 341–361.
- Богданов К.В. Гиперзвуковое высокоточное оружие, стратегическая стабильность и контроль над вооружениями // Ежегодник СИПРИ 2018: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 624–639.
- Богданов К.В. Гиперзвуковые системы // Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях / Отв. ред. А.Г. Арбатов. М.: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2020. С. 48–58.
- Борисов А.В. Гиперзвуковые средства поражения: актуальная проблема противоракетной обороны // XXI Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы развития и применения средств противовоздушной обороны на современном этапе. Средства противовоздушной обороны России и других стран мира, их сравнительный анализ». 9 октября 2020 г. Секции 1–8: Материалы конференции. Ярославль: Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, 2020. С. 21–27.
- Караганов С.А., Суслов Д.В. Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности // М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2019. 54 с.
- Рогов С.М. Глобальная и региональная стабильность в ядерном мире // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 6. С. 571–584.
- Савельев А.Г., Александрия О.М. Единство средств и расхождение целей // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 2. С. 166–182.
- Стефанович Д. Русский гиперзвук: что, когда и почему? // Новый оборонный заказ. Стратегии. 2020. № 2 (61). С. 52–55.
- Фомин В.М., Аульченко С.М., Звегинцев В.И. Полёт гиперзвукового летательного аппарата с прямоточным воздушно-реактивным двигателем по рикошетирующей траектории // Прикладная механика и техническая физика. 2010. Т. 51. № 4. С. 85–94.
- Чеков А., Криволапов О., Богданов К., Стефанович Д., Климов В. Сбить нельзя промахнуться: эволюция ПРО и её последствия для контроля над вооружениями // Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», январь 2023. 27 с.
- Эктон Д. Серебряная пуля? Правильные вопросы о «неядерном быстром глобальном ударе» / Под ред. Е.В. Мясникова. М.: Московский центр Карнеги, 2014. 228 с.
- Brockmann K., Stefanovich D. Hypersonic Boost-Glide Systems and Hypersonic Cruise Missiles: Challenges for the Missile Technology Control Regime. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute, 2022. 25 p.
- Bunn M. Technology of Ballistic Missile Reentry Vehicles // Review of US Military Research and Development, 1984 / ed. by K. Tsipis, P. Janeway. McLean (VA): Pergamon-Brassey's International Defense Publishers, 1984. P. 67–116.
- Christensen H., Korda M. Chinese nuclear forces // SIPRI Yearbook 2022: Armaments, Disarmament and International Security. Stockholm: Stockholm Institute of Peace Research Studies, 2022. P. 380–397.
- Czelusta M. Business as Usual: An Assessment of Donald Rumsfeld's Transformation Vision and Transformation's Prospects for the Future. Garmisch-Partenkirchen: The George C. Marshall European Center for Security Studies, 2018. 57 p.
- Cohen A. A Revolution in Warfare // Foreign Affairs. 1996. Vol. 75. No. 2. P. 37–54.
- Curran E.T. Scramjet Engines: The First Forty Years // Journal of Propulsion and Power. 2001. No. 6 (17). P. 1138–1148.
- Evaluation of the National Aerospace Initiative. Washington, D.C.: National Academies Press, 2004. 146 p.
- Fitzsimonds R., Van Tol J. Revolutions in Military Affairs // Joint Force Quarterly. 1994. No. 4. P. 24–31.
- Gronlund L., Wright D. Depressed Trajectory SLBMs: A Technical Evaluation and Arms Control Possibilities // Science & Global Security. 1992. Vol. 3. No. 1–2. P. 101–159.
- Karako T., Dahlgren M. Complex Air Defense: Countering the Hypersonic Missile Threat. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies and Rowman & Littlefield, 2022. 62 p.
- Klaire M. An 'Arms Race in Speed': Hypersonic Weapons and the Changing Calculus of Battle // Arms Control Today. 2019. Vol. 49. No. 5. P. 6–13.

- Lebow R.N.* Assured Strategic Stupidity: The Quest for Ballistic Missile Defense // *Journal of International Affairs*. 1985. Vol. 39. No. 1. P. 57–80.
- Marshall A.* Some Thoughts on Military Revolutions — Second Version // Office of Net Assessment Memorandum. 1993, August 23. 8 p. URL: <https://stacks.stanford.edu/file/druid:yx275qm3713/yx275qm3713.pdf> (accessed: 09.03.2023).
- Marsh B.Y.D.* The Probability of Accidental Nuclear War: a Graphical Model of the Ballistic Missile Early Warning System: Master's Thesis. Monterey, California: Naval Postgraduate School, 1985. 78 p.
- Rautenbach P.* The Threat of Conventional Weapons to Nuclear Security: A New Reality for Deterrence // *Journal of International Analytics*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 56–71. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-4-56-71>.
- Reny S.* Nuclear-Armed Hypersonic Weapons and Nuclear Deterrence // *Strategic Studies Quarterly*. 2020. Vol. 14. No. 4. P. 47–73.
- Speier R.H.* et al. Hypersonic missile nonproliferation: hindering the spread of a new class of weapons. Santa Monica: RAND, 2017. 133 p.
- Stefanovich D.* Proliferation and threats of reconnaissance-strike systems: a Russian perspective // *The Nonproliferation Review*. 2020. Vol. 27. No. 1–3. P. 97–107.
- Sun Y.* Asia-Pacific Security: A Chinese Perspective // *Asia-Pacific Regional Security Assessment 2022: Key Developments and Trends*. London: International Institute for Strategic Studies, 2022. P. 38–57.
- The Military Balance 2023*. London: International Institute of Strategic Studies, 2023. 508 p.
- Tracy C., Wright D.* Modeling the Performance of Hypersonic Boost-Glide Missiles // *Science & Global Security*. 2020. Vol. 28. No. 3. P. 135–170.
- Woolf A.* Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues // Congressional Research Service. 2021. July, 16. 51 p. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R41464/52> (accessed: 09.03.2023).
- Woolf A.* Russia's Nuclear Weapons: Doctrine, Forces, and Modernization. Washington: Congressional Research Service, 2022. 43 p.
- Zhao T.* Conventional long-range strike weapons of US allies and China's concerns of strategic instability // *The Nonproliferation Review*. 2020. Vol. 27. No. 1–3. P. 109–122.

HYPERSONIC WEAPONS

EVOLUTION OR REVOLUTION?

ALEXANDER CHEKOV

SOFIA BABKINA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

Hypersonic strike systems have become a driving force in the development of offensive weapons. Academic literature offers two perspectives on the prospects of their impact on the military-strategic situation. One approach tends to position hypersonic weapons as a revolutionary technology, while the other proceeds from the premise that hypersonic strike systems represent an evolutionary development of offensive systems. The objective of this article is to establish the specifics and limits of the hypersonic weapons impact on the existing military-strategic balance. The paper analyzes the problem of hypersonic weapons classification, their role and place in military strategy, as well as the evolution and prospects of the Russian, U.S. and Chinese programs on hypersonic weapons. The authors conclude that the advantages of hypersonic weapons cannot automatically be transformed into a guaranteed success amid a full-scale military conflict and are largely available to other strike systems based on less advanced technological solutions. The key scenario, where the benefits of hypersonic weapons can be realized the most, is a limited conflict, in which they are used for the surprise defeat of highly-protected priority targets and the establishment of theater domination. This is evidenced by the hypersonic development programs of the leading military powers – Russia, the United States, and China, – each of which is more or less committed to developing medium- and short-range systems. The implications of the unfolding hypersonic

arms race for strategic stability are ambiguous. On the one hand, forward deployment of such systems increases the risks of escalation; reduced flight time to enemy strategic infrastructure facilities encourages the adversary to adopt more aggressive retaliation postures based on the principle of launch-on-warning rather than post-attack. On the other hand, the possession of hypersonic weapons by both sides in the same theater increases their mutual vulnerability and can thus play a stabilizing role.

Keywords:

hypersonic weapons; hypersonic boost-glide systems; hypersonic glide vehicles; boost-glide vehicles; hypersonic cruise missiles; United States; Russia; China; strategic military balance; strategic stability.

References

- NAS (2004). *Evaluation of the National Aerospace Initiative*. Washington, D.C.: National Academies Press. 146 p.
- Acton J. (2014). *Serebryanaya pulya? Praviŭnye voprosy o "neyadernom bystrom global'nom udare"* [Silver Bullet? Asking the Right Questions About Conventional Prompt Global Strike]. Moscow: Carnegie Moscow Center. 228 p.
- Arbatov A.G. (2020). Vooruzheniya i diplomatiya [Arms and Diplomacy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No. 6. P. 9–23.
- Arbatov A.G. (2021). Global'naya stabil'nost' v yadernom mire [Global Stability in a Nuclear World]. *Akademiya nauk i atomnaya otasl': Nauchnye sessii Obshchego sobraniya chlenov RAN i Obshchikh sobranij otdelenij RAN. Dekabr' 2020*. Moscow: Russian Academy of Sciences. P. 341–361.
- Bogdanov K.V. (2019). Giperzvukovoe vysokotochnoe oruzhie, strategicheskaya stabil'nost' i kontrol' nad vooruzheniyami [Hypersonic Precision Weapons, Strategic Stability and Arms Control]. *Ezhegodnik SIPRI 2018: vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'*. Moscow: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations. P. 624–639.
- Bogdanov K.V. (2020). Giperzvukovye sistemy [Hypersonic Systems]. In: Arbatov A.G. (ed.) *Kontrol' nad vooruzheniyami v novykh voenno-politicheskikh i tekhnologicheskikh usloviyakh*. Moscow: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations. P. 48–58.
- Borisov A.V. (2020). Giperzvukovye sredstva porazheniya: aktual'naya problema protivoraketnoj oborony [Hypersonic Weapons: A Topical Issue for Missile Defense]. *XXI Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Problemy razvitiya i primeneniya sredstv protivovozdushnoj oborony na sovremenom etape. Sredstva protivovozdushnoj oborony Rossii i drugih stran mira, ih sravnitel'nyy analiz». 9 oktyabrya 2020. Sekcii 1–8: materialy konferencii*. Yaroslavl: Yaroslavl Higher Military School of Air Defense. P. 21–27.
- Brockmann K., Stefanovich D. (2022). *Hypersonic Boost-Glide Systems and Hypersonic Cruise Missiles: Challenges for the Missile Technology Control Regime*. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute. 25 p.
- Bunn M. (1984). Technology of Ballistic Missile Reentry Vehicles. In: Tsipis K., P. Janeway P. (eds) *Review of US Military Research and Development*. McLean (VA): Pergamon-Brassey's International Defense Publishers. P. 67–116.
- Chekov A.D., Krivolapov O.O., Bogdanov K.V., Stefanovich D.V., Klimov V.A. (2023). *Sbit' nel'zya promahnut'sya: evolyuciya PRO i eyo posledstviya dlya kontrolya nad vooruzheniyami* [Shoot down cannot miss: the evolution of missile defense and its implications for arms control]. Valdaï Discussion Club. 27 p.
- Christensen H., Korda M. (2022). Chinese nuclear forces. *SIPRI Yearbook 2022: Armaments, Disarmament and International Security*. Stockholm: Stockholm Institute of Peace Research Studies, 2022. P. 380–397.
- Czelusta M. Business as Usual: An Assessment of Donald Rumsfeld's Transformation Vision and Transformation's Prospects for the Future. Garmisch-Partenkirchen: The George C. Marshall European Center for Security Studies, 2018. 57 p.
- Cohen A. (1996). A Revolution in Warfare. *Foreign Affairs*. Vol. 75. No. 2. P. 37–54.
- Curran E.T. (2001). Scramjet Engines: The First Forty Years. *Journal of Propulsion and Power*. No. 6 (17). P. 1138–1148.
- Fitzsimonds R., Van Tol J. (1994). Revolutions in Military Affairs. *Joint Force Quarterly*. No. 4. P. 24–31.
- Fomin V.M., Aul'chenko S.M., Zvegincev V.I. (2010). Polyet giperzvukovogo letatel'nogo apparata s pryamotokhnym vozdušno-reaktivnym dvigatelem po rikoshetiruyushchej traektorii [Flight of a Hypersonic Aircraft with Ramjet Engine Along Ricochet Trajectory]. *Prikladnaya mekhanika i tekhnicheskaya fizika*. Vol. 51. No. 4. P. 85–94.
- Gronlund L., Wright D. (1992). Depressed Trajectory SLBMs: A Technical Evaluation and Arms Control Possibilities. *Science & Global Security*. Vol. 3. No. 1–2. P. 101–159.

- IISS. (2023). *The Military Balance 2023*. London: International Institute of Strategic Studies. 508 p.
- Karaganov S.A., Suslov D.V. (2019). *Novoe ponimanie i puti ukrepleniya mnogostoronnej strategicheskoy stabil'nosti* [The New Understanding and Ways to Enhance Multilateral Strategic Stability]. Moscow: National Research University Higher School of Economics. 2019. 54 p.
- Karako T., Dahlgren M. (2022). *Complex Air Defense: Countering the Hypersonic Missile Threat*. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies and Rowman & Littlefield. 62 p.
- Klaire M. (2019). An 'Arms Race in Speed': Hypersonic Weapons and the Changing Calculus of Battle. *Arms Control Today*. Vol. 49. No. 5. P. 6–13.
- Lebow R.N. (1985). Assured Strategic Stupidity: The Quest for Ballistic Missile Defense. *Journal of International Affairs*. Vol. 39. No. 1. P. 57–80.
- Marshall A. (1993). Some Thoughts on Military Revolutions – Second Version. Office of Net Assessment Memorandum. 8 p. URL: <https://stacks.stanford.edu/file/druid:yx275qm3713/yx275qm3713.pdf> (accessed: 09.03.2023).
- Marsh B.Y.D. (1985). *The Probability of Accidental Nuclear War: a Graphical Model of the Ballistic Missile Early Warning System*: Master's Thesis. Monterey, California: Naval Postgraduate School. 78 p.
- Rogov S.M. (2021). Global'naya i regional'naya stabil'nost' v yadernom mire [Global and Regional Stability in a Nuclear World]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. Vol. 91. No. 6. P. 571–584.
- Rautenbach P. (2020). The Threat of Conventional Weapons to Nuclear Security: A New Reality for Deterrence. *Journal of International Analytics*. Vol. 11. No. 4. P. 56–71. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-4-56-71>.
- Reny S. (2020). Nuclear-Armed Hypersonic Weapons and Nuclear Deterrence. *Strategic Studies Quarterly*. Vol. 14. No. 4. P. 47–73.
- Savel'ev A.G., Aleksandriya O.M. (2022). Edinstvo sredstv i raskhozhdenie celej [Unity of Means and Divergence of Goals]. *Rossiya v global'noj politike*. Vol. 20. No. 2. P. 166–182.
- Speier R.H. et al. (2017). *Hypersonic missile nonproliferation: hindering the spread of a new class of weapons*. Santa Monica: RAND. 133 p.
- Stefanovich D. (2020) Proliferation and threats of reconnaissance-strike systems: a Russian perspective. *The Nonproliferation Review*. Vol. 27. No. 1–3. P. 97–107.
- Stefanovich D. (2020). Russkij giperzvuk: chto, kogda i pochemu? [Russian Hypersonics: What, When, and Why?] *Novyj oboronnyj zakaz. Strategii*. No. 2 (61). P. 52–55.
- Sun Y. (2022). Asia-Pacific Security: A Chinese Perspective. *Asia-Pacific Regional Security Assessment 2022: Key Developments and Trends*. London: International Institute for Strategic Studies. P. 38–57.
- Tracy C., Wright D. (2020). Modeling the Performance of Hypersonic Boost-Glide Missiles. *Science & Global Security*. Vol. 28. No. 3. P. 135–170.
- Woolf A. (2021). *Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues*. Washington: Congressional Research Service. 51 p. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R41464/52> (accessed: 09.03.2023).
- Woolf A. (2022). *Russia's Nuclear Weapons: Doctrine, Forces, and Modernization*. Washington: Congressional Research Service. 43 p.
- Zhao T. (2020). Conventional long-range strike weapons of US allies and China's concerns of strategic instability. *The Nonproliferation Review*. Vol. 27. No. 1–3. P. 109–122.

THE NEIGHBORHOOD EFFECT ON PERCEPTIONS OF CORRUPTION

COMPARATIVE SPATIAL AUTOCORRELATION ANALYSIS

IGOR OKUNEV

EVGENIA ZAKHAROVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

This article aims to investigate the factors influencing the perception of high corruption levels in a country and examines the potential existence of spatial dependence in the distribution of these factors. It specifically focuses on exploring the interdependence between the Corruption Perception Index (CPI) and forty-four other factors categorized into six distinct categories. The central hypothesis posits that the interdependence between the CPI and these factors is more pronounced at the domestic level compared to its influence on indicators in neighboring countries. To assess the degree of interdependence between the CPI and each of the other indicators, the Pearson's Coefficient of Determination is employed, enabling an evaluation of corruption levels based on domestic state-specific factors. Furthermore, Moran's Bivariate Spatial Autocorrelation Index is utilized to elucidate the extent to which the CPI in one country influences one of the forty-four indicators in neighboring countries. Additionally, the Index of Spatial Interdependence is employed to ascertain the significance of domestic and international factors for each indicator. The research findings provide several noteworthy conclusions. Firstly, the neighborhood effect proves to be particularly significant for indicators that hold universal relevance for all governments, such as demographic and standard of living indicators. Conversely, indicators influenced by institutional, historical, and cultural differences exhibit stronger interrelations within the state. Lastly, the study establishes that the Pearson's Index holds greater significance than the Bivariate Moran's Index of Spatial Autocorrelation and the Index of Spatial Interdependence, thereby confirming the proposed hypothesis.

Keywords:

the neighborhood effect; comparative spatial analysis; comparative spatial autocorrelation; Corruption Perception Index; Moran's Index; Pearson's Coefficient of Determination Index; Index of Spatial Interdependence; corruption

Corruption is a pervasive issue that affects countries worldwide, transcending national boundaries. It is often regarded as a characteristic of developing societies with weak or absent formal institutions [Heidenheimer, Johnston

2002]. The study of informal institutions is essential for understanding political behavior's underlying motives [Helmke, Levitsky 2007]. Informal institutions may either replace or complement formal institutions when political

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-327).

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.01.2023

Дата принятия к публикации: 10.03.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: okunev_igor@yahoo.com

actors perceive the latter as ineffective. Corruption, as an informal institution, can expedite decision-making processes and guarantee outcomes that would otherwise be unattainable [Scott 1972]. In states where formal institutions are dysfunctional, corruption becomes ingrained in government narratives and societal behavior, resulting in a "frozen" political and administrative environment that limits alternative participation in decision-making processes [Gawthorpe 2017].

Given the pervasiveness of corruption, which extends beyond third-world and post-Soviet countries [Helmke, Levitsky 2007], it is crucial to examine the factors that contribute to the high level of perceived corruption in each country and explore whether there is a spatial dependence in the distribution of these factors. This article aims to analyze the factors that potentially influence a country's corruption level, with a particular focus on spatial analysis utilizing the Local Indicators of Spatial Association (LISA) and Index of Spatial Interdependence (ISI) methodologies. By employing these spatial analysis techniques, the study seeks to provide insights into the spatial patterns and relationships associated with corruption levels in different countries.

Territorial dependence, often referred to as the "neighborhood effect", suggests that countries in close proximity should exhibit greater similarities than those that are more distant. The hypothesis under investigation posits that the interdependence between the Corruption Perception Index (CPI) and other factors is stronger within a country compared to the influence of the CPI on indicators in neighboring countries. Previous research by Daniel Treisman [Treisman 2000] has identified federalism as a contributing factor to increased corruption levels, while factors such as Protestantism, the British political tradition, a developed economy, higher import levels, and a democratic regime have been associated with lower levels of corruption.

Economists Lorenzo Pellegrini and Reyer Gerlagh [Pellegrini, Gerlagh 2008] conducted econometric modeling to examine corruption. They found that factors such as Anglo-Saxon law, the legacy of the British Empire, Protes-

tantism, ethnolinguistic divisions, availability of natural resources, import revenues, level of decentralization, democratic governance, newspaper circulation, state intervention in the economy, and political stability all play a role in determining corruption levels. Their research revealed a negative relationship between corruption and support for democratic governance, while political instability was associated with higher corruption levels. Additionally, newspaper circulation was found to be inversely correlated with corruption.

Chedraui et al. [Chedraui, Arcaraz, Botero 2016] focused on the economic factors influencing corruption. Their findings indicated that corruption tends to increase with a decrease in GDP per capita and also affects the Human Development Index and Social Progress Index. Stephen Gazenov conducted a multicollinear analysis examining sixteen variables, including the rule of law, violence and instability, country wealth, democracy, and education level, which influence corruption levels [Gazenov 2017].

The work of Ransford Quarmyne Churchill, William Agbodohu and Peter Arhenful [Churchill, Agbodohu, Arhenful 2013] examined the impact of economic openness, democracy, freedom of the press, differences between natural resource exports and overall goods exports, urban population, political stability, and economic freedom on corruption. Ning He [He 2016] criticized the Western approach, highlighting that some of the indicators leading to increased corruption are subjective and predominantly specific to Western countries, such as Protestantism and democratic traditions.

Goel and Nelson [Goel, Nelson 2010] conducted a cross-state analysis of historical, geographical, and political factors influencing corruption. Seldadyo and Haan [Seldadyo, Haan 2006] conducted a robustness study on significant determinants of corruption, examining 70 economic and non-economic factors. They found that the regulatory capacity index, created through factor analysis using 12 clustered variables, was the most robust variable in explaining corruption. These variables primarily reflected the government's capacity to

regulate and enforce laws [Seldadyo, Haan 2006: 34].

Several works have explored the geographic perspective of corruption and its relation to territorial regimes of power. Doshi and Ranganathan [Doshi, Ranganathan 2018] examined how corruption becomes politicized within territorial contexts using geographic and cognate disciplinary approaches. Another notable book by B. Warf [Warf 2019] delved into the historical and cultural factors of corruption, focusing on the Corruption Perception Index (CPI) across different regions of the world. While Warf's work provides case studies of various countries and acknowledges the impact of geography on corruption patterns, it primarily categorizes countries into "classical" world regions rather than utilizing spatial analysis or considering the neighborhood effect.

Despite the multitude of factors identified in determining corruption, many of them have been of an economic or political nature and subjected to linear analysis of interdependencies among indicators. Goel and Nelson [Goel, Nelson 2007] examined the effect of neighboring corruption using state-level US data from 1995 to 2004 and found a positive and statistically significant neighboring effect, suggesting that corruption can be contagious. Goel and Saunoris [Goel, Saunoris 2014] explored the relationship between corruption and the shadow economy, emphasizing geographic spillovers. Becker, Egger, and Seidel [Becker, Egger, Seidel 2009] employed Moran's Index in their analysis of 123 economies and confirmed that corruption exhibits regional patterns.

However, it is important to note that none of the aforementioned studies utilized local indicators of spatial autocorrelation (LISA) or the Index of Spatial Interdependence (ISI).

The study begins by outlining the methodology employed to investigate the research question. The factors influencing corruption perception are categorized into distinct groups,

encompassing politics, demography, the standard of living, economy, and values. The interdependencies between these factors and the Corruption Perception Index (CPI) are analyzed using statistical measures such as the Coefficient of Determination, Moran's Index of Spatial Association, and a novel Index of Spatial Interdependence proposed by the authors.

The researchers' rigorous analysis uncovers notable cases where the CPI and specific indicators exhibit discernible clusters among countries. The authors employ the Local Indicators of Spatial Association of the CPI to further explore these patterns, providing more detailed insights into the spatial relationships within and across countries.

Drawing upon their comprehensive methodology and findings, the authors present their research conclusions, shedding light on the spatial dynamics and associations of corruption perception in diverse regions and countries.

Methodology

The research methodology employed in this study utilizes the Corruption Perception Index¹ (CPI) compiled by Transparency International² as the foundation for analysis. The authors emphasize the fact that international experts warn some of the organizations' activities are politically biased, sometimes its actions go beyond declared aims and proclaimed goals, and it is also infamous for interfering in internal affairs of different states. However, the authors use the data base solely for scientific purposes. The choice of the data base source was motivated by the fact, that the CPI assesses 180 countries and territories, which is the most complete data base on corruption perception in the world. This makes the research valid in terms of the number of cases for the quantitative analysis. Besides, the focus of the article is in testing spatial econometric analysis and finding spatial patterns. The calculations and

¹ Corruptions Perception Index [Electronic source] // Transparency international (06.03.2023 organization was declared undesirable and banned from Russia). URL: <https://transparency.org.ru/research/index-vospriyatiya-korrupsiyi/> (accessed: 23.03.2020).

² 06.03.2023 this organization was declared undesirable and prohibited in the Russian Federation

the further research showed that even the biased dataset did not influence the results of the spatial econometric analysis. The CPI assigns scores ranging from 0 to 100 to reflect the perceived level of corruption within each state. A score of 0 indicates high levels of corruption, while a score of 100 indicates a minimal perception of corruption. The index draws upon data from various sources, including the African Development Bank, the Bertelsman Sustainable Government Index, the Bertelsmann Transformation Index³, and Freedom House⁴, among others.

The CPI serves as a crucial indicator, capturing the extent of transparency, accountability, and corruption prevalent within the public sector. It poses fundamental questions, such as the prevalence of transparency in decision-making processes, the prioritization of public interests over personal interests by government officials, the consequences faced by officials engaged in bribery, the effectiveness of state efforts to combat corruption, and the societal and governmental attitudes towards corruption.

To examine the interdependencies between variables, the CPI is treated as an independent variable, while forty-four indicators representing international influence, politics, demography, quality of life, economics, and values are considered as dependent variables. The Coefficient of Determination (R square, CoD) is then calculated for each pair of interdependent variables, providing insights into the relationship between different indicators within each country. This analysis enables the assessment of which indicators are associated with the level of perceived corruption. However, it is important to note that the CoD does not determine the independence of variables, but rather highlights the extent of their relationship.

Furthermore, the study explores the neighborhood effect, examining how the development indicators of neighboring countries cor-

relate with the level of perceived corruption in the analyzed state. This analysis is accomplished by applying Moran's Index of Spatial Autocorrelation, which measures the degree of correlation between the indicator under examination in a specific country and the corresponding indicator in neighboring countries. This enables the identification of potential spatial dependencies and influences on the perception of corruption.

By employing these robust statistical techniques and indices, the study aims to provide a comprehensive understanding of the factors influencing corruption perception, both within individual countries and across neighboring states.

The index is calculated by the formula:

$$M = \frac{N}{W} \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{\sum_i (x_i - \bar{x})^2}$$

where i, j are units, x_i and x_j are values in i and j units, $\bar{x}$ is a sample mean on all units/value for all units, w_{ij} are all spatial relation between i^{th} and j^{th} units, N the quantity of units, W the sum of spatial weights [Cliff, Ord 1973].

To determine the neighboring states, the spatial weights matrix was computed using the k-nearest neighbors (k-NN) algorithm with $k=8$, as outlined by Okunev [Okunev 2020]. This approach involved identifying the eight closest neighboring countries for each analyzed country. Subsequently, the arithmetic average of the forty-four indicators was calculated for these neighboring countries, and a correlation was established between this average and the level of corruption in the analyzed country.

To assess spatial clusters and identify regions with significant spatial dependence between corruption perception and individual indicators in neighboring countries, the Local Indicators of Spatial Association (LISA) method was employed. This method allowed for the identification of areas with statistically significant relationships between corruption percep-

³ Bertelsman Index [Electronic source] // BTI project. URL: <https://bti-project.org/en/?&cb=00000> (accessed: 09.09.2023).

⁴ Freedom in the World, Table of Country Scores [Electronic source] // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world#Data> (accessed: 09.09.2023).

tion and specific indicators within the spatial context. For the calculation, the following formula was applied:

$$L = \frac{N}{\sum_i \sum_j w_{ij}} \frac{\sum_j w_{ij} (z_i - \bar{z})(z_j - \bar{z})}{\sum_i (z_i - \bar{z})^2}$$

where N is the number of items, z_i is the calculated indicator for the item i , a w_{ij} is an estimate of spatial weights reflecting whether i and j neighbors, such that if they are not, it is equal to zero, and if they are equal $1/|\delta_i|$, where $|\delta_i|$ is the number of neighboring items i [Anselin 1995].

The study employed the mapping of Local Indicators of Spatial Association (LISA) for countries where indicators exhibited a level of significance with a p-value of less than 0.05. This spatial analysis technique enabled the identification of four distinct types of local clusters. The "high-high" cluster represents areas where high values of corruption perception are spatially autocorrelated among neighboring countries. Conversely, the "low-low" cluster indicates areas with spatial autocorrelation of low values of corruption perception in neighboring countries. The "high-low" cluster refers to situations where high values of corruption perception are observed in the vicinity of a cluster with low values, while the "low-high" cluster denotes areas with low values of corruption perception near a cluster with high values.

Finally, the authors introduced their Index of Spatial Interdependence (ISI) as a measure to quantify the difference between the magnitudes of the Bivariate Index of Spatial Autocorrelation and the Coefficient of Determination (CoD):

$$\text{INDEX OF SPATIAL INTERDEPENDENCE} = |M_{(x,y)}| - |R_{(x,y)}|$$

where x and y are dependent and independent variables, $M_{(x,y)}$ a Bivariate Moran's index between them, $R_{(x,y)}$ – CoD between them.

The Coefficient of Determination (CoD) provides a measure of the correlation between two indicators, x , and y , indicating the degree of interdependence. On the other hand, the Bivariate Moran's index assesses the spatial autocorrelation between indicator x and the average indicator y in the neighboring countries, capturing the spatial relationships between these variables. The Index of Spatial Interdependence (ISI) evaluates the neighborhood effect, shedding light on how spatial proximity either strengthens or weakens the interdependence between indicators x and y .

In the subsequent sections, the study presents the results of the CoD, Bivariate Moran's Index, and ISI calculations for different groups of factors, including international influence, politics, demography, quality of life, economics, and values.

Politics

The indicators considered in this analysis include the Freedom of Press Index, Political Rights Index, Sustainable Governance Index, and Political Transformation Index, all measured in 2017⁵. The coefficient of determination (CoD) between the Corruption Perception Index (CPI⁶) and the Freedom of Press Index is 0.497. This indicates a strong positive correlation, suggesting that there is greater freedom of the press in societies with lower corruption levels. This can be attributed to the fact that in corrupt societies, the state often controls the media to manipulate public opinion, while in less corrupt societies, the press can operate more independently.

The Bivariate Moran's Index for this pair of indicators is -0.400, indicating a negative spatial autocorrelation. This suggests that countries with lower corruption levels have neighboring countries with less freedom of the press. This can be attributed to neighboring states' attempts to control their press to avoid power loss. However, the Index of Spatial Inter-

⁵ Freedom of the Press 2017 [Electronic source] // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/freedom-press-2017> (accessed: 09.01.2020).

⁶ Corruption Perceptions Index 2018: Full Source Description [Electronic source] // Transparency International (06.03.2023 organization was declared undesirable and banned from Russia). URL: <https://www.transparency.org/CPI2018> (accessed: 04.01.2020).

dependence (ISI) for this pair is -0.097, indicating that the internal dynamics within a country play a more significant role than the external context when it comes to the relationship between corruption perception and freedom of the press.

The CoD between the CPI and Political Rights Index is 0.462, indicating a positive correlation. This implies that countries with lower corruption levels tend to have higher levels of political rights. The Bivariate Moran's Index for this pair is -0.367, suggesting that countries with lower corruption levels have neighboring countries with fewer political rights. However, the ISI for this pair is -0.095, indicating that the spatial factor is not significant in influencing the relationship between corruption perception and political rights.

The CoD between the CPI and Sustainable Governance Index is 0.756, indicating a strong positive correlation. This implies that countries with lower corruption levels are better equipped to respond effectively to social and political challenges. The Bivariate Moran's Index for this pair is 0.128, indicating that countries with higher corruption levels have neighboring countries with less effective institutions. However, the ISI for this pair is negative (-0.628), suggesting that the spatial factor hinders the spread of corruption and its association with sustainable governance in neighboring countries.

For the pair of CPI and Political Transformation Index, the CoD is 0.110, indicating a positive correlation. This suggests that successful efforts to reduce corruption are often accompanied by successful political transformation. The Bivariate Moran's Index for this pair is 0.007, suggesting a weak spatial autocorrelation. The ISI for this pair is -0.103, indicat-

ing that the spatial factor has a limited influence on the relationship between corruption perception and political transformation in neighboring countries.

Overall, the analysis reveals that political indicators are more closely related to domestic political processes than to indicators in neighboring countries. This suggests that each state operates according to its own rules and that external political processes have limited impact. This finding aligns with the idea put forward by Thomas Carothers in his work on the end of the transition paradigm, emphasizing the unique nature of political processes within each country [Carothers 2003].

Demography

The indicators in this group include annual population growth⁷, life expectancy at birth⁸, the proportion of the population under fourteen years old⁹, the proportion of the rural population¹⁰, the proportion of migrants in the population¹¹, and the index of ethnic diversity [Fearon 2003]. The coefficient of determination (CoD) for the Corruption Perception Index (CPI) and annual population growth is 0.120, indicating a weak connection. It suggests that countries with lower corruption levels tend to have lower population growth. The Bivariate Moran's index for this pair is -0.321, indicating that countries with lower corruption levels have neighboring countries with lower population growth. The Index of Spatial Interdependence (ISI) is 0.201, suggesting that spatial factors enhance the correlation between these indicators.

For the pair of CPI and life expectancy at birth, the CoD is 0.457, indicating a positive correlation. This implies that countries with lower corruption levels tend to have higher life

⁷ Population growth (annual %) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?view=chart> (accessed: 10.01.2020).

⁸ Life expectancy at birth, total (years) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/sp.dyn.le00.in> (accessed: 10.01.2020).

⁹ Population ages 0-14 (\$ of total population) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/sp.pop.0014.to.zs> (accessed: 10.01.2020).

¹⁰ Rural population (\$ of total population) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/sp.rur.totl.zs> (accessed: 10.01.2020).

¹¹ International migrant stock (% of population) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.TOTL.ZS> (accessed: 10.01.2020).

expectancies. This can be attributed to factors such as reduced crime rates and better quality medical services in less corrupt societies. The Moran's index for this pair is 0.412, indicating that countries with lower corruption levels have neighboring countries with higher life expectancies. However, the ISI is -0.045, suggesting that the spatial factor does not play a significant role in this pair, and domestic factors primarily explain the correlation.

The CoD for the pair of CPI and the proportion of people under fourteen years old is 0.407. This suggests a weak correlation, but it can be inferred that more corrupt societies tend to have a higher proportion of children. This may be attributed to the lower standard of living for the lower strata of the population in corrupt states, leading to a higher birth rate. The Bivariate Moran's index for this pair is -0.417, while the ISI is 0.010, indicating that internal factors are more important and the spatial factor plays a relatively insignificant role.

For the pair of CPI and the proportion of the rural population, the CoD is 0.252, indicating a positive correlation. This suggests that more corrupt societies tend to have a higher proportion of the urban population. This can be explained by the presence of a parochial political culture, lower levels of education, and a lack of understanding of political processes among the rural population. Corruption may serve as a mechanism for faster decision-making in such contexts. The Bivariate Index of Spatial Association is -0.257, and the ISI is 0.005, indicating that the spatial factor also has

limited significance for this pair, and domestic factors play a more important role.

The CoD for the pair of CPI and the proportion of immigrants is 0.173, suggesting a weak correlation. It can be assumed that countries with lower corruption levels tend to attract higher immigration flows due to comprehensible rules of conduct and functioning formal institutions. The Moran's index is 0.137, while the ISI is -0.036, indicating that the spatial factor has limited impact in this case.

The CoD for the pair of CPI and the Index of Ethnic Diversity is 0.143, indicating a weak positive correlation. This suggests that countries with higher levels of corruption tend to have greater ethnic diversity. It is possible that in multiethnic societies, reaching a consensus on political decisions is challenging, and corruption may serve as a means to expedite reconciliation and advance specific agendas. The Moran's index has a negative value of -0.244, indicating that countries with higher corruption levels have neighboring countries with greater ethnic diversity. The ISI is 0.101, suggesting that the spatial factor strengthens the correlation. This can be explained by the need for networking and agreement-building among the same ethnic groups in neighboring countries in multiethnic state interactions.

Standard of Living

The group of indicators examined in this analysis encompasses various factors such as adolescent fertility rate¹², expected years of schooling¹³, suicide rate¹⁴, HIV incidence¹⁵, antiretroviral therapy (ART) coverage¹⁶, diph-

¹² Adolescent fertility rate (births per 1,000 women ages 15-19) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.ADO.TFRT> (accessed: 10.01.2020).

¹³ Human Capital Index, Learning-Adjusted Years of School [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=3698&series=HD.HCI.LAYS> (accessed: 10.01.2020).

Human Capital Index, Learning-Adjusted Years of School [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=3698&series=HD.HCI.LAYS> (accessed: 10.01.2020).

¹⁴ World Health Statistics data visualizations dashboard – Suicide [Electronic source] // The World Health Organization. URL: <http://apps.who.int/gho/data/node.sdg.3-4-viz-2?lang=en> (accessed: 10.01.2020).

¹⁵ Incidence of HIV (per 1,000 uninfected population ages 15-49) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SH.HIV.INCD.ZS> (accessed: 10.01.2020).

¹⁶ Antiretroviral therapy coverage (\$ of people living with HIV) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SH.HIV.ARTC.ZS> (accessed: 10.01.2020).

theria tetanus pertussis (DTP) vaccination levels¹⁷, tuberculosis incidence¹⁸, obesity prevalence¹⁹, probability of survival to age five²⁰, and survival rate between ages 15 and 60²¹.

The Coefficient of Determination (CoD) for the correlation between the Corruption Perception Index (CPI) and the teenage fertility rate is 0.555, indicating that lower levels of corruption are associated with higher levels of teenage fertility. This may be attributed to the absence of corruption-related factors, such as restricted access to contraception or a lack of awareness among teenagers who often engage in anti-corruption activism and express dissatisfaction with non-transparent political processes [Kosolapov 2002; Weber 2013]. The Bivariate Moran's index of 0.464 suggests that higher corruption levels in country A correspond to lower teenage fertility rates in neighboring countries. However, the Index of Spatial Interdependence (ISI) of -0.091 indicates that spatial factors have limited significance in influencing this correlation, with domestic factors playing a more significant role.

For the CPI and indicators related to education, namely the expected year of schooling and expected duration of schooling adjusted for education outcomes, the CoDs are 0.376 and 0.517, respectively. These coefficients suggest that lower corruption levels are associated with longer durations of schooling, indicating that a less corrupt society tends to have a more educated population. The Bivariate Moran's indices of 0.317 and 0.367 indicate that higher corruption levels in country A correspond to lower expected durations of schooling in neighboring countries. However, the ISIs differ for the two indicators, with -0.059 for the expected dura-

tion of schooling and -0.150 for the expected duration of schooling adjusted for education outcomes. These values suggest that the spatial factor plays a role in diffusing the correlation for the latter indicator, while domestic factors are more influential for the former.

Regarding the CPI and ART coverage, the CoD is 0.305, indicating that lower corruption is associated with greater access to ART. This may be due to the fact that corruption hinders access to such therapy, and administrative resources are required in countries with high HIV/AIDS incidence. The Bivariate Moran's index of 0.176 suggests a positive correlation between corruption levels in country A and ART coverage in neighboring countries. However, the ISI of -0.129 indicates that the spatial factor interferes with the diffusion of this phenomenon, suggesting the presence of other significant factors. Similar results are observed for indicators related to vaccination.

For the pair of indicators comprising the CPI and the level of DTP vaccinations, the Moran's index is 0.179, indicating a positive correlation between corruption levels and DTP vaccination rates in neighboring countries. However, the ISI of 0.028 suggests that domestic factors play a more significant role in influencing this relationship, while the spatial factor has limited importance.

Regarding the CPI and the incidence of tuberculosis, the coefficient of determination is 0.667, indicating that lower corruption is associated with higher tuberculosis incidence. This may be attributed to the fact that tuberculosis spreads more rapidly in countries with a higher level of migration, which are often characterized by lower CPI values [Kufakova, Ovsyankina

¹⁷ Immunization, Vaccines and Biologicals [Electronic source] // The World Health Organization. URL: https://www.who.int/immunization/monitoring_surveillance/en/ (accessed: 10.01.2020).

¹⁸ Incidents of tuberculosis (per 100,000 people) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SH.TBS.INCD> (accessed: 10.01.2020).

¹⁹ Overweight and obesity. Global Health Observatory data [Electronic source] // The World Health Organization. URL: https://www.who.int/gho/ncd/risk_factors/overweight_obesity/adults/en/ (accessed: 10.01.2020).

²⁰ Human Capital Index, Probability of Survival to Age 5 [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=3698&series=HD.HCI.MORT> (accessed: 10.01.2020).

²¹ Human Capital Index, Survival Rate from Age 15-60 [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=3698&series=HD.HCI.AMRT> (accessed: 10.01.2020).

1998]. The Bivariate Moran's index of 0.341 suggests a positive correlation between corruption levels in country A and tuberculosis incidence in neighboring countries. However, the ISI of -0.326 indicates that the spatial factor disrupts the relationship between these two indicators, highlighting the influence of other factors.

The Coefficient of Determination for the CPI and the number of people suffering from obesity is 0.134, suggesting that lower corruption levels are associated with a higher prevalence of obesity. This may be explained by the fact that obesity is more common in economically developed countries, where pursuing personal benefits through corruption is less necessary. In relatively less corrupt countries, where politicians are slimmer, the electorate is more likely to suffer from obesity [Blavatsky 2021]. The Bivariate Moran's index for this pair of indicators is 0.259, and the ISI is 0.125, indicating that the spatial factor plays a role in the distribution of this phenomenon. Countries can be grouped into clusters where lower corruption levels in country A are associated with

an increase in the number of people suffering from obesity in neighboring countries.

Lastly, for the pairs of indicators comprising the CPI and the probability of survival to the age of five and the CPI and the survival rate age 15-60, the Coefficients of Determination are 0.350 and 0.370, respectively. These values suggest that lower corruption levels are associated with higher survival rates at these age ranges, indirectly indicating that more developed countries tend to have lower corruption levels. The Moran's indices for both pairs are positive (0.324 and 0.309), indicating a positive correlation between corruption levels in country A and survival rates in neighboring countries. However, the ISI values of -0.026 and -0.061 suggest that the spatial factor is not significant for these indicators, and domestic factors play a more decisive role.

Economy

The group of indicators includes GDP PPP per capita²², the share of agricultural production in the economy²³, output per worker²⁴, unemployment rate²⁵, poverty level²⁶, Gini

²² The World Factbook. GDP – Composition, by sector of origin [Electronic source] // Central Intelligence Agency. URL: <https://web.archive.org/web/20201009081734/https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/fields/214.html> (accessed: 09.09.2023).

²³ Report for Selected Countries and Subjects [Electronic source] // International monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/weorept.aspx?sy=2018&ey=2018&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=55&pr1.y=9&c=512,946,914,137,612,54,6,614,962,311,674,213,676,911,548,193,556,122,678,912,181,313,867,419,682,513,684,316,273,913,868,124,921,339,948,638,943,514,686,218,688,963,518,616,728,223,836,516,558,918,138,748,196,618,278,624,692,522,694,622,142,156,449,626,564,628,565,228,283,924,853,233,288,632,293,636,566,634,964,238,182,662,359,960,453,423,968,935,922,128,714,611,862,321,135,243,716,248,456,469,722,253,942,642,718,643,724,939,576,644,936,819,961,172,813,132,726,646,199,648,733,915,184,134,524,652,361,174,362,328,364,258,732,656,366,654,734,336,144,263,146,268,463,532,528,944,923,176,738,534,578,536,537,429,742,433,866,178,369,436,744,136,186,343,925,158,869,439,746,916,926,664,466,826,112,542,111,967,298,443,927,917,846,544,299,941,582,446,474,666,754,668,698,672&s=PPP&c&grp=0&a=> (accessed: 10.01.2020).

²⁴ Output per worker (GDP constant 2011 international \$ in PPP) – ILO modelled estimates [Electronic source] // International Labour Organization. November 2018. URL: https://www.ilo.org/ilostat/faces/oracle/webcenter/portalapp/pagehierarchy/Page27.jspx;ILOSTATCOOKIE=3wuOygyG3qID1KwROJbzGvDc3fakk9hnOsShjM_JC5sk_Q8ef-iw!-1102363596?indicator=GDP_211P_NOC_NB&subject=LPY&datasetCode=A&collectionCode=ILOEST&adf.ctrl-state=u6q5y2faq_202&_afzLoop=3636310130482957&_afzWindowMode=0&_afzWindowId=null#!%40%40%3Findicator%3DGDGP_211P_NOC_NB%26_afzWindowId%3Dnull%26subject%3DLPY%26_afzLoop%3D3636310130482957%26datasetCode%3DA%26collectionCode%3DIOEST%26_afzWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3Daestozty_4 (accessed: 10.01.2020).

²⁵ The World Factbook, Unemployment rate [Electronic source] // Central Intelligence Agency. URL: <https://web.archive.org/web/20201224124519/https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/fields/220.html> (accessed: 09.09.2023).

²⁶ Poverty headcount ration at \$3.20 a day (2011 PPP) (\$ of population) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.LMIC> (accessed: 10.01.2020).

coefficient²⁷, the share of urban population living in slums, carbon dioxide emissions²⁸, level of energy consumption per capita, digital payments²⁹, and internet access³⁰.

The coefficient of determination (CoD) for the pair of indicators comprising the CPI and GDP PPP per capita is 0.523, indicating a negative correlation between corruption and per capita GDP. This suggests that higher levels of corruption lead to an unequal distribution of resources in society, resulting in lower GDP per capita. The Bivariate Moran's index of 0.362 suggests a positive correlation between corruption levels in country A and lower GDP PPP per capita in neighboring countries. However, the ISI of -0.161 indicates that the spatial factor weakens the relationship between these variables.

For the pair of CPI and the share of agricultural production in the economy, the CoD is 0.310, indicating that lower corruption levels are associated with a lower share of agricultural production in the economy. The Bivariate Moran's index is -0.318, suggesting a negative correlation between corruption levels in country A and the share of agricultural production in neighboring countries. The ISI of 0.008 indicates that the spatial factor does not significantly affect the relationship between these variables.

The CoD for the pair of CPI and output per worker is 0.512, indicating a negative correlation between corruption levels and labor productivity. The Bivariate Moran's index of 0.419 suggests that higher corruption levels in country A are associated with lower labor productivity in neighboring countries. However, the ISI of -0.093 indicates that the spatial factor is not significant in this relationship.

For the pair of CPI and the unemployment rate, the CoD is 0.044, suggesting a weak cor-

relation between corruption levels and the unemployment rate. The negative Bivariate Moran's index of -0.145 indicates that lower corruption levels in country A are associated with higher levels of employment in neighboring countries. The ISI of 0.101 suggests that the spatial factor enhances the correlation between these variables.

The CoD for the pair of CPI and the level of poverty is 0.302, indicating that higher corruption levels are associated with higher poverty levels. This can be attributed to the concentration of resources in the hands of decision-makers in corrupt societies, often at the expense of the majority of the population. However, the CoD between CPI and the Gini coefficient is 0.096, suggesting a weaker correlation between corruption levels and income inequality. The negative Bivariate Moran's index of -0.317 for the CPI and poverty pair suggests that lower corruption levels in country A are associated with lower poverty levels in neighboring countries. The ISI of 0.015 indicates that the spatial factor does not significantly affect the relationship between these variables.

The CoD for the pair of CPI and the share of the urban population living in slums is 0.229, indicating a positive correlation between corruption levels and the proportion of the population living in slums. The negative Bivariate Moran's index of -0.030 suggests that lower corruption levels in country A are associated with a lower share of the urban population living in slums in neighboring countries. The ISI of -0.199 indicates that the spatial factor weakens the phenomenon of spatial dependence between these variables.

The Coefficient of Determination for the pair of indicators CPI and the level of electrical energy consumption³¹ is 0.328, indicating a pos-

²⁷ GINI index (World Bank estimate) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI/> (accessed: 10.01.2020).

²⁸ CO2 emissions (metric tons per capita) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/en.atm.co2e.pc> (accessed: 10.01.2020).

²⁹ G20 Financial Inclusion Indicators, Made or received digital payments in the past year (% age 15+) [Electronic source] // The World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=1251&series=g20_t (accessed: 10.01.2020).

³⁰ The Global Innovation Index [Electronic source] // URL: <https://www.globalinnovationindex.org/Home> (accessed: 06.01.2020).

³¹ Electric power consumption (kWh per capita) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KH.PC> (accessed: 10.01.2020).

Picture 1
The Bivariate Local Indicator of Spatial Association for Corruption Perception Index and Suicide rate

Source: Authors.

itive correlation between lower perceived corruption and higher electricity consumption. This can be attributed to factors such as better infrastructure and more efficient governance in countries with lower corruption levels. The Bivariate Moran's index of 0.186 suggests that lower corruption levels in country A are associated with higher electricity consumption levels in neighboring countries. However, the ISI of -0.142 indicates that the spatial factor weakens the interdependence of these variables.

For the pair of CPI and digital payments made or received, the Coefficient of Determination is 0.453, suggesting a positive correlation between lower corruption levels and higher electronic payments. This can be attributed to the transparency and efficiency of digital payment systems, which reduce opportunities for corrupt practices. The Bivariate Moran's index of 0.319 indicates that lower corruption levels in country A are associated with higher levels of digital payments in neighboring countries. The ISI of -0.134 suggests that the spatial factor weakens the interdependence of these variables.

The Coefficient of Determination for the pair of CPI and access to the Internet is 0.375, indicating a positive correlation between lower corruption levels and higher internet access.

This can be attributed to factors such as freedom of information and open governance practices in countries with lower corruption levels. The Bivariate Moran's index of 0.315 suggests that lower corruption levels in country A are associated with higher levels of Internet access in neighboring countries. However, the ISI of -0.060 indicates that the spatial factor does not significantly affect the relationship between these variables.

The Local Indicators of Spatial Association of the Corruption Perception Index

The analysis of the pairs of indicators revealed the presence of spatial clusters among countries. Specifically, for the pair of indicators CPI and the quantity of fatal cases from suicide, the incidence of HIV infection, and the number of people suffering from obesity, positive index values were observed (refer to Appendix, Table 1). This led to the examination of spatial clusters using the local indicators of spatial association.

Regarding the pair of CPI and the suicide rate (see Picture 1), the Maghreb region (except Tunisia and Western Sahara) exhibited low values for both indexes, indicating a high level of corruption in country A and a low level of mortality from suicide in neighboring states.

A similar pattern was observed in the Middle East region. However, Saudi Arabia and Oman stood out as exceptions among Middle Eastern countries. While they were expected to have the same characteristics as their neighboring countries, with high CPI and low suicide rates, they displayed low CPI and high suicide rates within the neighboring countries.

The third cluster of countries consisted of the European Union (EU), where high CPI rates and high suicide rates were observed in neighboring countries.

In terms of the Bivariate Local Indicators of Spatial Association (LISA) for the Corruption Perception Index and the incidence of HIV/AIDS infection (see Picture 2), a distinct clus-

Picture 2
The Bivariate Local Indicator of the Spatial Association of Corruption Perception Index and Incidence of HIV Infection

Source: Authors.

Picture 3
The Bivariate Local Indicators of Spatial Association Index of Corruption Perception Index and the Level of Obesity

Source: Authors.

ter emerges, encompassing the countries in the Horn of Africa. These countries fall into the low-low cluster category, indicating a high level of corruption within the cluster countries and a low level of HIV infection incidence in neighboring countries.

Regarding the Bivariate Local Indicators of Spatial Association (LISA) for the Corruption Perception Index and the number of people suffering from obesity (see Picture 3), the analysis reveals the presence of several clusters among the states.

The first cluster comprises the North American countries, which fall into the high-high category. This indicates a low level of corruption within these countries and a high prevalence of obesity in neighboring states.

The second cluster includes tropical African countries, which belong to the low-low category. These countries exhibit a high level of corruption within their societies and relatively low indicators of obesity in neighboring countries.

The cluster of countries in mainland Asia also falls into the low-low category, with high corruption levels and low obesity rates in neighboring states.

Lastly, there is a cluster of low-high countries, consisting of Iran, Iraq, Syria, and Turkey. These countries demonstrate a high level of corruption and a relatively high proportion of obese individuals in neighboring countries.

* * *

The research findings indicate that the Corruption Perception Index (CPI) exhibits a strong correlation with indicators of international influence, such as the Globalization Index, Fragile States Index, state competitiveness index, national resources rent³², innovation index³³, and expenditures on research and development (R&D)³⁴. These indicators are

directly influenced by the level of corruption within a state and the distribution of resources. The high coefficient of determination (CoD) observed between the CPI and political indicators can be attributed to the fact that more democratic societies tend to have a lower inclination towards corruption.

The standard of living indicators also demonstrate a high interdependence with the CPI, as they reflect the distribution of societal benefits within a state. Similarly, demographic indicators show a correlation with the CPI since the population shapes policies and resource allocation. With regard to economic indicators, except for the level of unemployment and the Gini Index, they are also interdependent with the CPI as they are influenced by the decision-makers' inclination to prioritize personal well-being at the expense of public welfare. Values, including civic culture³⁵ and attitudes towards corruption, are also correlated with the CPI.

Spatial indexes, although encompassing fewer indicators, are significant for certain variables where the CoD is insignificant. For instance, the "neighborhood effect" is important for indicators such as the incidence of HIV infection, the Gini Index, and the annual population growth. The spatial factor plays a role in the interdependence between the CPI and indicators of quality of life, such as the index of ethnic diversity, suicide rate, incidence of HIV, and number of obese individuals. However, the spatial factor is not significant for values and political indicators, which are influenced by domestic politics and historical/cultural factors.

In summary, corruption impacts both domestic and international factors. The interdependence of the CPI with indicators in neighboring countries suggests that formal institutions and transparent political process-

³² Total natural resources rents (% of GPD) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.TOTL.RT.ZS> (accessed: 06.01.2020).

³³ The Global Innovation Index [Electronic source] // URL: <https://www.globalinnovationindex.org/Home> (accessed: 06.01.2020).

³⁴ Research and development expenditure (% of GPD) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS> (accessed: 06.01.2020).

³⁵ World Value Survey 1981-2015 Longitudinal Aggregate [Electronic source] // World Value Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp> (accessed: 10.01.2020).

es promote adherence to rules and the establishment of more predictable international relations. Furthermore, lower levels of corruption are associated with indicators commonly found in democratic countries, indicating that democratic institutions tend to increase transparency in the political process and reduce the need for corruption as a means of personal enrichment. The neighborhood effect plays a significant role in demographic and standard of living indicators, which are universally relevant across countries. On the other hand, indicators unique to each state and influenced by institutional, historical, and cultural factors rely more on interdependence within the state.

Overall, the Pearson index has a greater impact on the interdependence of indicators compared to the Bivariate Moran's Index and the ISI, which confirms the initial hypothesis of the research. The ISI, derived from the basic level of non-spatial correlation between phenomena, indicates when the spatial factor has some limited influence on international processes and when domestic factors are more

important. When a particular phenomenon is prevalent in country A, it can affect other countries with similar levels of development, as neighboring countries tend to have similar characteristics. This finding supports the idea of dividing the world into clusters or groups of countries with similar historical, economic, political, and social backgrounds.

Therefore, the spatial factor suggests that in certain cases, it is important to consider the experiences of neighboring countries and their indicators to combat corruption effectively. The more developed and democratic neighboring countries are, the more likely states will adopt better practices and strive for more predictable and stable domestic and foreign relations. Countries within the same cluster should not only address domestic corruption but also support each other through regional cooperation, leading to a reduction in corruption and an improvement of economic indicators. Ultimately, the spatial factor is significant for the economy and demography but plays a minimal role in politics and values.

References

- Anselin L. (1995). Local Indicators of Spatial Association LISA. *Geographical analysis*. Vol. 27. No. 2. P. 93–115. <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.1995.tb00338.x>
- Carothers T. (2003). Konets paradigmy tranzita [The End of the Transit Paradigm]. *Politicheskaya nauka*. No. 2. P. 42–65.
- Becker S.O., Egger P.H., Seidel T. (2009). Common political culture: Evidence on regional corruption contagion. *European Journal of Political Economy*. Vol. 25. No. 3. P. 300–310.
- Blavatsky P.R. (2021). Obesity of politicians and corruption in Ukraine in 2000-2020 – Reply. *Economics of Transition and Institutional Change*. Vol. 29. No. 6. P. 361–365.
- Chedraui J.E., Arcaraz F., and Botero A. (2016). *Factors Affecting Corruption in Developing and Emerging Countries* [Undergraduate research paper]. Georgia Institute of Technology. 18 p. URL: <http://hdl.handle.net/1853/56047>.
- Churchill R.Q., Agbodo W., Arhenful P. (2013). Determining Factors Affecting Corruption: A Cross Country Analysis. *International Journal of Economics, Business and Finance*. Vol. 10. No.1. P. 275–285.
- Cliff A., Ord J.K. (1973). *Spatial Autocorrelation*. London: Pion. 178 p.
- Doshi S., Ranganatha M. (2018). Towards a critical geography of corruption and power in late capitalism. *Progress in Human Geography*. Vol. 43. No. 3. P. 436–457.
- Fearon J.D. (2003). Ethnic and Cultural Diversity by Country. *Journal of Economic Growth*. Vol. 8. No. 2. P. 195–222. <https://doi.org/10.1023/A:1024419522867>
- Gawthorpe S. (2017). Spatial proximity and a system of Czech corruption. *ANTIcorruption & fraud: Detection & Measurement Conference*. URL: <https://www.ippapublicpolicy.org/file/paper/59510afab4fb4.pdf> (accessed: 08.09.2020).
- Gazenov S. (2017). Corruption and its causes. A quantitative analysis of corruption using proxy datasets. *Revista de Ciencia Política y Gobierno*. Vol. 4. No. 8. P. 69–82.
- Goel R.K., Nelson M.A. (2007). Are corrupt acts contagious?: Evidence from the United States. *Journal of Policy Modeling*. Vol. 29. No. 6. P. 839–850.

- Goel R.K., Nelson M.A. (2010). Causes of corruption : History, geography and government. *Journal of Policy Modeling*. Vol. 32. No. 4. P. 433–447.
- Goel R.K., Saunoris J.W. (2014). Global Corruption and the shadow economy: spatial aspects. *Public Choice*. Vol. 161. No. 1–2. P. 119–139. <https://doi.org/10.1007/s11127-013-0135-1>
- He N. (2016). Rethinking the Causes of Corruption: Perceived Corruption, Measurement bias, and Cultural Illusion. *Chinese Political Science Review*. No. 1. P. 268–302. <https://doi.org/10.1007/s41111-016-0024-0>
- Heidenheimer A.J., Johnston M. (eds.) (2002). *Political Corruption. Concepts and Contexts*. New York: Transaction Publishers. 970 p.
- Helmke G., Levitsky S. (2004). Informal institutes and comparative politics. A research agenda. *Perspectives on Politics*. Vol. 2. No. 4. P. 725–740.
- Kosolapov N. A. (2002). *Psikhologiya politicheskoi deiatel'nosti* [The Psychology of Political Activity]. Moscow: MGIMO. 114 p.
- Kufakova G. A., Ovsyankina E. S. (1998). Faktory riska razvitiia zabolevaniia tuberkulezom u detei i podrostkov iz sotsial'no-dezadaptirovannykh grupp naseleniia [Factors of risk of developments of tuberculosis infections in children and teenagers from socially disadvantaged groups of the population]. *Bol'shoi Tselevoi Zhurnal o tuberkuleze*. No 1. URL: <https://medi.ru/info/5985/> (accessed: 08.02.2020).
- Okunev I. Yu. (2020). *Atlas mezhdunarodnykh otnoshenii: prostranstvennyi analiz indikatorov mirovogo razvitiia* [Atlas of international relations: spatial analysis of the world indexes]. Moscow: Aspect Press. 444 p.
- Pellegrini L., Gerlagh R. (2008). Causes of corruption: a survey of cross-country analyses and extended results. *Economics of Governance*. Vol. 9. No. 3. P. 245–263.
- Scott J.C. (1972). *Comparative political corruption*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall. 166 p.
- Seldadyo H., de Haan J. (2006). The Determinants of Corruption: A Literature Survey and New Evidence. In *EPCS Conference, Turku, Finland*. P. 20–23.
- Tobler W.R. (1970). A Computer Movie Simulating Urban Growth in Detroit Region. *Economic Geography*. Vol. 46. Supplement: Proceedings, International Geographical Union. Commission on Quantitative Methods. P. 234–240.
- Tobler W.R. (2004). On the First Law of Geography: A Reply. *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 94. No. 2. P. 304–310.
- Treisman, D. (2000). The causes of corruption: a cross-national study. *Journal of Public Economics*. Vol. 76. No. 3. P. 399–457.
- Warf B. (2019). *Global Corruption from a Geographic Perspective*. Cham: Springer International Publishing. 243 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-03478-8>
- Weber H. (2013). Demography and democracy: the impact of youth cohort size on democratic stability in the world. *Democratization*. Vol. 20. No. 2. P. 335–357. <https://doi.org/10.1080/13510347.2011.650916>

Appendix

Table 1

Calculation data of pairs of indicators (where x is the corruption perception index, y is one of forty-four indicators)

№	Independent Variables	Moran's Index of Spatial Association ISA	Coefficient of Determination CoD	Index of Spatial Interdependence ISI
International Influence				
1	Globalization Index	0,464	0,555	-0,091
2	Military Strength Index	-0,193	0,035	0,158
3	Fragile States Index	-0,466	0,780	-0,314
4	Global Competitiveness Index	0,369	0,650	-0,281
5	National Resources Rent	-0,222	0,178	0,044
6	Innovation Index	0,356	0,719	-0,363
7	R&D Expenses	0,206	0,419	-0,213

Table 1

Politics				
8	Freedom of Press	-0,400	0,497	-0,097
9	Political Rights	-0,367	0,462	-0,095
10	Index of the Sustainable Governance	0,128	0,756	-0,628
11	Index of Political Transformation	0,007	0,110	-0,103
Demographics				
12	Annual Population Growth	-0,321	0,120	0,201
13	Life Expectancy at Birth	0,412	0,457	-0,045
14	The share of population younger than 14 years	-0,417	0,407	0,010
15	Rural Population	-0,257	0,252	0,005
16	Migrant Population	0,137	0,173	-0,036
17	Index of Ethnic Diversity	-0,244	0,143	0,101
Standard of Living				
18	Adolescent Fertility Rate	0,464	0,555	-0,091
19	Expected year of schooling	0,317	0,376	-0,059
20	Expected Years at School	0,367	0,517	-0,150
21	Suicide Rate	0,271	0,103	0,168
22	Incidents of HIV	0,186	0,086	0,100
23	Antiretroviral Therapy coverage	0,176	0,305	-0,129
24	Vaccination Levels	0,179	0,207	-0,028
DTP (diphtheria tetanus and pertussis)				
25	Incidence of Tuberculosis	0,341	0,667	-0,326
26	The number of people suffering from obesity	0,259	0,134	0,125
27	Survival to the Age of 5	0,324	0,350	-0,026
28	Survival rate age 15 to 60	0,309	0,370	-0,061
Economics				
29	GDP PPP per capita	0,362	0,523	-0,161
30	Agriculture	-0,318	0,310	0,008
31	Output per worker	0,419	0,512	-0,093
32	Unemployment Rate	-0,145	0,044	0,101
33	Poverty level	-0,317	0,302	0,015
34	GINI Index	-0,221	0,096	0,125
35	Share of urban population living in slums	-0,030	0,229	-0,199
36	CO2 Emissions	0,197	0,164	0,033
37	Use of electrical energy	0,186	0,328	-0,142
38	Digital payments in the prior year	0,319	0,453	-0,134
39	Internet Access	0,315	0,375	-0,060
Values				
40	General public trust	0,189	0,306	-0,117
41	Power Distance Index	-0,132	0,461	-0,329
42	Autonomy Index	0,174	0,315	-0,141
43	Level of religious commitment	-0,202	0,386	-0,184
44	Postmaterial values	0,203	0,334	-0,131

Source: Authors.

ЭФФЕКТ СОСЕДСТВА В ВОСПРИЯТИИ КОРРУПЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА

ОПЫТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АВТОКОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА

ИГОРЬ ОКУНЕВ

ЕВГЕНИЯ ЗАХАРОВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Коррупция, которая порой ускоряет процесс принятия политических решений, является тем неформальным институтом, с которым борются все государства мира. Для того чтобы выявить, какие факторы влияют на высокий уровень восприятия коррупции в той или иной стране, а также существует ли пространственная зависимость в распространении этих факторов, авторы рассмотрели взаимозависимость индекса восприятия коррупции с 44 другими факторами, разделёнными на 6 категорий (международное влияние, политика, демография, качество жизни, экономика и ценности). Авторы выдвигают гипотезу, что взаимозависимость ИВК и других факторов сильнее внутри страны, чем влияние ИВК на показатели в соседних странах. С помощью коэффициента детерминации Пирсона авторы выявили взаимозависимость между индексом восприятия коррупции с каждым из индикаторов, что позволило оценить уровень коррупции с точки зрения внутренних факторов государства. Двухфакторный индекс пространственной автокорреляции Морана позволил авторам выяснить, насколько индекс восприятия коррупции в отдельной стране оказывает влияние на один из 44 индикаторов в соседних странах, а индекс пространственной зависимости — определить, какие из факторов — внутренние или внешние — значимы для каждого из показателей. По итогам исследования авторы пришли к следующим выводам. Эффект соседства играет большую роль для показателей, касающихся демографических показателей и качества жизни, которые универсальны для всех государств. Тогда как для показателей, которые обусловлены его институциональными, историческими и культурными особенностями, важным является взаимосвязь между показателями внутри государства. В совокупности авторы приходят к выводу, что индекс Пирсона имеет большее влияние на взаимозависимость показателей, чем двухфакторный индекс пространственной автокорреляции и ИПЗ, что подтверждает выдвинутую авторами гипотезу. В связи с тем что ИВК влияет на демографические показатели и качество жизни, коррупция оказывает влияние не только на процессы внутри одного государства, но и на процессы, происходящие в соседних государствах. Это, в свою очередь, позволяет производить кластеризацию государств и выделять те, которым, для улучшения своего положения, необходимо не только повышать показатели не только внутри, но и в рамках региона.

Ключевые слова:

эффект соседства, пространственный анализ, пространственная автокорреляция, коррупция, индекс восприятия коррупции, индекс Морана, индекс пространственной зависимости, коррупция

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г.).

ХОЛОДНО – О ГОРЯЧЕМ

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ МЕЖДУ КНР И США В КОНТЕКСТЕ ТАЙВАНЬСКОГО ВОПРОСА

КИРИЛЛ БАБАЕВ

КОНСТАНТИН АСМОЛОВ

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Россия

Резюме

Статья содержит анализ основных факторов, влияющих на внутреннюю и внешнюю политику Республики Корея в контексте нарастающего противостояния между «глобальным Западом» во главе с США и «мировым большинством» во главе с Россией и КНР. На фоне усиления конфронтации Вашингтона и Пекина руководство Республики Корея находится в непростой ситуации выбора между крупнейшим экономическим партнёром и «сюзереном» с точки зрения ценностной ориентации и сферы безопасности. Понимание будущего политического курса Сеула, особенно в свете предполагаемого конфликта в Тайваньском проливе, способного эскалировать до противостояния КНР и США, имеет важное научное и прикладное внешнеполитическое значение. На основе разбора основных трендов глобальной турбулентности и региональной безопасности делается попытка предложить разработанное на основе методик ситуационного анализа и авторского моделирования сценарное прогнозирование, касающееся как общих тенденций во внешней политике страны, так и предполагаемого уровня вовлечённости Южной Кореи в вероятный конфликт США и Китая в Тайваньском проливе. Наиболее вероятным вариантом развития событий авторы считают сохранение Южной Кореей альянса с Соединёнными Штатами, её ближайшим политическим и ценностным союзником, и дальнейшее охлаждение отношений с Китайской Народной Республикой, скорость которого может варьироваться. В то же время делается вывод, что Сеул будет стараться максимально оттянуть зримый выбор в пользу той или иной страны и стараться дистанцироваться от прямого участия в конфликте в качестве непосредственного союзника одной из сторон.

Ключевые слова:

внешняя политика Южной Кореи; глобальное противостояние США и КНР; конфликт в Тайваньском проливе; сценарное прогнозирование политических процессов; международные отношения в АТР

2023 год углубил обозначившиеся в предыдущем году конфликты между крупнейшими мировыми державами. Это обстоятельство в первую очередь будет касаться

американо-китайских противоречий, раскалывающих Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР): некогда концептуально единое экономическое, технологическое, меж-

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.04.2023

Дата принятия к публикации: 25.07.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: kbabaev@gmail.com, kvasm@mail.ru

дународно-правовое пространство меняется, постепенно превращаясь в арену противостояния военно-политических блоков и экономических объединений, где каждая из двух сверхдержав ищет новых союзников.

Хотя в основе разногласий двух стран лежит глобальная экономическая и технологическая конкуренция (которая оказывает значительное влияние и на Южную Корею), наиболее вероятным рубежом между текущим уровнем напряжённости и горячей фазой конфликта станет ситуация вокруг острова Тайвань. Рассуждения о вероятности и примерном ходе гипотетических военных действий в Тайваньском проливе часто можно встретить как в СМИ, так и в экспертном сообществе. Дополнительную актуальность они получили после бескомпромиссных заявлений и действий Пекина в ходе кризиса лета и осени 2022 года, вызванного демонстративным визитом спикера Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси на Тайвань. В ответ в марте 2023 г. генеральный секретарь Коммунистической партии Китая (КПК) Си Цзиньпин назвал воссоединение с Тайванем целью «всех китайских сыновей и дочерей»¹, а премьер Госсовета Ли Кэцян утверждал, что в 2023 г. Китай предпримет решительные шаги для борьбы с независимостью Тайваня и будет «продвигать процесс мирного воссоединения» с островом².

Вместе с тем, если сторонники США в АТР, к которым принадлежат в первую очередь Австралия и Япония (в меньшей степени Новая Зеландия и Филиппины), готовы поддерживать Вашингтон вплоть до вероятного вовлечения в конфликт, то реакцию Сеула спрогнозировать существенно сложнее. С одной стороны, Соединённые Штаты — важнейший военно-политический союзник Республики Корея, отношения с которым определяются как «стратегический альянс». С другой — ос-

новным торгово-экономическим партнёром остаётся Китай [Торкунов 2008: 16].

Когда после визита на Тайвань в августе 2022 г. спикер Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси продолжила турне по странам Восточной Азии, президент Южной Кореи Юн Сокёль оказался единственным политическим лидером, который, сославшись на отпуск, отказался от встречи с американским законодателем. Этот случай подтвердил предположение, что проамериканский курс нынешнего президента-консерватора имеет пределы.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении этих пределов, что позволит спрогнозировать политику Республики Корея в случае дальнейшего усиления напряжённости в отношении между Вашингтоном и Пекином, особенно при начале боевых действий в Тайваньском проливе с участием Соединённых Штатов.

Методология работы и степень изученности проблемы

Методологией, используемой при написании данной работы, был разработанный в том числе А. С. Ахременко [Ахременко 1999] сценарный метод, широко применяющийся при моделировании политических [Ахременко 2006], экономических [Матвеев 2012] или управленческих [Ерофеев и др. 1998] процессов [Lempert 2007]. Другой опорой были методы, разработанные Е.М. Примаковым и его соратниками [Примаков, Хрусталёв 2006] при организации ситуационных анализов. Подобное сочетание определило следующую методологическую последовательность исследования:

- постановка проблемы и выявление её текущего контекста;
- определение тенденций, способных влиять на развитие ситуации с выделением суммарного вектора её развития;

¹ Си Цзиньпин назвал воссоединение с Тайванем целью всех китайцев [Электронный ресурс] // РБК. 13.03.2023. URL: https://www.rbc.ru/politics/13/03/2023/640ea6a19a79476b334a5fb1?from=from_main_9 (дата обращения: 17.03.2023).

² Китай решил добиться «мирного воссоединения» с Тайванем [Электронный ресурс] // РБК. 05.03.2023. URL: https://www.rbc.ru/politics/05/03/2023/640419c09a7947689759f40b?from=from_main_3 (дата обращения: 17.03.2023).

- выявление базовых сценариев;
- выделение ключевых событий, позволяющих обозначить основное направление их развития.

На Западе и в Республике Корея проблема позиционирования в ситуации противостояния КНР и США исследуется в многочисленных статьях и монографиях, где положение Сеула чаще всего описывается как «между молотом и наковальней» [Kim, Cha 2016], хотя выводы из этого делаются разные.

Например, профессор Чо Сонмин отмечает, что «наихудшим для Южной Кореи было бы перерастание чрезвычайной ситуации на Тайване в кризис на Корейском полуострове³». Он полагает, что Южной Корее необходимо более активно участвовать в стратегическом диалоге с Вашингтоном по тайваньским вопросам. В свою очередь, США следует лучше оценить опасения Сеула по поводу потенциального возмездия Китая и изменений в отношениях между КНР и КНДР, а также ту роль, которую Республика Корея может занять в случае конфликта. Обеим сторонам настоятельно рекомендуется включить вопрос о Тайване в повестку дня двустороннего альянса.

Директор по исследованиям в области внешней политики Института Брукингса М. О'Хэнлон убеждён, что Сеулу в случае вторжения Пекина на Тайвань имеет смысл сосредоточиться на предотвращении наступления на Корейском полуострове чрезвычайной ситуации. «Южная Корея должна дать понять Китаю, что если тот нападет на Тайвань, то развитие двусторонних отношений в привычном формате уже не будет возможно». Между тем для южнокорейской стороны важнее не допу-

стить какую-либо возможность эскалации напряжённости, связанной с Северной Кореей. Последнее может привести к войне. По его мнению, США не стоит мобилизовывать 28 000 американских военнослужащих на Корейском полуострове для вооружённого конфликта из-за Тайваня во избежание непредвиденных обстоятельств на втором фронте и не стоит «заставлять Южную Корею втягиваться в антикитайскую стратегию сдерживания, когда та вынуждена жить рядом с Китаем и должна думать о своих долгосрочных отношениях с Китаем иначе»⁴.

Южнокорейские учёные Ким Чонсоп и Ким Кванчжин обращают внимание на главную дилемму страны в тайваньском конфликте⁵. Республика должна поддерживать Соединённые Штаты и одновременно избежать войны с КНР при «высокой вероятности перерастания кризиса в Тайваньском проливе в прямое столкновение между США и Китаем», в котором прямое или косвенное вмешательство союзников Вашингтона в регионе будет неминуемым. По мнению исследователей, Южная Корея должна максимально минимизировать издержки участия в конфликте (и тем более избегать крупномасштабных прямых военных столкновений с Пекином), но при этом не довести ситуацию до распада двустороннего альянса, параллельно обеспечивая мир и стабильность на Корейском полуострове даже в разгар кризиса.

Сотрудник Центра «Восток–Запад» (Гонолулу, США) Денни Рой полагает, что Сеул останется в стороне от войны в Тайваньском проливе, ограничив поддержку «действиями, близкими к нижней границе спектра — решительными дипломати-

³ Sungmin Cho. South Korea's Taiwan conundrum [Электронный ресурс] // War on the rocks. 31.12.2021. URL: <https://warontherocks.com/2021/12/south-koreas-taiwan-conundrum/> (дата обращения: 23.06.2023).

⁴ In Taiwan crisis, S. Korea should focus on preventing a second front [Электронный ресурс] // Korea Herald. 16.11.2022. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20221116000712> (дата обращения: 23.06.2023).

⁵ Kim Jungsup, Kim Kwang-Jin. Backing the US but Avoiding War with China: South Korea's Dilemma in a Taiwan Conflict [Электронный ресурс] // Global Asia. Vol. 17. No. 3. September 2022. URL: https://www.globalasia.org/v17no3/cover/backing-the-us-but-avoiding-war-with-china-south-koreas-dilemma-in-a-taiwan-conflict_jungsup-kimkwang-jin-kim (дата обращения: 23.06.2023).

ческими заявлениями, символическими экономическими санкциями и тыловым пополнением сил США, возвращающихся с боев, — в надежде избежать прямой конфронтации с Китаем»⁶. Рой видит три веские причины для того, чтобы Сеул воздерживался от вовлечения в конфликт.

Во-первых, процветание Южной Кореи в значительной степени зависит от прочных экономических отношений с КНР. *Во-вторых*, в Сеуле продолжают считать, что дружественный Пекин может оказать сдерживающее воздействие на КНДР. *В-третьих*, решение Вашингтона защитить Тайвань может привести к выводу американских войск из Республики Корея, после чего Пхеньян, «возможно, в рамках скоординированного с Пекином плана по разделению американских сил» может начать вторжение.

Южнокорейские исследования вопроса весьма обширны. В частности, исследователи Чо Сонмин, Кан Чжунён и Чхве Усон рассматривают сценарии военного конфликта и реакцию Сеула [Cho 2023; Kang 2022; Choe 2022]. Квон Гичхан проводит параллели с ситуацией на Украине и тем, как развитие украинского конфликта может повлиять на отношения в АТР [Kwon 2022]. Чи Ынчжун анализирует взаимосвязь политики КНР в отношении Тайваня с политическим курсом Си Цзиньпина [Chi 2020]. Ким Инхан соотносит подъём Китая и перспективы конфликтов на море (не только вокруг Тайваня, но и в других районах Южно-Китайского моря) [Kim 2021]. Наконец, Чон Хёнук в своей работе затрагивает экономические и культурные аспекты ситуации [Cheng 2021].

Тайваньская проблема и вероятность её силового решения

До начала 2020-х годов ситуация с Тайванем напоминала современное положение двух корейских государств с поправкой на несопоставимость потенциалов двух

сторон, претендующих на единое пространство. КПК на материке и правящие партии на Тайване традиционно считали себя законным правительством всего Китая. В этой связи Пекин выступал категорически против любых попыток легитимации Тайбэя наподобие посещения острова представителями США во главе с Н. Пелоси. Например, 5 января 2023 г. посольство КНР в Сеуле выразило южнокорейским властям решительный протест в связи с состоявшимся 28–31 декабря 2022 г. визитом на Тайвань парламентской делегации Национального собрания Республики Корея, члены которой встречались с президентом Цай Инвэнь и спикером законодательного собрания Ю Сикунем. По мнению китайской стороны, «несанкционированный визит» серьёзным образом нарушает принцип «одного Китая» и подрывает дружбу между КНР и РК.

Между тем за 70 лет разделения (более чем два поколения) на острове начала формироваться собственная идентичность, опирающаяся на языковые, культурные и социально-экономические различия [Каимова 2013; Дикарёв, Лукин 2021]. Сторонники независимости, как правило, отказываются от претензий на власть на материке и от концепции «одного Китая», завещанной Чан Кайши. С их точки зрения, Тайвань представляет собой независимую модель развития, а взаимодействие с Пекином рассматривается как сосуществование двух китаезычных государств, связанных лишь частично общей историей, языком и культурой.

В то же время для КНР поддержание единства Китая чрезвычайно важно. Официальное отделение такой его части, как Тайвань, создаст опасный прецедент, при существовании которого о праве на сепессию могут теоретически заявлять и Тибет, и Синьцзян, и Гонконг. Следовательно, принятый в 2005 г. «Закон о предотвращении сепессии» предусматривает использо-

⁶ Roy D. South Korea Will Stay Out of a Taiwan Strait War [Электронный ресурс] // The Diplomat. 21.03.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/03/south-korea-will-stay-out-of-a-taiwan-strait-war/> (дата обращения: 23.06.2023).

вание «немирных средств» для недопущения «отторжения Тайваня от Китая»⁷. В марте 2023 г. генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин назвал воссоединение с островной территорией целью «всех китайских сыновей и дочерей»⁸, а недавний премьер Госсовета Ли Кэцян заявил, что в 2023 г. Китай предпримет «решительные шаги» для борьбы с независимостью Тайбэя и будет «продвигать процесс мирного воссоединения»⁹.

Эта проблема накладывается на американо-китайское противостояние, в котором Тайвань нужен США и как региональный союзник, опорная база в случае конфликта, и как потенциальный *casus belli*. Если конфликт войдёт в горячую фазу, для Вашингтона желательно подготовить его таким образом, чтобы первый ход сделал Пекин, который в этом случае может быть назван агрессором. Подобные игры, отражением которых был среди прочего визит Н. Pelosi, повышают вероятность конфликта.

В этой стратегии анализа можно предположить следующую последовательность событий. Тайвань объявляет независимость и признаётся Соединёнными Штатами как суверенное государство, после чего КНР вынуждена реагировать вооружённым путём согласно Закону о предотвращении сецессии вне зависимости от того, насколько Народно-освободительная армия

Китая (НОАК) готова к такому развитию событий. Помимо этого, в Вашингтоне существует влиятельное тайваньское лобби, требующее от администрации США отказаться от соблюдения принципа «одного Китая». В январе 2023 г. 18 членов Конгресса во главе с Томом Тиффани представили резолюцию, призывавшую президента Байдена установить с Тайбэем официальные дипломатические отношения и поддержать его членство в международных организациях, так как соблюдение принципа «одного Китая» контрпродуктивно и более не соответствует международным реалиям¹⁰.

Существует точка зрения, согласно которой в Пекине пойдут на силовые меры, только если на острове будет проведён референдум о независимости или будет изменена конституция, в результате чего из документа исчезнет указание, что эта территория является Китаем¹¹.

В то же время КНР ещё не готова к войне. Хотя её армия проходит модернизацию, а экономика выстраивает защиту от санкций и стратегию импортозамещения в технологических отраслях, оба процесса займут годы¹². Несмотря на то что в стратегическом плане Пекин готовится к разным ответам, на 2023 г. ставка делается на мирное воссоединение. Американский аналитический институт Центр стратегических и международных исследований полагает,

⁷ ВСНП приняло «Закон против сецессии» [Электронный ресурс] // Китайский информационный интернет-центр. 14.03.2005. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/163195.htm> (дата обращения: 17.02.2023).

⁸ Си Цзиньпин назвал воссоединение с Тайванем целью всех китайцев [Электронный ресурс] // РБК. 13.03.2023. URL: https://www.rbc.ru/politics/13/03/2023/640ea6a19a79476b334a5fb1?from=from_main_9 (дата обращения: 17.03.2023).

⁹ Китай решил добиться «мирного воссоединения» с Тайванем [Электронный ресурс] // РБК. 05.03.2023. URL: https://www.rbc.ru/politics/05/03/2023/640419c09a7947689759f40b?from=from_main_3 (дата обращения: 17.03.2023).

¹⁰ EXCLUSIVE: Rep. Tiffany Introduces Resolution Calling for US to Recognize Taiwan Independence [Электронный ресурс] // The Epoch Times. 25.01.2023. URL: https://www.theepochtimes.com/exclusive-rep-tiffany-to-introduce-resolution-calling-for-us-to-recognize-taiwan-independence_5009282.html (дата обращения: 17.02.2023).

¹¹ Иванов Г. Игра на нервах. Начнётся ли конфликт на Тайване в 2023 году? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 20.12.2022. URL: https://aif.ru/politics/world/igra_na_nervah_nachnetsya_li_konflikt_na_tayvane_v_2023_godu (дата обращения: 16.02.2023).

¹² Бабаев К.В. Если завтра Тайвань... Государств, которым выгодна война в Южно-Китайском море, не существует [Электронный ресурс] // Независимая газета. 04.02.2023. URL: https://www.ng.ru/ideas/2023-02-14/7_8660_taiwan.html (дата обращения: 17.02.2023).

что и Вашингтон не готов к конфликту с Китаем в связи с сокращением американских запасов вооружений на фоне растущих поставок на Украину¹³.

Директор ЦРУ Уильям Бёрнс со ссылкой на данные разведки в июле 2022 г. заявил, что председатель КНР Си Цзиньпин отдал вооружённым силам страны приказ к 2027 г. быть полностью готовыми к проведению операции по установлению контроля над Тайванем. С другой стороны, бывший дипломат отметил следующее: «Это указание вовсе не означает, что Си принял решение начать вторжение на Тайвань в 2027 или ином году»¹⁴. В 2027 г. будет отмечаться столетие НОАК. Что важнее, к этому времени было официально объявлено завершение текущего этапа её модернизации, приуроченного к юбилею. Таким образом, Китай действительно будет готов к конфликту в эти сроки.

Республика Корея между КНР и США

Основа прогнозирования внешней политики Южной Кореи строится на следующих предпосылках.

Во-первых, Сеул уже поставлен в ситуацию выбора между Вашингтоном и Пекином. Первый является главным партнёром страны в области обороны и безопасности, второй — в торгово-экономической сфере. При этом, если отношения с Соединёнными Штатами в последние десятилетия развивались относительно ровно, в истории южнокорейско-китайских отношений за тот же период есть прецеденты серьёзных экономических конфликтов, включая санкции Пекина и его

реакцию на размещение на территории Южной Кореи системы американской противоракетной обороны THAAD. После этих событий две страны так и не восстановили существовавший ранее уровень экономических и культурных обменов.

Во-вторых, у Республики Корея имеются амбиции регионального лидера и нежелание быть разменной монетой в игре крупных держав. Разговоры о том, в какой мере Южная Корея реально обладает стратегической автономией, представляются дискуссионными, потому что по формальным признакам страна соответствует определению державы средней силы [Асмолов, Соловьёв 2021]. Тем не менее её автономия (самостоятельность) в основном проявляется вне сфер, где США способны диктовать Сеулу свою волю.

В-третьих, южнокорейская политическая элита и в меньшей степени широкая общественность с точки зрения ценностей ориентированы скорее на Вашингтон, нежели на Пекин. Республику Корея можно назвать наиболее вестернизированной страной Азии (более, чем Япония) не только с точки зрения религиозной принадлежности населения. Даже при президенте Но Мухёне (2003–2008), который отличался показным антиамериканизмом, южнокорейские войска участвовали в американской военной операции в Ираке¹⁵. Когда в 2021 г. вопрос Тайваня начал обсуждаться на встречах представителей военных ведомств США и Республики Корея, президент Мун Чжэин заявлял о готовности своей страны способствовать «миру и стабильности» вокруг острова¹⁶.

¹³ Empty Bins in a Wartime Environment: The Challenge to the U.S. Defense Industrial Base [Электронный ресурс] // CSIS. 23.01.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/empty-bins-wartime-environment-challenge-us-defense-industrial-base> (дата обращения: 17.02.2023).

¹⁴ CIA chief warns against underestimating Xi's ambitions toward Taiwan [Электронный ресурс] // Taiwan news. 03.02.2023. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/4798831> (дата обращения: 17.02.2023).

¹⁵ Южнокорейские войска направляются в Ирак [Электронный ресурс] // РИА Новости. 02.04.2003. URL: <https://ria.ru/20030402/360966.html> (дата обращения: 17.02.2023); Последние южнокорейские войска покинули Ирак [Электронный ресурс] // Лента.ру. 19.12.2008. URL: <https://lenta.ru/news/2008/12/19/troops/> (дата обращения: 17.02.2023).

¹⁶ South Korea, U.S. agreed to work together on Taiwan — Moon [Электронный ресурс] // Yahoo Finance. 22.05.2021. URL: https://finance.yahoo.com/news/south-korea-u-agreed-together-221716435.html?fr=sycsrp_catchall (дата обращения: 14.01.2023).

Приход к власти консерваторов в 2022 г. усилил проамериканский курс Сеула. Впрочем, хотя Южная Корея с большой охотой участвует в экономических проектах, организованных Соединёнными Штатами и часто несущих антикитайскую направленность, она пока сторонится присоединения к политическим блокам и избегает прямой критики КНР. Так, во время знакового визита в США Юн Согёль затрагивал проблематику прав человека и ситуации в Южно-Китайском море, но «Китай» при этом открыто не упоминался¹⁷. В принятой в РК в декабре 2022 г. «Стратегии свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона» тайваньский вопрос обозначен в следующей нейтральной формулировке: «мир и стабильность в Тайваньском проливе важны для мира и стабильности на Корейском полуострове» [Мартинова 2023].

В Сеуле появляется осознание, что выбор придётся делать. Тем не менее, хотя сам президент Юн стремится отложить необходимость принятия решения как можно дольше под влиянием как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических проблем, рано или поздно ему или его преемнику необходимо будет пойти на этот шаг. Выбор в таком случае скорее будет сделан в пользу США. Несмотря на то что Пекин способен создать Южной Корее немало проблем в экономической сфере, Вашингтон обладает гораздо более сильными инструментами убеждения. Экономических рычагов давления на Южную Корею у Соединённых Штатов не меньше, чем у Китая. В этой связи её западный союзник, скорее всего, будет использовать все средства для сохранения Кореи в своей политической орбите.

Республика Корея и тайваньский вопрос

До 1992 г. страна признавала Тайвань как единственное китайское государство: его посольство занимало комплекс зданий в центре города и по размерам было вторым после посольства США. Хотя Тайбэй не участвовал в Корейской войне (1950–1953), Чан Кайши активно предлагал Югу свою помощь, а президент Ли Сынман (1948–1960) ещё до начала конфликта строил свои планы глобального противостояния с коммунизмом при участии Гоминьдана¹⁸. Тем не менее Вашингтон не рискнул воспользоваться помощью Тайваня, что автоматически повлекло бы за собой вмешательство КНР.

В эпоху военного режима в Южной Корее (1961–1997) Сеул и Тайбэй поддерживали военно-политический союз, основанный на антикоммунистической идеологии. Вместе с тем в 1992 г. на фоне нацеленной на сближение со странами соцлагеря «северной политики» президента Но Тхэу (1988–1993) Южная Корея установила дипломатические отношения с Пекином, после чего сотрудникам посольства Китайской Республики якобы приказали очистить помещение в течение 48 часов, а комплекс передала новым владельцам.

После этого поддержка островной администрации продолжалась в неофициальном режиме, так как это означало риск осложнения отношений с Поднебесной. Кроме того, Тайбэй является конкурентом Республики Корея в ряде жизненно важных отраслей, например производстве полупроводников. Тайваньская компания TSMC, занимающая лидирующие позиции в сегменте литейного производства полупроводниковых изделий, в 2022 г. увеличила отрыв от своего конкурента Samsung

¹⁷ Full text of joint summit statement between Yoon, Biden [Электронный ресурс] // Yonhap. 27.04.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230427001900315?section=search> (дата обращения: 28.04.2023); Full text of Yoon's address to joint session of Congress [Электронный ресурс] // Yonhap. 28.04.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230428000400315?section=search> (дата обращения: 28.04.2023); Full text of Washington Declaration adopted at Yoon-Biden summit [Электронный ресурс] // Yonhap. 27.04.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230427001700315?section=search> (дата обращения: 28.04.2023).

¹⁸ Ю.В. Ванин. Корейская война (1950–1953) и ООН. Российская акад. наук, Ин-т востоковедения. — Москва: Ин-т востоковедения РАН, 2006 (М.: Типография «Наука» РАН). — 286 с.; 23 см.; ISBN 5-89282-277-X С. 50.

Electronics, и в 2023 г. этот отрыв будет только расти¹⁹.

Как отмечает газета *Korea Times*, в первой четверти XXI века Тайвань не рассматривался как важный вопрос в повестке дня южнокорейских правительств. Между тем «в условиях нарастания напряжённости в районе пролива и на фоне вторжения России в Украину эксперты полагают, что Южная Корея больше не может позволить себе игнорировать» тайваньский вопрос²⁰, особенно на фоне демонстративных шагов США в поддержку «поддержания мира и стабильности в Тайваньском проливе», включая визиты официальных лиц.

Комментировавшие визит Н. Пелоси на Тайвань консервативные СМИ Республики Корея скорее разделяют взгляды Вашингтона. Ситуация сравнивается с Карибским кризисом: «Китай превратил Тайваньский пролив в горячую точку», «Пекин не должен пытаться изменить статус-кво в отношении Тайваня, воспользовавшись визитом Пелоси на де-факто независимый остров»²¹. Сторонники ориентации на Тайвань весьма многочисленны среди правящих кругов в Южной Корее. В Национальном собрании имеется межпарламентская группа «Корея–Тайвань», руководитель которой депутат-консерватор Чо Гёнхэ обладает солидным политическим весом.

Когда в сентябре 2022 г. в ходе интервью CNN президенту Юн Согёлю задали вопрос, выступит ли Сеул на стороне Вашингтона, если Пекин нападёт на Тайбэй, а США окажут ему помощь, он ушёл от прямого ответа, сказав лишь, что потенциальный

военный конфликт между Китаем и Тайванем может повысить вероятность провокационных действий со стороны Северной Кореи. Таким образом, президент дал ясно понять, что приоритетом Сеула будет оставаться Пхеньян²². На вопрос, будет ли Республика Корея просить Соединённые Штаты сначала выполнить обязательства по обеспечению безопасности на Корейском полуострове, прежде чем вмешиваться в дела Тайваня, Юн указал, что было бы «неуместно говорить о приоритетах США». И Сеул, и Тайбэй важны для Вашингтона, который должен защищать их вместе с союзниками и партнёрами²³. Тем не менее для Южной Кореи это два несравнимых по значению вопроса.

Факторы, влияющие на ход событий

В качестве факторов, которые будут оказывать влияние на дальнейший внешнеполитический курс Сеула, можно выделить следующие.

1. Уровень противостояния США и КНР, который будет определять условную дату перехода от дипломатического и технологического к иным типам противостояния, к которым авторы относят большую или меньшую вероятность войны за Тайвань.

2. Политическая обстановка на Тайване. Если в ближайшее время власть на острове перейдёт в руки оппозиционной партии Гоминьдан и новое руководство страны, более миролюбиво настроенное по отношению к Пекину, не будет форсировать вопрос независимости, вероятность силовых действий снизится. Важной рубежной датой будут президентские выборы весны

¹⁹ <https://asianews.network/samsung-likely-to-lose-again-to-tsmc-in-chips-revenue/>

²⁰ *Kim Bo-eun*. What will be South Korea's stance on Taiwan? [Электронный ресурс] // *Korea Times*. 21.04.2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/04/120_327689.html (дата обращения: 18.02.2023).

²¹ De-escalate tensions. EDITORIAL from Korea Times on Aug. 8 [Электронный ресурс] // *Korea Times*. 08.08.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220808000800315?section=news> (дата обращения: 18.02.2023).

²² *Song Sang-ho*. Yoon sees greater likelihood of N. Korean provocation in case of Taiwan conflict [Электронный ресурс] // *Yonhap*. 26.09.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220926002900325?section=news> (дата обращения: 18.02.2023).

²³ В случае тайваньского конфликта Пхеньян может пойти на провокации [Электронный ресурс] // Международное радио Кореи. 26.09.22. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=71677 (дата обращения: 18.02.2023).

2024 года. Правящая партия в 2022 г. потерпела поражение на муниципальных выборах²⁴, что повышает вероятность победы представителя Гоминьдана. В этой ситуации риск военного конфликта существенно снизится. Вместе с тем полагать, что Вашингтон приложит максимум усилий, чтобы в 2024 г. Демократическая прогрессивная партия осталась у власти и Тайвань сохранил курс на движение к независимости²⁵. Необходимо тем не менее учитывать, что доминирование во властных кругах Республики Китай сепаратистских настроений повышает вероятность силового предотвращения сессии со стороны материка.

Кроме того, в случае победы Гоминьдана снижаются политические риски, но не военные, связанные с расширением американского военного присутствия на острове. Пока на нём находятся лишь несколько десятков советников, наличие которых было признано Тайванем в 2021 году, однако газета *Wall Street Journal* сообщала о скрытых планах США направить на остров от 100 до 200 инструкторов, которые будут заниматься подготовкой тайваньских военных для возможного противостояния НОАК²⁶.

3. Внутриполитическая и экономическая обстановка в Республике Корея. Сразу отметим, что от гипотетической перемены власти до 2027 года (на фоне напряжённой внутриполитической борьбы у демократов есть возможность устроить президенту Юн

Согёлю импичмент)²⁷ ситуация не поменяется. Ориентация южнокорейских демократов на Соединённые Штаты остаётся твёрдой, и всплеск настроений, который можно оценить как подготовку к антикитайскому курсу, начался в Южной Корее ещё в правление Мун Чжэина (2017–2022). При этом проправительственные активисты наподобие профессора Со Гён Дока участвовали в раздувании скандалов не меньше, чем консервативные.

4. Уровень межкорейского противостояния. Окончательный отказ Китая содействовать снижению межкорейской напряжённости на условиях Юга может дополнительно ухудшить отношения двух стран. Согласно докладу Института стратегии и безопасности Университета Цинхуа, если в 2023 г. КНДР проведёт очередное ядерное испытание, власти Южной Кореи могут окончательно пересмотреть «три нет»²⁸ — неформальные договорённости между Севером и Югом, достигнутые в правление Мун Чжэина. Скорее всего, в этом случае южнокорейская сторона развернёт на своей территории дополнительные комплексы американской ТНААД, примет участие в региональной системе ПРО США и активизирует военно-политическое сотрудничество в рамках трёхстороннего альянса Соединённые Штаты—Республика Корея—Япония, что, в свою очередь, спровоцирует ухудшение отношений между Сеулом и Пекином²⁹. С другой

²⁴ Правящая партия Тайваня проиграла местные выборы // РИА Новости, 27 ноября 2022 г. URL: <https://ria.ru/20221127/taiwan-1834516830.html> (дата обращения: 18.02.2023).

²⁵ Бабаев К. Если завтра Тайвань... [Электронный ресурс] // Независимая газета. 04.02.2023. URL: https://www.ng.ru/ideas/2023-02-14/7_8660_taiwan.html (дата обращения: 17.02.2023).

²⁶ U.S. to Expand Troop Presence in Taiwan for Training Against China Threat [Электронный ресурс] // Wall-Street Journal. 23.02.2023. URL: <https://www.wsj.com/articles/u-s-to-expand-troop-presence-in-taiwan-for-training-against-china-threat-62198a83> (дата обращения: 17.03.2023).

²⁷ Асмолов К.В. Грозит ли импичмент Юн Сок Ёлю в 2023 году? [Электронный ресурс] // РСМД. 23.11.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/grozit-li-impichment-yun-sok-yelyu-v-2023-godu/> (дата обращения: 17.03.2023).

²⁸ «Три нет» включают в себя обещание Сеула не размещать здесь никаких дополнительных батареинных систем обороны терминала высотной обороны (ТНААД), не присоединяться к системе противоракетной обороны Вашингтона и не присоединяться к трёхстороннему военному союзу США, Южной Кореи и Японии.

²⁹ 中싱크탱크 "올해 北핵실험·韓 '사드' 3불-1한' 과기 가능성 [Китайский think tank: в будущем году КНДР проведёт ядерное испытание и имеет возможность прорыва ТНААД и трёхосной ПРО РК] [Электронный ресурс] // Енхан. 12.01.2023. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20230120146900083?section=nk/news/all> (дата обращения: 17.02.2023).

стороны, если у Юга начнутся серьёзные проблемы во взаимоотношениях с Севером, активной поддержки Тайваня вряд ли стоит ожидать.

Сценарии развития ситуации

Конфликт за остров является высшей точкой противостояния в треугольнике Вашингтон—Пекин—Тайбэй. В зависимости от развития ситуации можно разделить возможные сценарии внешнеполитического курса Сеула на две подгруппы. Первая касается развития китайско-южнокорейских отношений в среднесрочной (до 2027 года)³⁰ перспективе. В этом контексте тайваньский конфликт является лишь одним из факторов, который повлияет на развитие ситуации в сторону охлаждения отношений. Если же военного конфликта удастся избежать, поведение Республики Корея будет зависеть от того, насколько сложившаяся обстановка будет позволять южнокорейской стороне в наименьшей степени вовлекаться в китайско-американское противостояние.

Вторая группа сценариев исходит из предположения, что война в Тайваньском проливе всё же начнётся. В этом случае мы анализируем не варианты вовлечённости Южной Кореи в целом, а действия, непосредственно связанные с возможным столкновением. При высоком уровне вовлечённости в китайско-американский конфликт на стороне США в целом (Сеул не сможет избежать выбора в пользу Вашингтона) страна может не поддерживать высокую вовлечённость непосредственно на тайваньском направлении.

Такое сложное «дерево сценариев» позволяет нам не допустить классическую ошибку сценарного прогнозирования, когда всё сводится к трём вариантам «лучше, хуже, как есть».

Если не рассматривать конфликт за Тайвань как краткосрочную перспективу (до 2027 года), налицо три варианта внешнеполитической стратегии Южной Кореи.

Первый примерно соответствует статус-кво. Сеул продолжает сохранять стратегическую автономию и не вовлекается ни в американские, ни в китайские интеграционные военно-политические и экономические проекты. Это будет происходить только в тех случаях, когда будет обеспечена явная экономическая выгода или соответствовать южнокорейским интересам безопасности. Например, размещение стратегических вооружений США на Корейском полуострове для сдерживания ракетного потенциала КНДР.

Второй вариант предполагает, что Южная Корея принимает решение поддерживать по основным пунктам американскую политику в АТР. Подобное развитие событий произойдёт, если тема сдерживания Китая возьмёт верх в политическом дискурсе и между национальными интересами и образом «глобальной Кореи» Сеул выберет последнее. В то же время Южная Корея всё равно постарается воздерживаться от самостоятельных шагов, обостряющих отношения с Пекином, и сделает их только под давлением Вашингтона, в том числе в качестве ответа на действия КНР.

В третьем варианте Республика Корея полностью утратит свой внешнеполитический суверенитет, уступив его Соединённым Штатам. Страна, таким образом, станет авангардом Вашингтона в борьбе с Китаем. Тем не менее этот сценарий предполагает существенные изменения в структуре сегодняшних американо-южнокорейских отношений, которые пока представляются маловероятными.

Рассмотрим и возможные контрмеры КНР на деятельность США на Корейском полуострове. По-видимому, они будут повторять реакцию на размещение ТНААД в 2016 и 2017 годах, но в существенно большем масштабе. Правительство Китая постарается создать нетерпимые условия для южнокорейского бизнеса на китайском рынке. Уровень давления Пекина на соседа будет зависеть от того, насколько Сеул

³⁰ Такая дата выбрана как сообразно заявлениям У. Бернса, так и потому, что в 2027 г. заканчиваются президентские полномочия Юн Согёля.

пойдёт в фарватере американской политики. После размещения ТНААД санкции Китая носили большей частью неофициальный характер: в частности, на корейские компании стали обращать повышенное внимание полиция, пожарная и налоговая службы³¹. Стоит отметить, что в зависимости от уровня противостояния санкции могут быть наложены официально, а Республика Корея будет объявлена «недружественной юрисдикцией».

Помимо наложенных ограничений на товарный импорт и экспорт, КНР может нанести весьма чувствительный удар по распространению южнокорейского развлекательного контента в стране. Он затрагивает не только экономическую плоскость, но и учитывает политико-идеологическое обоснование того, чем южнокорейская развлекательная индустрия пагубна для китайской молодёжи.

Пекин вполне способен также создать пропагандистский фронт против Южной Кореи. Это может быть повышение внимания к теме участия в Корейской войне, которая и сейчас подаётся на материке как «попытка обстрела империалистами порога нового Китая³²». При этом китайское руководство вряд ли будет оказывать давление на корейскую диаспору. Скорее наоборот, Пекин будет использовать её для демонстрации того, что китайские корейцы — один из коренных народов страны и лояльные граждане КНР.

На начало 2020-х годов Республика Корея не готова к серьёзным ответным экономическим санкциям против Пекина. Правительство президента Юн Согёля пы-

тается оценить масштаб возможных ограничительных мер со стороны Китая и рассматривает возможности смягчить удар: например, постепенно снижать объём торговли с ним или попытаться достичь наибольшей экономической независимости. Тем не менее эта политика может дать результаты не ранее чем через десять лет, так что экономического шока в случае возникновения конфликта в кратко- и среднесрочной перспективе вряд ли удастся избежать.

Наконец, выдвинем предположения о действиях Республики Корея в условиях возникновения вооружённого конфликта вокруг Тайваня. Весьма вероятно, что Сеул активно заявит о солидарности с позицией США, но вопрос заключается в том, пойдёт ли он дальше формальных деклараций поддержки союзника. Здесь мы можем выделить несколько уровней вовлечённости.

1. Первый уровень предполагает дипломатический протест против действий КНР и формирование публичной позиции Южной Кореи на международных площадках.

2. Второй уровень рассматривает поставку Тайваню через посредничество Вашингтона нелетальных вооружений по аналогии с тем, что Республика Корея поставляет в Польшу. Параллельно Сеул может вступать и активно действовать в рамках антикитайских экономических проектов, инициируемых США, по аналогии с альянсом Chip 4³³ [Бабаев 2023].

3. Третий уровень затрагивает прямую военную помощь Тайваню, в результате чего отношения с КНР перейдут в формат

³¹ Размещение и наказание: Китай бьет Южную Корею юанем из-за американской системы ПРО // Лента.ру. 13.03.2017. URL: https://lenta.ru/articles/2017/03/13/crime_and_punishment/ (дата обращения: 20.06.2023).

³² Си Цзиньпин: В память о китайских народных добровольцах, сражавшихся в Войне за сопротивление американской агрессии и оказание помощи корейскому народу за пределами Китая // сайт посольства КНР в РФ. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ggg/202010/t20201031_2961743.htm (дата обращения: 23.06.2023).

³³ Альянс Chip 4 включает США, Японию, Южную Корею и Тайвань. Официальной целью инициативы является обеспечение цепочки поставок полупроводников, совместных разработок, исследований и слаженной координации между странами-партнёрами. Де-факто структура призвана противодействовать росту влияния КНР в глобальных цепочках поставок современной высокотехнологичной продукции, а также увеличить производственный потенциал и возможности Америки в указанной сфере.

экономического и политического противостояния образца «холодной войны». На этом этапе можно предположить действия южнокорейского правительства внутри страны, воздействующие на интересы Пекина, включая расширенные санкции в экономической и культурной сферах.

4. Наконец, четвёртый уровень возможен при крупномасштабном вооружённом конфликте, в рамках которого в соответствии с договором о взаимной обороне вооружённые силы Республики Корея вместе с армией Соединённых Штатов вступают в прямое вооружённое противостояние с НОАК.

Маркеры, указывающие на вероятность сценариев

Весьма чётким признаком ускорения политического дрейфа Сеула в сторону США может стать всплеск антикитайских настроений в общественной повестке — как на уровне национальных СМИ, так и на уровне проведения различных мероприятий, аналогичных еженедельным антияпонским демонстрациям у посольства, кампаниям бойкота товаров и компаний³⁴. Общественное мнение помогает подготовить почву для действий властей, но будет способствовать встречной негативной реакции КНР, которая обострит двусторонние отношения.

Маркером дальнейшего курса Южной Кореи станет тональность подачи ситуации вокруг Тайваня в медиасреде с точки зрения языка описания, а также того, будут ли превалировать материалы собственного авторства или перепечатки западных печатных СМИ и информационных агентств. При этом формальная риторика первых лиц играет меньшую роль: её следует рассматривать как обусловленную внутриполитической необходимостью и текущим моментом.

Более сложные предпосылки — динамика экономических процессов, которую покажет статистика, и динамика совместных военных учений Сеула и Вашингтона, име-

ющих, как правило, антикитайскую направленность.

Риски и возможности Республики Корея в случае возникновения конфликта

Основной военно-политический риск Южной Кореи заключается в том, что, выбрав сторону США, она станет уязвимой для потенциального китайского удара, соразмерного своей вовлечённости в конфликт. Сложно сказать, как Сеул сможет компенсировать ущерб от такого удара.

Первая группа рисков — последствия разрыва или ослабления торгово-экономических отношений с КНР. Утрата такого мощного торгового и инвестиционного партнёра, как Пекин, станет болезненным шоком для экономики страны с риском глубокого кризиса и существенного снижения уровня жизни.

Вторая группа рисков связана с КНДР. Китай может дать Пхеньяну сигнал раскачать ситуацию с безопасностью на северных и морских рубежах Республики Корея. Кроме того, КНР может нейтрализовать санкционное или дипломатическое воздействие на Север, используя своё право вето в Совете Безопасности ООН, или вовсе выйти из санкций ООН против Северной Кореи.

Третья группа рисков предполагает, что в случае крупномасштабного конфликта Южная Корея может стать воюющей стороной. В таком случае распространение боевых действий на территорию Корейского полуострова станет лишь вопросом времени. В рамках военного противостояния Вашингтона и Пекина для НОАК логичной будет атака против американских баз на территории Южной Кореи с риском «сопутствующего ущерба». Будет ли в подобном случае Северная Корея действовать вместе с КНР, сказать сложно, но вероятность этого весьма велика.

Что же касается **возможностей**, то в наиболее фантастическом сценарии, который некогда озвучивало ещё окружение прези-

³⁴ Близкие к правительству Южной Кореи неправительственные организации довольно качественно имитируют общественное возмущение.

дента Ли Сынмана, если Китай проиграет в вооружённом конфликте, Республика Корея может рассчитывать на объединение Корейского полуострова на своих условиях [Ванин 2006: 50]. Если же говорить о более реалистичных вариантах, то возможности также делятся на несколько групп.

Первая группа связана с тем, что превращение Тайваня в поле битвы может привести к упрочению южнокорейско-американских связей и получению «режима большего благоприятствования» в торгово-экономических отношениях, существенной экономической помощи. США не просто покроют убытки Сеула, но и попытаются сделать из Республики Корея динамичного конкурента КНР, вкладываясь в развитие южнокорейской экономики столь же интенсивно, как в 1950-х и 1960-х годах.

Вторая группа возможностей откроется в результате исключения из мирового хозяйства экономики Тайваня, являющегося конкурентом Южной Кореи в сфере производства полупроводников и электроники. Вне зависимости от того, будут ли соответствующие предприятия на острове уничтожены в ходе военного конфликта или специально ликвидированы, чтобы не отдавать их в руки Пекина, какое-то время они не будут функционировать, и южнокорейские производители лишатся одного из главных конкурентов.

Сеул может занять нишу Тайбэя как локации для потенциального размещения стратегических вооружений Соединённых Штатов. В условиях нарождающегося блокового противостояния значение Южной Кореи повышается подобно тому, как в ходе Корейской войны Вашингтон остановил демилитаризацию Японии, поняв, что других союзников в регионе у неё не остаётся.

Наконец, третья группа возможностей имеет внутривнутриполитическое измерение. Поскольку конфликт с Китаем будет позиционирован Западом как идеологическое противостояние между авторитаризмом и демократией, его можно будет использовать во внутривнутриполитических целях как предлог для зачистки оппозиционного (прокитайского) поля в Южной Корее.

Когда государство ведёт войну, не обходится без подавления сил, которые могут быть или восприниматься агентами влияния противоположной стороны.

Внешнестратегический курс РК в треугольнике Вашингтон—Пекин—Сеул во многом зависит от конфронтации между «глобальным Западом» во главе с США и «мировым большинством» во главе с Россией и КНР. Однако, несмотря на необходимость выбирать между ведущим партнёром в торгово-экономической сфере и идеологическим сюзереном и главным партнёром в области безопасности, уровень вестернизации страны указывает на то, что несмотря на желание балансирования, Сеул будет склоняться в сторону Вашингтона.

В этом контексте в среднесрочной перспективе (до 2027 года, когда заканчивается срок полномочий президента РК, принадлежащего к консервативному блоку) авторы прогнозируют охлаждение южнокорейско-китайских отношений, однако скорость этого охлаждения отношений может быть различной, и тайваньский фактор может играть в этом значительную роль.

Суммарный вектор внешнеполитического курса Сеула будет зависеть от уровня противостояния США и КНР, политической обстановки на Тайване, внутривнутриполитической обстановки в самой РК и уровня межкорейского противостояния, которое будет оказывать влияние и на отношения РК и КНР.

Если военного конфликта за Тайвань не произойдёт, поведение РК будет связано с тем, насколько она сможет сохранить свободу рук, минимально жертвуя национальными интересами в пользу США.

Если конфликт за Тайвань происходит, то он таит для Сеула множество разнообразных рисков в отношениях с Китаем, соразмерных с южнокорейской вовлечённостью в конфликт, будь то разрыв торговых связей, укрепление китайско-северокорейских контактов или даже участие в военном столкновении с НОАК.

Что касается возможностей, то конфликт за Тайвань может привести к упрочению южнокорейско-американских связей и устранению самого влиятельного конкурента в сфере производства полупроводников и электроники. Тем не менее с наибольшей

вероятностью Южная Корея постарается ограничиться политико-дипломатической поддержкой США либо, в случае большей напряжённости в отношениях между Сеулом и Пекином, поставками нелетальных средств защиты и экономической помощью.

Список литературы

- Асмолов К.В. О причинах роста антикитайских настроений в Южной Корее // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. № 27. С. 254–267. DOI: 10.48647/ZIFES.2022.74.22.015.
- Асмолов К.В., Соловьёв А.В. Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? // Международная аналитика. 2021. Т. 12. № 2. С. 49–73. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-73>.
- Ахременко А.С. Сценарный метод прогнозирования политических процессов: Дисс ... канд. полит. наук. Москва, философский факультет МГУ, кафедра политического процесса России. Институт/ Университет, 1999. 153 с.
- Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование: Учеб. пособие. М.: ГАРДАРИКИ, 2006. 333 с.
- Бабаев К.В. Вся «Индо-Тихоокеанская» рать: система военно-политических союзов США в Индийском и Тихом океанах // Контуры глобальных трансформаций. 2023. Т. 16. № 1. В печати.
- Ванин Ю.В. Корейская война (1950–1953) и ООН. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2006. 286 с.
- Дикарёв А.Д., Лукин А.В. «Тайваньская нация»: от мифа к реальности? // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 1. С. 118–133. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10009>.
- Ерофеев В.К., Карягин Н.Е., Ноздрин Е.Г. Сценарное моделирование как технология принятия групповых решений. Астрахань: Изд-во Астраханского государственного педагогического университета, 1998. 64 с.
- Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия «Тайваньская идентичность» // Вестник Московского университета. Серия «Востоковедение». 2013. № 2. С. 27–38.
- Матвеев Н.С. Сценарный подход в прогнозировании показателей национальной экономики // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 6. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2012/06/15630> (дата обращения: 23.06.2023).
- Мартынова Д.О. «Индо-тихоокеанская стратегия» во внешней политике Республики Корея // Кореистика. 2023. №1 (2). С. 77–89.
- Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения. Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. МГИМО МИД России, 2006. 28 с.
- Торкунов А.В. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА, 2008. 544 с.
- Cheng Hyunwook. 중국-대만 경제교류의 새로운 정치 쟁점: 시민 정체성과 경제적 합리성 [New Political Issues in China-Taiwan Economic Exchange: Civic Identity and Economic Rationality (In Kor.)] // Culture and Politics. 2021. Vol. 8. No. 2. P. 5–32.
- Chi Eun-Jung. 지은주 / 시진핑 집권 이후 중국의 대만정책과 양안관계 [China's Taiwan Policies after Xi Jin-ping and the Cross-Strait Relationship (In Kor.)] // International Territorial Studies. 2020. Vol. 29. No. 4. P. 113–144.
- Choe Woo-sung. 대만 군사충돌 시나리오와 한국의 대응 [Taiwan Military Conflict Scenario and South Korea's Response (In Kor.)] // IFANS. 2022. Vol. 51. P. 1–22.
- Cho Sung-min. 양안문제: 대만 해협의 무력충돌 가능성과 한국에 미칠 영향 [Cross-strait Issues: The Possibility of armed conflict in the Taiwan Strait and its Impact on South Korea (In Kor.)] // IFANS. 2023. Vol. 53. No. 4. P. 56–69.
- Inhan Kim. 중국 국력 성장과 동아시아 해양 분쟁의 격화 가능성 : 남중국해, 대만해협, 동중국해를 중심으로 [The Rise of China and the Prospects for Maritime Disputes (In Kor.)] // NEW ASIA. 2021. Vol. 21. No. 1. P. 24–49.
- Kang Jun Young. 중국-대만, 양안 무력 충돌 위기의 함의 -미국의 대만 지원 및 갈등 시나리오를 중심으로 [Reality of Armed Conflict between China and Taiwan -Focusing on the Scenario of US Support and Conflict in Taiwan] // Korean-Chinese Social Science Studies. 2022. Vol. 20. No. 1. P. 9–32.
- Kim E., Cha V. Between a Rock and a Hard Place: South Korea's Strategic Dilemmas with China and the United States // Asia Policy. 2016. No. 21. P. 101–122. Vol. 8. No. 2. P. 101–122.

Kwon Ki-chang. 우크라이나 전쟁 현황과 전망 – 중·러관계, 중·대만 양안관계, 한국에 주는 시사점 [The Ukraine War: The Current Status and Future Prospect, Russo-Chinese Relations, China-Taiwan Relations and Its Implication to the Republic of Korea] // *Foreign Relations*. 2022. Vol. 142. No. 7. P. 151–165.

Lempert R. “Can Scenarios Help Policymakers Be Both Bold and Careful?” in *Blindside: How to Anticipate Forcing Events and Wild Cards in Global Politics* / ed. by F. Fukuyama. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2007. P. 109–119.

THE REPUBLIC OF KOREA BETWEEN CHINA AND THE UNITED STATES IN THE FACE OF CONFRONTATION OVER TAIWAN

KIRILL BABAEV

KONSTANTIN ASMOLOV

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, 117218, Russia

Abstract

The article gives a tentative analysis of factors impacting the domestic and foreign policy of the Republic of Korea amid the growing confrontation between the “global West” spearheaded by the U.S. and the “global East” led by Russia and China. While the conflict between Washington and Beijing is being escalated, the South Korean leadership is likely to find itself in a precarious situation where it has to make a choice between its main economic partner and the ideological overlord in terms of value orientation and security. Understanding the upcoming political course of Seoul, especially in light of the conflict over Taiwan, is of great scientific value and is important for applied international relations studies. Based on the analysis of the main trends of global turbulence and regional security, the authors propose a scenario prognosis developed on the basis of situational analysis and author’s modeling techniques, which would include both the general trends of the country’s foreign policy and the level of potential involvement of South Korea into a probable conflict between the U.S. and China in the Taiwan Strait. It is also worth noting that the most evident outcome will be the preserved alliance with Washington which is closer to South Korea when it comes to its social and political values and a gradual deterioration in relations with China, the speed of which may vary. However, the authors conclude by saying that Seoul will go to great lengths to postpone this uneasy choice and will try to distance itself from direct participation in a military conflict.

Keywords:

South Korea’s foreign policy; global confrontation between the U.S. and China; Taiwan Strait conflict; scenario prognosis of political processes; international relations in Asia Pacific

References

- Ahremenko A.S. (1999). *Stsenarnyy metod prognozirovaniya politicheskikh protsessov* [Scenario method of forecasting political processes]. PhD thesis. :Moscow, Faculty of Philosophy, Moscow State University, Department of the Political Process of Russia. 153 p.
- Ahremenko A.S. (2006). *Politicheskiy analiz i prognozirovaniye* [Political Analysis and Forecasting]. Moscow: GARDARIKI. 333 p.

- Asmolov K.V. (2022). O prichinakh rosta antikitsayskikh nastroyeniy v Yuzhnoy Koree [On the reasons for the growth of anti-Chinese sentiment in South Korea]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. No. 27. P. 254–267. DOI: 10.48647/ZIFES.2022.74.22.015.
- Asmolov K.V., Solo'ev A.V. (2021). Strategicheskaya avtonomiya Respubliki Koreya: intellektua'naya khimera ili politicheskaya rea'nos'? [Strategic autonomy for ROC: intellectual pipe dream or political reality?]. *Mezhdunarodnaya analitika*. Vol. 12. No. 2. P. 49–73.
- Babaev K.V. (2023). Vsa «Indo-Tikhookeanskaya» ra": istemaa voenno-politicheskikh soyuzov sShA v Indiykom i Tikhom okeanakh "All the Indo-Pacific Me": The System of US Political and Military Pacts in the Indian Ocean and Asia Pacific]. *Kontury global'nykh transformatsiy*. Vol. 16. No. 1. In print.
- Cheng Hyunwook. (2021). 중국-대만 경제교류의 새로운 정치 쟁점: 시민 정체성과 경제적 합리성 [New Political Issues in China-Taiwan Economic Exchange: Civic Identity and Economic Rationality (In Kor.)]. *Culture and Politics*. Vol. 8. No. 2. P. 5–32.
- Chi Eun-Jung. (2020). 지은주 / 시진핑 집권 이후 중국의 대만정책과 양안관계 [China's Taiwan Policies after Xi Jin-ping and the Cross-Strait Relationship (In Kor.)]. *International Territorial Studies*. Vol. 29. No. 4. P. 113–144.
- Choe Woo-sung. (2022). 대만 군사충돌 시나리오와 한국의 대응 [Taiwan Military Conflict Scenario and South Korea's Response (In Kor.)]. *IFANS*. Vol. 2021. No. 51. P. 1–22.
- Cho Sung-min. (2023). 양안문제: 대만 해협의 무력충돌 가능성과 한국에 미칠 영향 [Cross-strait Issues: The Possibility of armed conflict in the Taiwan Strait and its Impact on South Korea (In Kor.)]. *IFANS*. Vol. 2023. No. 4. P. 56–69.
- Dikarev A.D., Lukin A. V. (2021). "Tayvan'skaya natsiya": ot mifa k real'nosti? [Taiwan Nation: From Myth to Reality?]. *Comparative Politics Russia*. Vol. 12. No. 1. P. 118–133.
- Erofeev V.K., Karyagin N.E., Nozdrina E.G. (1998). *Stsenarnoye modelirovanie kak tekhnologiya prinyatiya gruppovykh resheniy* [Scenario modeling as a technology for making group decisions]. Astrakhan: Izd-vo Astrahanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 64 p.
- Inhan Kim. (2023). 중국 국력 성장과 동아시아 해양 분쟁의 격화 가능성 : 남중국해, 대만해협, 동중국해를 중심으로 [The Rise of China and the Prospects for Maritime Disputes (In Kor.)]. *NEW ASIA*. Vol. 21. No. 1. P. 24–49.
- Kaimova A.S. (2013). Problemy interpretatsii ponyatiya "tayvan'skaya identichnost'" [Problems of Interpreting the Notion of "Taiwanese Identity"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya "Vostokovedenie"*. No. 2. P. 27–38.
- Kang Jun Young. (2022). 중국-대만, 양안 무력 충돌 위기의 함의 -미국의 대만 지원 및 갈등 시나리오를 중심으로 [Reality of Armed Conflict between China and Taiwan -Focusing on the Scenario of US Support and Conflict in Taiwan]. *Korean-Chinese Social Science Studies*. Vol. 20. No. 1. P. 9–32.
- Kwon Ki-chang. (2022). 우크라이나 전쟁 현황과 전망 - 중·러관계, 중·대만 양안관계, 한국에 주는 시사점 [The Ukraine War: The Current Status and Future Prospect, Russo-Chinese Relations, China-Taiwan Relations and Its Implication to the Republic of Korea]. *Foreign Relations*. Vol. 142. No. 7. P. 151–165.
- Kim E., Cha V. (2016). Between a Rock and a Hard Place: South Korea's Strategic Dilemmas with China and the United States. *Asia Policy*. No. 21. P. 101–122.
- Lempert R. (2007). "Can Scenarios Help Policymakers Be Both Bold and Careful?" in F. Fukuyama (ed.) *Blindside: How to Anticipate Forcing Events and Wild Cards in Global Politics*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. P. 109–119.
- Martynova D.O. «Indo-Tikhookeanskaya strategiya» vo vneshney politike Respubliki Koreya [The "Indo-Pacific Strategy" in the foreign policy of the Republic of Korea]. *Koreanology*. 2023. No. 1(2). P. 79–80.
- Matveev N. S. (2012). Stsenarnyi podkhod v prognozirovani pokazatelei natsional'noi ekonomiki [Scenario approach in forecasting the indicators of the national economy] [Electronic source]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. No. 6. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2012/06/15630> (accessed: 23.06.2023).
- Primakov E.M., Khrustalev M.A. (2006). *Situatsionnye analizy. Metodika provedeniya. Ocherki tekushchey politiki T. 1* [Situational analyses. The methodology of conducting. Essays on current politics. Vol. 1]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'niy forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, MGIMO. 28 p.
- Torkunov A.V. (2008). *Koreyskiy poluostrov: metamorfozy poslevoennoy istorii* [Korean peninsula: metamorphosis of the post-war history]. Moscow: OLMA. 544 p.
- Vanin Yu. V. (2006). *Koreyskaya voyna (1950–1953) i OON* [The Korean War (1950–1953) and the UN]. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN. 286 p.

SCRIPTA MANENT

Рукописи не горят. Рецензии

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИИ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Selby J., G. Daoust, and C. Hoffmann. *Divided Environments: An International Political Ecology of Climate Change, Water and Security*. Cambridge University Press, 2022. 362 p.

Шелби Я., Дауст Г., Хофманн К. *Разделённая природа: международная политическая экология изменения климата, водных ресурсов и безопасности*. Кембридж юниверсити пресс, 2022. 362 с.

«Теория всегда существует для кого-то и для каких-то целей».

Р. Кокс [Cox 1981]

На Западе прочно укоренился тезис, что глобальное изменение климата, вызванное антропогенными факторами, – один из ключевых вызовов международной безопасности. Соответствующие формулировки можно встретить в программных документах правительств и аналитических материалах. В Стратегии национальной безопасности США (2022) изменение климата называется «важнейшей и, возможно, экзистенциальной для всех стран» проблемой¹. В Национальном стратегическом обзоре Франции (2022) отмечается, что глобальное потепление создаст угрозы для продовольственной безопасности, ограничит доступ к водным ресурсам, увеличит число миграционных потоков и пандемий². В ежегодном докладе *Eurasia Group* среди десяти главных рисков глобальной безопасности в 2023 г. числится нехватка воды, которая станет «новой нормальностью»

в условиях «надвигающейся климатической катастрофы»³. В доминирующей парадигме общественной дискуссии именно дефицит природных ресурсов, вызванный климатическими изменениями, рассматривается как катализатор нестабильности.

Политический консенсус имеет в своём основании государствоцентричный подход к анализу проблем экологической безопасности, а академическое поле исследований менее гомогенно и испытывает подъём критических подходов. Новый значимый вклад в осмысление этих проблем вносит коллективное исследование Я. Шелби, Г. Дауста и К. Хофманна. Название книги представляет собой прямую отсылку к ставшей классической в политической экологии книге «Жестокие среды» [Peluso, Watts 2001] и сообщает контекст, в котором формировался авторский подход. В развитие идей Н. Пелусо и М. Уоттса работа Я. Шелби,

¹ National Security Strategy [Электронный ресурс] // White House. October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 13.06.2023). P. 9.

² National Strategic Review [Электронный ресурс] // SGDSN. 2022. URL: <https://www.sgdsn.gov.fr/files/files/rns-uk-20221202.pdf> (дата обращения: 13.06.2023). P. 7.

³ Top Risks 2023 [Электронный ресурс] // Eurasia Group. January 2023. URL: https://www.eurasiagroup.net/files/upload/EurasiaGroup_TopRisks2023.pdf (дата обращения: 13.06.2023). P. 24.

Г. Дауста и К. Хофманна направлена на деконструкцию существующего нарратива в сфере экологической безопасности.

По мнению авторов, климатический дискурс является противоречивым. Если на межгосударственном уровне климатические проблемы начали активно обсуждаться в 1970-х годах, то разработка чёткого понятийного аппарата началась только в рамках Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) в конце 1980-х. Из-за этого какое-то время в заявлениях государств, выступлениях политиков не было ясности относительно источника климатических изменений (естественные или антропогенные факторы) и их характера (потепление или похолодание) [Koutsoyiannis 2021: 21].

Современный климатический дискурс фокусируется в первую очередь на негативных последствиях изменения климата, а возможности для технологического развития, которые появляются в рамках борьбы с климатическими угрозами, зачастую отходят на второй план. Помимо этого, говоря об угрозе безопасности в контексте изменения климата, каждый определяет её по-своему, делая акцент на безопасности на уровне индивидов, нации или всего мира. Наконец, авторы не находят доминирующий нарратив о причинно-следственной связи между безопасностью и доступностью природных ресурсов убедительным, ссылаясь на количественные исследования, дающие противоречивые результаты. Например, по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, количество доступных возобновляемых водных ресурсов на человека в Израиле (206 м³ на д.н./год) меньше, чем в Судане (862 м³ на д.н./год)⁴. Однако, несмотря на относительную (по сравнению с Израилем) доступность воды, именно в Судане острее стоят проблемы экономического развития и обеспечения устойчивости государства (с. 39). Другими словами, наличие ресурсов

не может само по себе гарантировать безопасность.

В центре внимания книги находятся водные ресурсы, и это объясняется рядом причин. *Во-первых*, на примере водных ресурсов можно отследить взаимодействие нескольких государств (что и делают авторы монографии). *Во-вторых*, с водными ресурсами связано утверждение о неизбежности водных войн, которое авторы стремятся опровергнуть. Для этого они в первую очередь подвергают сомнению распространённые утверждения, связанные с водными ресурсами и их доступностью. Например, человечество не только не испытывает дефицит водных ресурсов, но обладает ими в количествах, которые превосходят запасы всех других природных богатств. К тому же следует различать реальную их нехватку, которая возникает в определённый промежуток времени и к которой можно адаптироваться, от дискурса дефицита, конструируемого на общественно-политическом уровне для обеспечения интересов отдельных субъектов [Mehta 2010: 398]. Гидроэнергию можно достаточно легко заменить: в регионах, где водная генерация энергии недоступна, на помощь приходит ветер, а железные дороги становятся альтернативой водному транспорту и позволяют грузам и людям преодолевать длинные расстояния (с. 41). Одновременно с этим вода является не только источником жизни, но также несёт с собой смерть, поскольку вместе с ней приходят наводнения и эпидемиологические заболевания (с. 43). При помощи этих аргументов авторы стремятся показать, что в доминирующих общественной и академической парадигмах значение водных ресурсов искусственно преувеличено.

Помимо этого, Я. Шелби, Г. Дауст и К. Хофманн считают, что между дефицитом водных ресурсов и конфликтами нет каузальной связи. В начале XXI века риски спровоцированной климатическими изме-

⁴ Aquastat. Food and Agriculture Organization of the United Nations [Электронный ресурс] // URL: https://tableau.apps.fao.org/views/ReviewDashboard-v1/country_dashboard?%3Adisplay_count=n&%3Aembed=y&%3AisGuestRedirectFromVizportal=y&%3Aorigin=viz_share_link&%3AshowAppBanner=false&%3AshowVizHome=n (дата обращения: 13.06.2023).

нениями дестабилизации уменьшаются. Хотя связанные с окружающей средой вооружённые столкновения и угрозы объективно существуют, равно как и растущее негативное влияние человеческой деятельности на экологию, они в большей степени определены политическими и экономическими факторами. По мнению авторов, нельзя утверждать, что рост конфликтности между субъектами может быть спровоцирован увеличивающимся дефицитом ресурсов на фоне климатических изменений. Изменение климата может способствовать активизации процессов государственного и национального строительства, трансформировать и легитимировать их. И уже эти процессы будут оказывать решающее влияние на конфликтный потенциал отношений.

Оспорить представления о влиянии изменения климата на остроту проблем безопасности авторам помогает аргумент методологического характера. Устоявшийся нарратив основан на прогнозных оценках, которые сложно поддаются верификации и неоднократно демонстрировали свою слабость (с. 12). Нынешний экодетерминизм, по мнению исследователей, выступает логически необъяснимым примером возрождения мальтузианского подхода к анализу и прогнозированию социально-экономической динамики (с. 55). Хотя у него всё ещё есть последователи [Foltz 2003; Radkau 2013; Vogelaar et al. 2018] и некоторые учёные продолжают рассматривать климатические изменения как причину социальных потрясений [Sheffield, Wood 2011; Middleton 2012], увеличивается число альтернативных оценок, подкреплённых археологическими данными. Они доказывают, что на нестабильность общественных систем в большей степени оказывают воздействие социально-политическая дезорганизация, экономические проблемы и демографические тенденции [McAnany, Yoffee 2010; Cunningham, Driessen 2021].

Я. Шелби, Г. Дауст и К. Хофманн предлагают изучать климатические изменения с точки зрения политической экологии. Методологический аппарат политической экологии (с. 18) — наследие критических

теорий, в том числе критического марксизма и неоколониальных исследований. Главное преимущество этого подхода авторы видят в отсутствии редукционизма. В частности, в отличие от ресурсоцентризма (и в более широком контексте эконоцентризма), который доминирует в современных исследованиях, для политической экологии изменение климата представляется многоаспектным явлением, а не исключительно экологической проблемой (а экологическая катастрофа не является единственно возможным сценарием для человечества). Политическая экология учитывает то, как группы интересов формулируют свои предпочтения, а также социально-экономические условия для реализации этих предпочтений, что обогащает набор используемых методов (дискурс-анализ, количественный анализ). В качестве доказательств центрального тезиса в исследовании рассматриваются пять примеров разделённых экосистем, в которых природные ресурсы стали предметом острых внутренних или международных противоречий: Израиль и Палестина; Сирия; Кипр; Судан и Южный Судан, регион озера Чад.

Анализ этих разных случаев дополняет и уточняет основное положение монографии об отсутствии каузальной зависимости между нехваткой ресурсов и конфликтами. В частности, авторы рекомендуют не преувеличивать роль географии — она мало говорит о реальной ситуации с природными ресурсами. В капиталистической экономике жизнь обеспечивают не природные ресурсы как таковые, а возможность их контролировать (власть), извлекать (богатство) и эффективно использовать (технологии). В дополнение к этому пункту важную роль играет уровень социальной организованности [Sargentis et al. 2021: 379]. Эти тезисы доказываются на примере Израиля. В 1950-х — 1960-х годах там была создана глубокоинтегрированная система водоснабжения с многочисленными подземными трубопроводами, открытыми каналами, резервуарами и насосными станциями. Благодаря ей вода стала доступной для сельского хозяйства, особенно

в прибрежных и южных районах, отдалённых от бассейна реки Иордан. Будучи страной низовья, Израиль превратился в главного потребителя воды из этой реки. Для этого были мобилизованы политические, административные и технические ресурсы, а результатом стало укрепление израильской государственности (с. 143).

По мнению Я. Шелби, Г. Дауста и К. Хофманна, значимость воды для экономики и политики в целом снижается. Логичным следствием этой тенденции становится уменьшающееся количество конфликтов, связанных с доступом к водным ресурсам. Гораздо более важными оказываются другие природные богатства. Например, нефть, что показывает история с озером Чад. На протяжении XX века его объёмы сокращались так стремительно, что стали говорить о возможности его полного исчезновения. В течение нескольких лет страны региона стремились внести озеро в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, но в 2020 г. правительство Чада попросило приостановить рассмотрение заявки из-за вновь подписанных соглашений с нефтяными компаниями о добыче нефти (с. 299). Получается, что борьба за сохранение доступа к водным ресурсам оказалась менее важной для государства по сравнению с возможностью извлечения выгоды из эксплуатации нефтяных запасов.

Авторы книги не только подвергают критике тезис о конфликтогенности ресурсного дефицита, но и предлагают уделять больше внимания анализу влияния конфликтов на природные ресурсы (соотношение «конфликты—ресурсы»). Во многих случаях в так называемых водных конфликтах ресурсы становятся инструментом и целью вооружённых столкновений, равно как их состояние также напрямую зависит от последних [Petersen-Perlman et al. 2017]. По данным Всемирного банка, к 2017 г. в результате продолжающихся боевых действий в Сирии были повреждены или разрушены около двух третей водоочистных станций, более половины насосных станций, треть водонапорных башен. В результате хозяйственная деятельность в затронутых регионах стала

невозможной, что привело к массовым перемещениям людей. Авторы книги считают, что подрывы водной инфраструктуры были подчинены чёткой цели: очистить контролируемые оппозицией территории от гражданского населения и, сделав их непригодными для жизни, не допустить возвращения туда мирных жителей (с. 214).

Даже если рассматривать соотношение «ресурсы—конфликты» (а не «конфликты—ресурсы»), то одна лишь доступность природных ресурсов не может гарантировать мир. С точки зрения неофункционализма региональное экономическое сотрудничество способствует появлению общих, преодолевающих национальные границы интересов и повышает доверие, которое позднее может распространиться на другие сферы, как, например, в случае с интеграцией в Европейском Союзе [Haas 2004]. Тем не менее на практике так происходит далеко не всегда. Созданная в 1980-х годах турецкими и греческими инженерами инфраструктура по очистке сточных вод в Никосии — разделённой столице Кипра — могла бы считаться убедительным примером сотрудничества между двумя конфликтующими сторонами. Тем не менее создание этой инфраструктуры стало заслугой не только инженеров, но и двух муниципальных лидеров, которые, будучи заинтересованными в собственном переизбрании, продвигали позитивную общую повестку. До сих пор в городе фактически существуют две независимые водоочистные системы, регулируемые разным законодательством, а функционирование общих элементов возможно благодаря неформальным договорённостям (с. 247). Не признающие друг друга стороны не стали сотрудничать в других областях, «эффекта перелива» не произошло. Это говорит о том, что доступность ресурсов и факт сотрудничества по отдельному вопросу не уменьшают уровень конфликтности в отношениях между субъектами.

Лейтмотивом книги можно считать тезис о том, что климатическая повестка — это гибкий инструмент реализации не связанных с природоохранной деятельностью

интересов, своего рода метанарратив XXI века. С помощью пяти выбранных случаев авторы стремятся показать, что отсылкой к экологическим проблемам можно легитимировать действия, которые нуждаются в обосновании, или отвлечь внимание от истинных причин проблем. Почему, например, Франция обеспокоена возможным исчезновением озера Чад? Причина не столько в стремлении сохранить водоём, сколько в том, что в Центральной Африке у Парижа особые интересы (с. 98). Участвуя в создании соответствующей повестки, Франция сохраняет возможность влиять на ситуацию в регионе. Авторы берут за основу модифицированный афоризм Роберта Кокса: климатическая повестка всегда существует для кого-то и для каких-то целей.

Несмотря на категоричность предлагаемого подхода, он имеет определённую объяснительную силу. Взгляд на экологические проблемы через призму политической экологии предлагает дополнительные аргументы, объясняющие отсутствие осязаемого прогресса в многостороннем экологическом сотрудничестве [Neal, Kunreuther 2017]. Если представители неонституционализма ссылаются на категорию «общего блага», которая лежит в основе экологических проблем и тормозит международное сотрудничество [Keohane, Victor 2016], то сторонники критического подхода делают это путём деконструкции существующего нарратива в сфере экологической безопасности.

Евгения Столярова

References

- Angelakis A., Vuorinen H., Nikolaidis C., Juuti P., Katko T., Juuti R., Zhang J., Samonis G. (2021). Water Quality and Life Expectancy: Parallel Courses in Time. *Water*. Vol. 13. No. 752. P. 1–15. URL: https://res.mdpi.com/d_attachment/water/water-13-00752/article_deploy/water-13-00752-v2.pdf (accessed: 10.08.2023).
- Cox W.R. (1981). Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory. *Millennium – Journal of International Studies*. Vol. 10. No. 2. P. 126–155.
- Cunningham T., Driessen J. (eds) (2021). *Crisis to Collapse: The Archaeology of Social Breakdown*. Louvain-la-Neuve: Presses Universitaires de Louvain. 314 p.
- Haas E. (2004). *Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950–1957*. University of Notre Dame Press. 592 p.
- Heal G., Kunreuther H. (2017). An alternative framework for negotiating climate policies. *Climatic Change*. Vol. 144. P. 29–39.
- Keohane R., Victor D. (2016). Cooperation and discord in global climate policy. *Nature Climate Change*. Vol. 6. No. 6. P. 570–575.
- Koutsoyiannis D. (2021). Rethinking Climate, Climate Change, and Their Relationship with Water. *Water*. 2021. Vol. No. 6. P. 1–38. URL: <https://www.mdpi.com/2073-4441/13/6/849> (accessed: 10.08.2023).
- McAnany P., Yoffee N. (eds) (2010). *Questioning Collapse. Human Resilience, Ecological Vulnerability, and the Aftermath of Empire*. Cambridge: Cambridge University Press. 392 p.
- Foltz R. (2003). Does Nature Have Historical Agency? World History, Environmental History, and How Historians Can Help Save the Planet. *The History Teacher*. Vol. 37. No. 1. P. 9–28.
- Mehta L. (2010). The social construction of scarcity: the case of water in western India. In R. Peet, P. Robbins, M. Watts (eds) *Global political ecology*. London: Routledge. P. 385–400.
- Middleton G. (2012). Nothing Lasts Forever: Environmental Discourses on the Collapse of Past Societies. *Journal of Archaeological Research*. Vol. 20. P. 257–307.
- Peluso N.L., Watts M. (eds) (2001). *Violent environments*. Ithaca: Cornell University Press. 464 p.
- Petersen-Perlman J., Veilleux J., Wolf A. (2017). International water conflict and cooperation: challenges and opportunities. *Water International*. Vol. 42. No. 2. P. 105–120.
- Radkau J. (2013). Nature and Power: An Intimate and Ambiguous Connection. *Social Science History*. Vol. 37. No. 3. P. 325–345.
- Sargentis G., Koutsoyiannis D., Angelakis A., Christy J., Tsonis A. (2022). Environmental Determinism vs. Social Dynamics: Prehistorical and Historical Examples. *World*. Vol. 3. No. 2. P. 357–388.
- Sheffield J., Wood E. (2011). *Drought: Past Problems and Future Scenarios*. London: Routledge. 248 p.
- Vogelaar A., Hale B., Peat A. (eds) (2018). *The Discourses of Environmental Collapse: Imagining the End*. London: Routledge. 215 p.

Наши авторы

- Асмолов Константин Валерианович** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН
- Бабаев Кирилл Владимирович** – доктор филологических наук, директор Института Китая и современной Азии РАН
- Бабкина Софья Константиновна** – эксперт Отдела академического развития Института международных исследований МГИМО МИД России
- Байков Андрей Анатольевич** – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России
- Виньо Анн Софи Луиз** – кандидат политических наук, PhD, доцент Факультета международных отношений МГИМО МИД России, представитель Центра евроазиатских исследований Редингского университета (Великобритания)
- Захарова Евгения Александровна** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований МГИМО МИД России
- Лошкарёв Иван Дмитриевич** – кандидат политических наук, доцент Кафедры политической теории МГИМО МИД России
- Окунев Игорь Юрьевич** – кандидат политических наук, директор Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований МГИМО МИД России
- Самарская Людмила Максимовна** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
- Столярова Евгения Андреевна** – преподаватель Кафедры французского языка МГИМО МИД России
- Тимофеев Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент Кафедры политической теории МГИМО МИД России
- Уолфорт Уильям** – PhD, профессор Дартмутского колледжа (США)
- Чеков Александр Дмитриевич** – научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований МГИМО МИД России

Our authors

Dr Konstantin Asmolv – Lead Research Fellow, Center for Korean Studies, Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences

Prof. Dr Kirill Babaev – Director, Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences

Dr Andrey Baykov – Vice Rector for Research Affairs, MGIMO University

Ms Sofia Babkina – Expert, Unit of Academic Development, Institute for International Studies, MGIMO University

Mr Alexander Chekov – Research Fellow, Center for Euro–Atlantic Security, Institute for International Studies, MGIMO University

Dr Anne Crowley–Vigneau – Associate Professor of International Affairs, MGIMO University; Country Representative, Centre for Euro–Asian Studies, University of Reading (UK)

Dr Ivan Loshkariov – Associate Professor, Department of Political Theory, MGIMO University

Dr Igor Okunev – Director, Center for Spatial Analysis of International Relation, Institute for International Studies, MGIMO University

Dr Liudmila Samarskaia – Research Fellow, Center for Middle Eastern Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences

Dr Ivan Timofeev – Associate Professor, Department of Political Theory, MGIMO University

Dr William C. Wohlforth – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA)

Dr Evgenia Zakharova – Senior Research Fellow, Center for Spatial Analysis of International Relation, Institute for International Studies, MGIMO University

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырёх томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатунова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американско-европейского партнёрства после распада биполярности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американско-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор **Андрей Байков**

«Международные процессы» – первый российский научный журнал, посвящённый теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание Российской Федерации.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объём рукописей, представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должен превышать 60 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

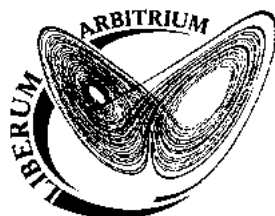
Журнал выпускается четыре раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала по каталогу «Роспечать» – 46768.

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображён «аттрактор Лоренца» – фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)
Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by **Andrey Baykov**
MGIMO University

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

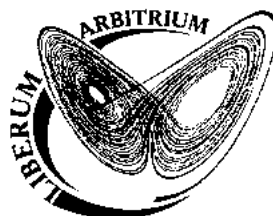
Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

International Trends welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 60,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published four times a year by the Academic Educational Forum on International Relations.

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

ТЕМАТИКА РАНЕЕ ВЫШЕДШИХ НОМЕРОВ

Том двадцать первый. 2023	No 1	Неотвратимость конфликта
Том двадцатый. 2022	No 1	Конструирование институтов и институализация конструкторов
	No 2	Согласование смыслов
	No 3	Нормативность фактического
	No 4	Производство согласия
Том девятнадцатый. 2021	No 1	Внешнеполитические ресурсы и образы действия
	No 2	Глобальные вызовы и национальные приоритеты
	No 3	Укрощение среды
	No 4	Цифровые опасности
Том восемнадцатый. 2020	No 1	Национальные задачи и международный опыт
	No 2	Нормы и конструкторы в поведении государств
	No 3	Сценарии соперничества и издержки конфликта
	No 4	Дилеммы мультилатерализма в мировой политике
Том семнадцатый. 2019	No 1	Глобальные технологические развилки
	No 2	Международные отношения. <i>К столетию дисциплины</i>
	No 3	Экономический инструментарий политики
	No 4	Форма vs. содержание в международной политике
Том шестнадцатый. 2018	No 1	Стратегии мироуправления
	No 2	Соотношение мощи и власти в международной политике
	No 3	Динамика порядка и логика протеста
	No 4	Новое в решении извечных проблем
Том пятнадцатый. 2017	No 1	Вызовы изменений
	No 2	Эволюция субъектности в глобальной политике
	No 3	К 50-летию АСЕАН
	No 4	Опыт и идентичность
Том четырнадцатый. 2016	No 1	Динамика и инерция
	No 2	Конкуренция в мировой политике
	No 3	Военная сила и асимметрия мощи
	No 4	Вызовы всемирности
Том тринадцатый. 2015	No 1	История в политике и политика в истории
	No 2	Методы и наука
	No 3	Экономические трудности политической системы
	No 4	Ресурсы влияния и инструменты регулирования
Том двенадцатый. 2014	No 1-2	Глобальная политика и информационная война
	No 3	«Новые старые» правила мировой политики?
	No 4	Независимость и предел ответственности

Том одиннадцатый. 2013	No 1	Общество, дискурс, политика
	No 2	Сотрудничество и противоборство в мировой политике
	No 3-4	К 10-летию журнала «Международные процессы»
Том десятый. 2012	No 1	Идея и структура в миросистемной эволюции
	No 2	Среда международной безопасности
	No 3-4	Теория в условиях неопределённости
Том девятый. 2011	No 1	Неуверенная экономика и напряжённое общество
	No 2	Дробление пространства политики
	No 3	Источники глобальной опасности
Том восьмой. 2010	No 1	Политические измерения глобального пространства
	No 2	Конфликт и право
	No 3	Социальная фаза глобального кризиса
Том седьмой. 2009	No 1	Контурные мирового беспорядка
	No 2	Запрос на перемены
	No 3	Политическая демократия и мировое государство
Том шестой. 2008	No 1	Цикл расхождений в мировой системе
	No 2	Кризис и перспектива
	No 3	Сила и иерархия в мировой политике
Том пятый. 2007	No 1	Контроль и влияние в мировой политике
	No 2	Сопредельные пространства в мировой политике
	No 3	Интеграция и национальный интерес
Том четвёртый. 2006	No 1	Единство и разнородность
	No 2	Хронические конфликты в мировой политике
	No 3	Глобальная конкуренция в мировом государстве
Том третий. 2005	No 1	Регулирование и саморегулирование в мировой политике
	No 2	Антропология мировой политики
	No 3	Нефть и безопасность
Том второй. 2004	No 1	Философия международных отношений
	No 2	Лидерство и контрлидерство
	No 3	Свобода и несвобода
Том первый. 2003	No 1	Порядок и право
	No 2	Мир и война
	No 3	Пространство мира и международная безопасность

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля — только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подаваемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы — должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объемом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объемом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать неперево-
данных русскоязычных конструкций и идиом.**

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. *Russie. Nei.Vision*. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo I sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «АСПЕКТ ПРЕСС»
ПРЕДЛАГАЕТ НОВИНКИ КНИГ:**

Шаклеина Т. А. Россия и США: К новому мировому порядку: Научное издание. М.: Аспект Пресс, 2023. 560 с.

АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: Научное издание / Под ред. В.М. Мазырина, Е.В. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2023. 608 с.

Мировая политика. Практикум / Под ред. Т.А. Алексеевой, М.М. Лебедевой, И.Д. Лошкарёва. М.: Аспект Пресс, 2023. 492 с.

Боровский Ю.В., Мартынов Б.Ф. Две Америки в современных международных отношениях (1991–2023): Научное издание. М.: Аспект Пресс, 2023. 375с.

Страны Востока во внешней политике России: Учебник / Под ред. Д.В. Стрельцова, К.А. Ефремова. М.: Аспект Пресс, 2023. 376 с.

Цифровые международные отношения: В 2 т. / Под ред. Е.С. Зиновьевой, С.В. Шитькова. М.: Аспект Пресс, 2023. 354 с.

Давыдов А.А. Прагматический идеализм: Продвижение демократии во внешней политике США: Научное издание. М.: Аспект Пресс, 2022. 248 с.

Научно-технологический прогресс и современные международные отношения: В 2 т. / Под ред. А.В. Бирюкова, М.Б. Алборовой, А.В. Крутских. М.: Аспект Пресс, 2023. 368 с.

Алешин А.А. Великобритания–Евросоюз–НАТО: Реорганизация «трансатлантического пространства безопасности»: Научное издание. М.: Аспект Пресс, 2023. 317 с.

Окунев И. Ю. Электоральная география: Научное издание. М.: Аспект Пресс, 2023. 312 с.

**Все книги издательства на сайте и в интернет-магазине
<https://aspectpress.ru>**

Для заметок

[illegible]